

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»

На правах рукописи

АРИСТАНГАЛИЕВА НУРГУЛЬ БАЗЫЛГАЛИЕВНА

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОКРАИНЫ РОССИИ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ПРОЗЕ 30-х годов XIX ВЕКА**

Специальность 5.9.1. — русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —
доктор филологических наук,
доцент А.Л. Фокеев

Саратов — 2024

Содержание

Введение	3
 Глава I. Национальные окраины России как предмет	
изучения и этнографического описания.....	14
1.1 Понятие национальных окраин в историографической науке	14
1.2 Имагология как литературоведческая наука.....	21
1.3 Проблемы изучения этнографического направления. Инонациональное этнографическое направление.....	33
 Глава II. Инонациональный этнос в этнографической прозе 1830-х годов	
2.1 Этнографическая проза: художественное своеобразие	43
2.2 В.И. Даль и инонациональное этнографическое направление	51
2.3 «Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких, орд и степей» А.И. Левшина как первое серьезное научно-художественное этнографическое исследование инонационального этноса	64
2.4. Этнографические повести писателей-романтиков (А.А. Бестужев-Марлинский, Е.А. Ган, Н.А. Дурова, В.А. Ушаков)	78
2.4.1. Южные окраины России в творчестве А.А. Бестужева-Марлинского	80
2.4.2. Мир калмыцкого этноса в повести «Утбалла» Е.А.Ган	100
2.4.3. Инонациональные образы в этнографической прозе Н.А.Дуровой («Серный ключ»)	110
2.4.4. Оппозиция «свой-чужой» в повести В.А.Ушакова «Киргиз-кайсак»	115
Заключение	123
Список использованной литературы	128
 Приложение	
1. А.И. Левшин. Этнографические известия о Киргиз-Кайсацких или Киргиз-Козачьих Ордах. (Выписки из большого труда). Образ жизни. // Литературная газета. 1831 год. Том III, №2.....	143
2. А.И. Левшин. Этнографические известия о Киргиз-Кайсацких или Киргиз-Козачьих Ордах. (Вторая выписка из соч.). Вера и Суеверие // Литературная газета. 1831 год. Том III, №3	145

ВВЕДЕНИЕ

Быт и нравы национальных окраин России ныне становятся предметом изучения многих наук: истории, юриспруденции, политологии и филологии, что обусловлено общественно-политическими процессами, происходящими в мире: опасностью обострения межнациональных и межэтнических конфликтов.

В этом отношении Россия представляет особое явление, поскольку к 30-м годам XIX века в состав Империи были включены обширные территории Казахстана и Средней Азии, Кавказа, Урала, Сибири, Поволжья, Польши, Прибалтики, Украины. Процессы вхождения национальных окраин в состав Российского государства, разнообразные формы их управления, этнический и конфессиональный состав стали предметом изучения в работах В. В. Трепавлова, А. В. Ремнева и Н. Г. Суворовой, Р. Л. Павлинской, Л. М. Дамешек и И. Л. Дамешек.

Бескрайние просторы России издавна были источником вдохновения русского фольклора и литературы. При изучении инонациональных образов русскими писателями вставал вопрос о способах репрезентации этих образов, степени их «инаковости». Различными аспектами художественной рецепции занимается молодая наука имагология.

Предпосылки формирования имагологии были заложены в трудах представителей сравнительного литературоведения: В. М. Жирмунского, М. П. Алексеева, Д. С. Лихачева и М. М. Бахтина. Бахтин указывал на значение диалога культур для их взаимного обогащения: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом <...> между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур <...>. При такой диалогической встрече двух культур они не смешиваются, но они взаимно обогащаются»¹. Г. Гачев, автор научно-публицистического труда «Ментальности народов мира», обновление

¹Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 354.

гуманитарного образования видел в постижении национальных особенностей, культур, ментальности: «Всякий народ есть инструмент с особым тембром в оркестре человечества», «он умеет то, чего не умеет в такой степени и в таком качестве другой, и именно в своей непохожести дорог и должен быть любим соседом, ибо восполняет его односторонность»².

Хотя В. Б. Земсков отмечает, что имагологические подходы практиковались в литературоведческой науке давно («Картина мира той или иной страны в пространстве другой культуры всегда имеет достаточно длинную историю»³), основы имагологии как науки были заложены в 1950-х гг. французскими учеными Ж.-М. Карре и М.-Ф. Гайаром; в работе «Сравнительное литературоведение» (1951) Гайар определил имагологию как часть компаративистики, цель которой — «пытаться понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях...»⁴. Существует и полемическая концепция В. П. Трыкова, считающего имагологию «антиподом» компаративистики. Мы склоняемся к расширенным определениям О. Ю. и О. А. Поляковых, которые заявляют, что имагология «опирается на весь инструментарий литературоведения, использует поэтологический анализ, нарратологические стратегии, мифопоэтические подходы»⁵; А.Ю. Большакова очерчивает конкретный «имагологический подход», когда «матричную функцию берет на себя образ страны, региона (континента) или известного города. Выстраиваемые здесь сравнительные ряды предполагают зеркальность, взаимоотражение и даже взаимовлияние возможных компонентов».

Примеры имагологического подхода при анализе взаимодействий России со странами Запада представлены в работах Н.П. Михальской⁶ и Л.Ф. Хабибуллиной⁷ о рецепции образа России в Англии, Е. П. Гречаной о рецепции образа России во

²Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М., 2008. С. 140.

³ Земсков В.Б. Образ России «на переломе» времен / В.Б. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. 25 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/article> (дата обращения 10.08.2022).

⁴Guyard M.-K. La littérature comparée. Paris, 1951. P.119.

⁵Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013. С.7.

⁶Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. М.,1995. 150 с.

⁷Хабибуллина Л. Ф. Миф России в современной английской литературе. Казань, 2010. 206 с.

Франции в свете религиозных столкновений, В.А. Хорева о рецепции образа России в Польше⁸, Е.А. Мустафиной о рецепции образа России в США.

Имагологическую оппозицию «свое-чужое» внутри Российской империи Л.Н. Сарбаш рассматривает на конкретных многочисленных примерах художественно-публицистических текстов писателей XIX века: С. Т. Аксакова, В. И. Даля, А. А. Фукс, В. Сбоева, С. В. Максимова, Н. Д. Телешова, П. И. Мельникова-Печерского, изображавших инонациональные этносы Казахстана, Сибири и Поволжья⁹.

Тем самым Сарбаш обосновывает центральный тезис о том, что «имагология русского пространства <...> в полной мере проявляется в русской литературе XIX в., которая участвует в освоении «инонациональной» почвы российской действительности»¹⁰. Исследовательница выделяет 3 «направления» инонационального в русском литературном процессе: «религиозно-мифологическая этнография — обряды и обычаи, религиозно-мифологические верования; нерусское в типической характерологии времени как социальная этнография; нерусское как осмысление духовно-нравственного опыта и ценностного мира...»¹¹. Людмила Николаевна указывает на такие ее элементы, которые сделаются предметом внимания в нашей работе, как «специфика жизненного уклада, обрядовая сторона жизни, религиозно-мифологические верования, поэтическое творчество»¹².

Исследовательница выделяет заслуги Даля, широко введившего в русское эстетическое пространство «чужие» миры Казахстана и Поволжья, изучавшего образ жизни, религиозные верования, обряды и обычаи с кропотливостью исследователя, но, не забывая об эстетическом впечатлении, благодаря которому поэтичность народных обычаев привлекала русскую публику и снимала барьеры

⁸Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. 231 с.; Восприятие России и русской литературы польскими писателями: (Очерки). М., 2012. 240 с.

⁹Сарбаш Л. Н. Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX века: Проблематика и поэтика: дисс. ... д-ра фил. н. Чебоксары, 2013. 516 с.

¹⁰Сарбаш Л.Н. Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX.: рецепция полиэтноконфессионального Поволжья в творчестве русских писателей // Имагология и компаративистика. 2017.№8. С. 142-157.

¹¹Там же. С. 143-144.

¹²Там же. С. 144.

между «своим» и «чужим». На примере очерка «Башкирская русалка», который также станет объектом анализа в нашей работе, Л.Н. Сарбаш показывает «художественный способ воссоздания нерусского», который называет «мифологической характерологией»: «органическое соединение конкретного географического описания местности — топонимов, гидронимов, цифровых параметров пещер — с поэтической башкирской мифологией...»¹³.

Ее поддерживают Н.Л. Юган¹⁴ и А.Л. Фокеев¹⁵ в своих исследованиях конкретизировавшие способы введения Далем в текст этнографических описаний и элементов фольклорных жанров. Фокеев видит в В.И. Дале основоположника этнографического направления в реалистической русской литературе, для которого характерно не только изображение героя в типических обстоятельствах, но и в фольклорно-этнографической среде, что определило событийный ряд произведений, связанный с фольклорно-этнографическими элементами, формирующий специфические формы художественной организации материала в духе литературно-фольклорного синтеза, и усиление роли быта и пейзажа.

Наряду с этим, этнографические принципы помогают осмыслить культурную традицию, в рамках которой действует персонаж, духовно-нравственные аспекты изображаемой «своей» и/или «чужой» действительности. А.Л. Фокеев выявил особый тип беллетристов-писателей, среди которых важную роль играют А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, С.В. Максимов и другие сотрудники так называемой «молодой редакции» журнала «Москвитянин», а в качестве события, реализовавшего их задачи изучения быта и среды, национальных особенностей, элементов народной поэзии и колорита местности — назвал экспедицию по Волге под патронажем Великого князя Константина Павловича.

Тридцатые годы XIX века в процессе творческого постижения «своей-чужой» действительности занимают особое место. В истории русской литературы понятие «тридцатые годы» трактуется расширенно, включая в себя период времени

¹³ Там же. С. 144-145.

¹⁴ Юган Н. Л. В. И. Даль и русская литература 30-60-х гг. XIX века. Луганск, 2011. 400с.

¹⁵ Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: Истоки, тип творчества, история развития: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М., 2004.

между поражением декабристов 14 декабря 1825 года и началом деятельности «натуральной школы» сороковых годов. Спецификой периода является то, что в данный момент времени, стремительно сменяя друг друга, а порой и параллельно, развивались различные литературные течения: предромантизм, романтизм и реализм.

В 1835г. В.Г. Белинский, указывая на наступление нового этапа русской литературы, выделял два его аспекта: интерес к изучению действительности и связанный с этим переход к аналитическим жанрам, «к прозе, к роману и повести». «Дух времени», пробудивший внимание к родной стране, к ее прошлому, к ее пути, стимулировал и изучение национальных окраин России и населяющих их народов. Уже тогда Белинский призвал к изучению многообразных национально-этнических миров как единой части общего понятия «Россия»: «Великороссия, Малороссия, Новороссия, Финляндия, Остзейские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь — все это целые миры, оригинальные и по климату, и по природе, и по языкам и наречиям, и по нравам и обычаям, и особенно по смеси чисто русского элемента со множеством других элементов, из которых иные родственны, а иные совершенно чужды ему!»¹⁶

Научные открытия привлекают к себе все большее внимание, оказывают сильнейшее влияние на самосознание общества. В печатной периодике становятся обязательными и востребованными научно-популярные отделы. Выделяются в этом отношении популярные журналы «Московский телеграф» и «Библиотека для чтения». Статьи об успехах новейшей науки на разных направлениях, наряду с прозой и поэзией, считает необходимым публиковать в «Современнике» А.С. Пушкин. Новое научное аналитическое миропонимание имело важное значение и для литературы. Передовой дух научного исследования способствовал вниманию литературы к реалиям нравов и быта. Символично, что философ и критик И. В. Киреевский, вступая в новое десятилетие, писал в «Обзрении русской словесности за 1829 год» о том, что для современной науки, не исключая философской,

¹⁶Белинский В. Г. Вступление к «Физиологии Петербурга» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 8. М., 1955. С.377.

характерно стремление к применению умозрений к действительности, и «поэзия...должна также перейти в действительность»¹⁷.

В этом отношении показательно, что для многих авторов 1830-х гг. изучение национальных окраин поначалу носило не творческий, а исследовательский характер, связанный с их деятельностью как граждан своей страны. Так, по долгу службы, исполняя обязанности в государственных органах по управлению национальными окраинами, знакомились с образом жизни, бытом и традициями «киргиз-кайсаков» А.И. Левшин и В.И. Даль. А.А. Бестужев-Марлинский заинтересуется языком, традициями, материальной и духовной культурой народов Кавказа, находясь в южной ссылке. Женщины-писательницы Н.А. Дурова и Е.А. Ган знакомятся с бытом Кавказа и Калмыкии в путешествиях, о которых они считают своим долгом поведать образованным согражданам.

Инонациональный материал при повсеместном повышении интереса и осознании значимости народной культуры, стихии фольклора и национального языка оказывается идеальным методическим материалом для изучения собственной ментальности. Во многом на основе этого материала происходит переход от романтизма к реализму, формируется этнографическое направление.

Актуальность работы определяется сочетанием в ней теоретического и историко-литературного аспектов рассмотрения проблемы инонационального в русской прозе 1830-х годов, посвященной изучению и описанию национальных окраин России.

Новизна исследования заключается в том, что тенденции развития русской литературы, смена литературных течений и формирование этнографического направления прослеживаются поэтапно на примере произведений о представителях иноязычных окраин.

Цель настоящей работы – исследование рецепции инонационального образа в прозе 1830-х г., посвященной окраинам России: различные способы

¹⁷Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Литературно-критические статьи, художественные произведения и собрание русских народных духовных стихов / Сост. и комм. А. Ф. Малышковского. 2020, ISBN: 978-5-532-05237-6.

инкорпорации и уровней художественного воплощения иноэтнических, нерусских явлений жизни.

Цель предполагает решение следующих *задач*:

- Раскрыть роль В.И. Даля в становлении инонационального этнографического направления в русской литературе, проанализировать фольклорно-этнографические структуры и способы их создания в его произведениях.

- Рассмотреть художественно-документальную монографию А.И. Левшина как первое научно-художественное этнографическое исследование инонационального этноса.

- Обобщить открытия, сделанные в повестях писателей-романтиков Е.А. Ган и В.А. Ушакова при изображении иноязычных этносов степной окраины, проанализировать художественные приемы как способы сближения «своего» и «чужого».

- Изучить следующую ступень исследования «чужого» этноса, его материальной и духовной культуры в произведениях А.А. Бестужева-Марлинского и Н.А. Дуровой при изображении Кавказа и Поволжья.

- Сопоставить прозу женщин-писательниц с целью найти общие мотивы, призванные сблизить «свое» и «чужое» при изображении женской части изображаемого этноса.

- Сопоставить выдающихся писателей и авторов второго ряда с целью найти общие черты и задачи, характеризующие эпоху 1830-х гг., и в то же время выявить оригинальность творческой манеры первых.

Объект исследования – этнографическая проза 1830-х гг., посвященная описанию национальных окраин России.

Предмет исследования — поэтика инонационального и способы его трансляции в прозе писателей 1830-х гг. (представителей романтизма и реализма) в русле формирующегося инонационального этнографического направления.

В качестве *материала* избраны следующие тексты, представляющие прозу выдающихся писателей и авторов второго ряда: романтические повести В. А.

Ушакова «Киргиз-кайсак», Е.А. Ган «Утбалла», А.А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур», Н.А. Дуровой «Серный ключ»; художественно-документальная очерковая этнографическая проза В. И. Даля и художественно-документальный труд А. В. Левшина «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей».

Методологическая основа за последние годы значительно пополнилась, что сделало возможным настоящее исследование. Это труды по изучению национальных окраин Российской империи, по исследованию инонационального этноса в русской литературе XIX века, по формированию этнографического направления в русской словесности, по теории имаголического анализа М. М. Бахтина, Г. Гачева, Л. Н. Сарбаш, А. Л. Фокеева, В. Ф. Соколовой, Н. Л. Юган, О. А. Поляковой, М.-Ф. Гийяра, В. Б. Земскова, Н. П. Михальской, В. Г. Базанова, Л. М. и И. Л. Дамешек, А. В. Ремнева и Н. Г. Суворова, Л. Р. Павлинской, В. В. Трепалова.

Для достижения цели и решения задач в диссертации были использованы следующие *методы*: историко-литературный, сравнительно-сопоставительный и культурно-исторический.

При рассмотрении литературных явлений в работе осуществлялся имаголический подход.

Теоретическая значимость исследования заключается в изучении прямого влияния, которое оказало исследование инонациональных явлений на эволюцию русской литературы 1830-х годов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Актуальность изучения национальных окраин на современном этапе развития российского общества обусловлена долгой историей, сложностью и злободневностью вопроса. Национальные окраины традиционно сделались предметом пристального изучения не только специальных наук, но и русской художественной литературы.

2. Комплексное исследование художественных произведений 1830-х гг. в контексте инонациональной поэтики позволяет говорить о гуманизирующем, объединяющем влиянии русских авторов на российское общество, поскольку при изображении укладов жизни и верований нерусских народностей инонациональное транслируется как составная часть российского мира: «иное», нерусское, но и не «чужое». Инонациональное как философское осмысление ментальных основ жизни, духовно-нравственного опыта и ценностного мира проявляется в произведениях русских писателей и стремится к универсальному, общечеловеческому контексту.

3. Этнонациональная картина бытия передавалась русскими писателями через архетипы национального сознания. Быт и обычаи, исторические и топонимические предания, обрядовые песни и праздники раскрывают этнокультурные особенности, философские воззрения и духовно-нравственные идеалы этноса. Этнопсихологический тип, национальный герой в идейно-художественной системе произведений способствовал поэтизации явлений, уклада жизни, проявлявшихся в обрядах и обычаях, религиозно-мифологических верованиях и теогонических представлениях.

4. Поэтичность обрядов и обычаев, мифологических верований иноязычных окраин России привлекала внимание писателей-романтиков как всякая «экзотика». Однако она помогала избежать стандартизации романтического сюжета, основанного на несчастном любовном конфликте возвышенных героев и противостоящей им низменной «среды». При этом изображение на материале «иного» помогало избежать цензуры и преследований при изображении проблем «своего»: тщетного стремления к свободе, зависимого положения женщины, социальной несправедливости.

5. Особенности изображения «иного» этноса требовали для своего полного раскрытия аналитического изучения повседневного быта, психологии и мировосприятия рядовых членов общества, что исподволь разрушало поэтику романтизма и способствовало укреплению реализма в русской литературе. Открытия, сделанные русскими писателями 1830-х гг. в области целей и задач

народознания, выбора героев и пейзажа при изучении иноязычных окраин России, с успехом проецировались на изучение собственной нации. Так формировалось этнографическое направление в русской литературе.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при составлении общих и специальных курсов по русской литературе 1830-х гг., эволюции от романтизма к реализму, возникновения этнографического направления; при чтении лекций, создании учебников и учебных пособий по курсам «Истории русской литературы XIX века», «Литературы народов России».

Результаты исследования были представлены на следующих конференциях: 58-ая Международная научная студенческая конференция МНСК-2020 (г.Новосибирск, 10-13 апреля 2020г.); Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы науки и практики» (Уфа, 07 февраля 2020); Международная научно-практическая конференция «Перспективные научные исследования: опыт, проблемы и перспективы развития» (Уфа, 02 марта 2021 г.); IX Всероссийская научная конференция «Междисциплинарные связи при изучении литературы» (г. Саратов, 20-21 сентября 2023г.).

Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 9 статей (3 из которых — в ведущих рецензируемых журналах, определенных Высшей аттестационной комиссией).

Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной литературы и Приложений. В Приложениях представлены вновь обнаруженные отрывки из труда А. И. Левшина «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд», опубликованные в «Литературной газете» за 1831г. и свидетельствующие об интересе русского общества к заявленной теме.

Во **введении** обозначаются актуальность и новизна диссертации, уровень разработанности определенной научной литературы. Формулируются цели и задачи, объект и предмет исследования, фиксируются используемые методы, материалы и основные источники. Обосновывается теоретическая и практическая значимость работы, раскрываются ключевые понятия, приводятся положения,

выносимые на защиту. Дается информация об апробации основных выводов диссертации, а также приводится список опубликованных по теме научных статей; описывается структура исследования.

В **первой главе** раскрываются вопросы изучения национальных окраин в различных науках, а также анализируются имагологические подходы в анализе произведений этнографической прозы.

Во **второй главе** дается характеристика этнографической прозе как типу повествования, отмечается роль и заслуга В.И. Даля в развитии этнографического направления в русской литературе, ее инонационального русла, исследуются художественно-документальная монография А.И. Левшина, посвященная описанию киргиз–кайсаков (казахов), и этнографические повести 1830-х гг. писателей–романтиков, особенности воплощения в них инонациональных образов.

В **заключении** подводятся итоги работы, делается вывод о способах репрезентации инонациональных образов в творчестве писателей-романтиков 1830-х гг., обозначаются перспективные направления дальнейшего развития темы.

Глава I

Национальные окраины как предмет изучения и этнографического описания

1.1 *Понятие национальных окраин в историографической науке*¹⁸.

Изучение национальных окраин России, процесс становления ее частью империи, эволюция управления этими окраинами как административной единицей, как отмечают многие исследователи, очень значимо на сегодняшнем этапе развития российского общества. Так или иначе, вопрос о взаимосвязи между центром и национальными окраинами затрагивает все аспекты жизни общества и становится предметом изучения представителями различных наук: историками, филологами, этнологами, юристами, географами, политологами и т. д.¹⁹ На обсуждение общественности были вынесены проблемы, решение которых невозможно рассматривать только в рамках одного научного направления. Изучение этнического состава, в том числе конфессионального, поскольку народы присоединенных земель отличаются различными религиями и религиозными течениями, изучение путей экономического развития этих территорий было предметом исследований многих ученых. Описание национальных окраин России, процесса их вхождения в состав империи, изучение эволюции управления этими окраинами в качестве административной единицы, как отмечают многие историографы, на современном этапе развития российского общества очень актуально.

Прежде всего, следует конкретизировать понятие «национальные окраины». «Под окраинами Российской империи понимаются территории Восточной Европы, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, присоединенные к России с 1552 и до 1905

¹⁸ См. об этом: Аристангалиева Н.Б. Национальные окраины России как предмет изучения в современной науке //Актуальные вопросы науки и практики: материалы международной научно-практической конференции, Уфа, 07 февраля 2020 года / отв. ред. А.Р. Халиков. Уфа, 2020. С. 126-133.

¹⁹ Дамешек М.И., И. Л. Дамешек. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX веков. Иркутск, 2015. 223 с.

г.»²⁰ и «к началу XIX столетия Российская империя представляла собой многонациональное государство. В политическом отношении она являлась конгломератом множества регионов, как внутренних, так и окраинных <...> процесс включения регионов в имперское пространство имел неоднородную типологию».²¹ Следует отметить, что понятие «окраина», давно присутствующее в российской административной практике, меняло только внутреннее содержание. Даже в XI–XII вв. новгородская знать, включавшая Югорскую землю в Зауралье в состав Великого Новгорода, подразумевала в ней, прежде всего, пограничную территорию – «окраину».

Таким образом, постепенно развивались понятия «центр» и «периферия», «окраина», под окраиной стали понимать не только удаленные от центра, но и подчиненные земли. Первое официальное употребление термина «окраина» относится к эпохе Ивана Грозного. В 1582 г. своим Указом «О суде над государственными преступниками» он распорядился высылать тех, «который в жалобнице или в суде лжёт и составит ябеду, <...> написать в казаки в украинные города Севск и Курск».²²

В XX-м столетии исследователи неоднократно пытались определить содержание дефиниции «окраина». Известный исследователь истории Сибири Л. М. Горюшкин много писал об этом, и отнес Сибирь к окраинам России. Но ученый также выразил мнение, что Польша не может быть отнесена к окраинам с точки зрения заселенности и вовлеченности в земледельческую культуру.²³

В XIX веке были определены границы государства, которое в первую очередь отличалось обширной территорией и объединяло два континента: Европу и Азию. В современной науке все больше используется понятие «Евразия» или «евразийское пространство». Она стала своеобразным союзом этносов, огромной естественно сложившейся общностью людей, в котором различные народы и

²⁰ Там же. С. 9

²¹ Дамешек М.И., И. Л. Дамешек. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX веков. Иркутск, 2015. С. 10

²² Филатов А.В. Ссылка и каторга в Российском имперском законодательстве XVI – начала XX века (Обзор). Новосибирск: Вестник НГУ. 2008. Т.7. вып.1: История. С.123

²³ Горюшкин, Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии; отв. ред. Ковальченко И.Д. Новосибирск, 1976. С. 73

культуры научились жить вместе,²⁴ и процесс инкорпорации окраинных территорий в единое общеимперское политическое и хозяйственно-экономическое пространство являлся одной из приоритетных задач.

Вопросы изучения истории, а также процессов экономического и политического развития национальных окраин обсуждались на многих международных конференций. Например, международная научно-практическая конференция, проводившаяся 27–29 сентября 2017 года в Иркутске – «Сибирь в России, Россия в Сибири: история региональной политики как фактор формирования сибирской идентичности». На конференции был представлен совместный доклад профессоров ИГУ Л.М. и И.Л. Дамешек «Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX в.». В докладе давалась оценка окраинной политике империи с точки зрения влияния ее на устойчивость развития российской государственности на протяжении XVIII–начала XX вв. Стоит отметить, что авторы давно изучают эту тему, о чем свидетельствуют их статьи и монографии об окраинной политике. Вопрос об исторических судьбах народов Сибири в составе России занимает большое место в исследованиях профессора Л.М. Дамешек.²⁵

Следует отметить еще один труд ученых, посвященный изучению вопроса национальных окраин: «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления (под ред. С.Г. Агаджанова и В.В. Трепавлова). В этой книге исследуются системы управления окраинами многонациональной Российской империи, особое внимание уделяется кругу проблем, связанным с формированием и эволюцией политической и административной системы Поволжья, Южного Урала, Сибири, Украины, Молдавии, Прибалтики, Белоруссии, Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Освещается также внутренняя структура Хивинского, Бухарского ханств и Тувы, которые имели статус протектората России. Каждому региону выделен отдельный раздел, он описывает развитие

²⁴Национальное государство: теория, история, политическая практика. М.: Полис.1992. №5/6. С.31

²⁵Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск. 2018. 456 с; Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX веков / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. Иркутск, 2015. 223 с.

системы управления национальными окраинами, представляет сравнительно-исторический анализ систем управления национальными окраинами, этапы развития политической и административной системы России. «Процесс «собирания земель» носил мирные и военные формы, происходил в виде прямого присоединения или протектората, но результатом всегда было включение их в общую систему российской государственности».²⁶

Несмотря на то, что присоединенные территории определялись изначально как «окраины» в силу географической отдаленности от «центра», многие исследователи освоение и включение в состав империи окраинных территорий рассматривают как процесс колонизации, схожей с европейской колонизацией заморских территорий (Америки, Африки).

В книгах А.В. Головнева «Феномен колонизации», А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой «Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX-начала XX века», «Сибирь в контексте русской модели колонизации XVII — начало XX в. (Сборник научных статей под ред. Л.Р. Павлинской), используется термин «колонизация», но вкладывается иной смысл, отличный от общепринятого. Например, А.В. Головнев рассматривает колонизацию как естественно-биологический процесс, приводя примеры из жизни живых организмов. «В слове «колонизация», происходящем от лат. *colere* (населять, возделывать, посещать, практиковать, охранять, соблюдать) и *colonia* (выселки, поселение на чужой территории), нет ничего предосудительного» и «в античной древности вывод колоний считался искусством, которому покровительствовал Аполлон».²⁷

А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова рассматривают колонизацию и сам термин как «заселение какой-либо страны». Исследователь П.И. Небольсин еще в 1849 г. использовал понятие «система колонизации», ссылаясь на правительственные меры по заселению территорий за Уралом. Термин «колонизация» применялся к

²⁶Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1998. С. 2

²⁷Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 7

миграционным процессам в России. Историки того времени, в отличие от понятия «завоевание», представили теорию «колонизации» как преимущественно мирное движение, главную движущую силу русского исторического процесса.

Некоторые исследователи говорят об «особом пути России», «которая, в отличие от европейских держав, осуществляла свое территориальное расширение не в результате завоеваний «с последующей эмиграцией в новые колонии», а за счет «постепенного расселения великорусского народа».²⁸ Это не было просто миграционное движение, а развитие и присоединение новых территорий и народов к российскому государству.

Первоначально достаточно узкая интерпретация определила колонизацию как процесс массового вторжения в некультурную (или малокультурную) страну выходцев из цивилизованного государства. Однако слова «колонист» и «колония» в России использовались в отношении иностранцев. В таком виде они представлены в «Толковом словаре» В. И. Даля, хотя слово «колонист» уже воспринималось как синоним «поселенец»²⁹, но мало употреблялось. В авторитетном энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона «переселение» определялось уже как движение населения в его собственном государстве.³⁰

Один из самых крупных исследователей мировых миграционных процессов П. Леруа-Болье выявил не только территориальную непрерывность процесса русской колонизации, но и сходство климатических и почвенных условий Центральной России и Сибири. По его словам, это простое передвижение населения или миграция.³¹

Л.Р. Павлинская раскрывает различия европейской и российской колонизации. Первое отличие, по ее мнению, заключается в том, что «движение русских с севера Восточно-Европейской равнины на юг, юго-восток и восток евразийского континента не только открыло миру Северную Азию, но к середине

²⁸Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.). СПб., 2014. С. 12

²⁹Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского словаря Т.2., С.141

³⁰Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXV (49).

³¹Леруа-Болье А. Колонизация у новейших народов. СПб., 1877. С.512

XIX в. объединило в границах единого государства одну шестую часть суши с многочисленными населяющими ее народами, т.е. не приходилось преодолевать океаны и моря, как европейским колонизаторам».³²

Вторая особенность заключалась в том, что предки славян Древней Руси были не только знакомы многим народам этих земель, но и имели тесное этнокультурное взаимодействие. Более того, часть их влилась в состав русского народа, принимала активное участие в его этногенезе, а русский народ серьезно повлиял на процессы формирования многих народов, входящих в состав Российской империи.

Третье различие между западноевропейской и русской колонизацией – принципы развития новых земель: землевладение, формы административно-территориального управления, особенности хозяйственных, этнических, социальных и духовных контактов с коренными народами. Л.Р. Павлинская утверждает, что русская колонизация уникальна по-своему, «ее особенность заключалась в генетическом родстве многих ее народов, в характере русского менталитета, наследовании культурных традиций, особом, евразийском, типе колонизации».³³

В своей монографии «Россия – многонациональная империя» историк А. Каппелер указывает на то, что «полиэтничность является неизменной константой российской истории»³⁴, так как пример России как нельзя лучше может продемонстрировать образец того, как можно объединить в одно государство «этническое многообразие, охватывающее Европу и Азию, четыре мировые религии и целую шкалу различных образов жизни и экономических укладов»³⁵.

В России обширность периферийных областей, в том числе фантастические территории Сибири (Ф. Бродель называет Сибирь «бескрайней периферией»)³⁶,

³² Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.) С. 3

³³ Там же. С. 63

³⁴ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С.8

³⁵ Там же. С. 9

³⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Время мира. Т. 3. М., 1992. С. 17–18; 49.

предполагала не только освоение территории, но и изучение этносов, населяющие эти территории.

Различные экспедиции, призванные изучить национальные окраины и предоставить правдивые сведения, организовывались Русским географическим обществом в XIX веке. В составе этих экспедиций были не только ученые, но и деятели культуры, писатели. Так, великим князем Константином Николаевичем, главой Морского министерства и председателем Географического общества, была организована «Литературная экспедиция». Целью экспедиции было исследовать и описать подробности быта, нравы и обычаи того населения, которое занимается промыслами на воде и из «которого всего было полезнее и натуральнее брать матросов».³⁷ Эти исследования были необходимы для проекта рекрутирования флота по образцу «французской морской записи», именно теми людьми, которые с малых лет привыкают к жизни и занятиям на воде. Специальной комиссией были отобраны «молодые даровитые литераторы»: А.Ф. Писемский, А.Н. Островский, С.В. Максимов, Г.П. Данилевский, А.А. Потехин и др. При этом основными критериями послужили «приверженность гражданскому долгу» и «реализм в изображении народной жизни». Им предлагалось обратить особое внимание на «жилища обитателей, их промыслы <.....> разные судоходные орудия и средства <....> физический их вид и состояние, преимущественно их нравы, обычаи, привычки».³⁸ Отчеты этой экспедиции печатались в «Морском сборнике» и содержали разнообразные сведения по истории, этнографии, культуре, религии. Писатели – этнографы стремились к общественной деятельности, «к исполнению новых социальных ролей в наступающей эре профессионализации (в их сопроводительных документах в графе «род занятий» впервые стояло звание «литератор»)).³⁹ Писатели действовали как посредники, обеспечивая своими этнографическими очерками и отчетами связь между «народом», «государством» и «обществом». Очерки народной жизни были результатом длительной и

³⁷Максимов С.В. Литературные экспедиции. М., 1986. С.85

³⁸ Там же С.86

³⁹ CLAY C. Russian ethnographers in the service of empire, 1856-1862. Chicago. Slavic rev, 1995. Vol.54 – P.46

кропотливой полевой работы, когда приходилось преодолевать недоверие простых людей. Так, кто-то из писателей отрастил бороду, кто-то выучил татарский язык, кто-то пил кумыс с башкирами или закидывал сети с поморами.

В 1845 году было учреждено Географическое общество, в программу которого входило всестороннее изучение России – ее географии, природных ресурсов и населяющих народов. В составе общества было этнографическое отделение, возглавляемое писателем и литературным критиком Н.И. Надеждиным.

1.2. Имагология как литературоведческая наука.

Описание образов иной культуры в различных сферах и способах существования национальной культуры, в том числе, в художественной литературе, а также обоснование их существования как проблема теоретическая и культурно-историческая рассматриваются в современных исследованиях в различных гуманитарных науках – культурологии, истории, философии, социологии, психологии, литературоведении. Актуальность этой проблемы вырастает из своеобразия исторического момента, с одной стороны, и состояния гуманитарного знания, с другой. В связи с этим является обоснованной необходимость междисциплинарных исследований в области интерпретации текстов и их отношений с автором, читателем, реальностью и традицией, в том числе с традицией национальных культур, что в свою очередь предполагает изучение образов мира – продуктов диалога между личностью и реальностью, между личностью и традицией, между двумя личностями, нациями, эпохами, культурами. С этой точки зрения инонациональный образ в произведениях художественной литературы представляется способом установления диалогичных отношений между «своим» (писателем) и «чужим» (представителем другой культуры/нации). Проблемы чуждости и инаковости, сходства и различий между народами и культурами, идентификации по принципу разделения на «своих» и «чужих» стали предметом изучения научного направления – имагологии – с

середины XX века, однако попытки дать ответы на эти вопросы предпринимались еще со времен античности.

Описания других народов, их образа жизни, государственного устройства давались в работах древних философов, например, «Географии» Страбона, «Истории» Геродота, «Государстве» и «Законах» Платона.⁴⁰ Великие географические открытия, налаживание международной торговли значительно расширили возможности ознакомления с культурой и бытом народов других стран. Эпоха Нового времени обогатила представления о народах мира благодаря таким сочинениям, как «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) Джамбатисты Вико, «О духе законов» (1748) Монтескье, «Идеи к философии истории человечества» (1791) Гердера, «Философия истории» (1820-е гг.) Гегеля и др.

В России одним из самых ярких сочинений в допетровскую эпоху о жизни других народов является «Хождение за три моря» (1475) Афанасия Никитина. Со времен Петра I до нас дошли многочисленные доклады, донесения и путевые записки, являющиеся источником информации о восприятии русскими иностранцев того времени. Позднее особой популярностью стал пользоваться литературный жанр путешествий, или травелог: «Путешествие русской дворянки» (1775) Е. Р. Дашковой, «Письма из Франции» (1777-1778) Д. И. Фонвизина, «Письма русского путешественника» (1791-1792) Н. М. Карамзина.⁴¹

Основы имагологии были заложены во французском сравнительно-историческом литературоведении в 1950-х годах работами Жан Мари Карре и Мариус-Франсуа Гийяра, которые исследовали образ с точки зрения рецепции «другого»: как формируются и эволюционируют образы, как отражаются представления о других народах и нациях в индивидуальном и коллективном сознании и творчестве. Как в российской, так и в западной гуманитарной науке интерес к проблеме «другого», формированию национальной идентичности и форм ее выражения был подогрет процессом глобализации, активизацией

⁴⁰Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М., 2008. С. 15

⁴¹Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Рема, 2011. №4. С. 33- 34.

межкультурных связей, конфликтами в сфере межэтнических отношений. И в этом подходе заинтересованы представители разных гуманитарных областей: историки, политологи, культурологи, этнографы, литературоведы.

Специфика литературоведческих исследований имагологического характера заключается в том, что в них литературное произведение изучается как фактор формирования образа «другого» в общественном сознании той или иной эпохи. Имагология тесно связана с компаративистикой, в рамках которой она зародилась в середине XX столетия в ситуации кризиса компаративистики как попытка его преодоления за счет переключения и исследовательского внимания с изучения влияний, источников и контактных связей на исследование образа «другого». Эта смена предмета исследования в компаративистике была предложена французским ученым-компаративистом Мариусом-Франсуа Гийяром в его работе «Сравнительное литературоведение» (1951): «Не будем больше прослеживать и изучать иллюзорные влияния одной литературы на другую. Лучше попытаемся понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях – в этом залог обновления компаративистики, новое направление ее исследований»⁴². Но В.П. Трыков считает, что «в настоящее время имагология по некоторым важным параметрам – прямой антипод компаративистики (и тесно с ней связанной исторической поэтики). Прежде всего, это касается целей, аспектов изучения образа «другого», методологии исследования».⁴³ О.Ю. и О.А. Поляковы констатируют, что имагология «опирается на весь инструментарий литературоведения, использует поэтологический анализ, нарратологические стратегии, мифопоэтические подходы и т.д.»⁴⁴ А. Ю. Большакова говорит об «имагологическом подходе», который, по ее мнению, развивается в рамках компаративистики (наряду с типологическим), и характеризует его следующим образом: «матричную функцию берет на себя образ страны, региона (континента) или известного города. Выстраиваемые здесь

⁴² Guyard M.-K La litterature comparee. Paris, 1951. P. 119

⁴³ Россия в литературе Запада. М.: МПГУ, 2017. С.12

⁴⁴ Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013. С. 7

сравнительные ряды предполагают зеркальность, взаимоотражение и даже взаимовлияние возможных компонентов».⁴⁵ Далее исследователь приводит возможные темы имагологического характера: «Образ Запада в русской литературе», «Образ России в литературе Запада», «Москва глазами американских писателей», «Образ Парижа в московской поэзии XX века» и т. п.

В России интерес к имагологической тематике в последнее время заметно усилился, о чем свидетельствуют работы Е.Ю. Артемовой, В.Е. Багно, Н.П. Михальской, А.Ф. Строева, В.П. Трыкова, Е.В. Папиловой и др. В литературоведении предпосылки формирования имагологии складывались в трудах представителей сравнительного литературоведения: В.М. Жирмунского, М. П. Алексеева, Н. И. Конрада, Д. С. Лихачева и, конечно же, М. М. Бахтина с его теорией диалога. Так, рассуждая о диалоге культур, М. М. Бахтин писал: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже <...> Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом <...> между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур<...> При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются».⁴⁶

Также стоит отметить и имагологическое исследование Г. Гачева «Национальные образы мира»⁴⁷. Труды ученого представляют собой, с одной стороны, научные трактаты, с другой, их можно рассматривать как художественные произведения. Обновление гуманитарного образования он видел в достижении понимания национальных особенностей народов, их культур, психики, ментальности. «Всякий народ есть инструмент с особым тембром в оркестре человечества»,⁴⁸ «он умеет то, чего не умеет в такой степени и в таком качестве другой, и именно в своей непохожести дорог и должен быть любим

⁴⁵Проблемы современного сравнительного литературоведения / Под ред. Н. А. Вишневской и А. Д. Михайлова. М., 2004. С. 25.

⁴⁶Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 354.

⁴⁷ См.: Гачев, Г.Д. Национальные образы мира: Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. М., 1988. 445 с.; Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия). М., 2002. 780 с.

⁴⁸Гачев Г.Д. Ментальности народов мира С.140

соседом, ибо восполняет его односторонность».⁴⁹ Стремление ученого сблизить гуманитарные науки с естествознанием вылилось в теорию национальной целостности «Космо-Психо-Логоса» о единстве местной природы, характера народа и склада мышления.

Изучению образа «другого» в отечественном литературоведении последнего времени также посвящены работы Е.П. Гречаной «Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи. (1797–1825)», Е. А. Мустафиной «Образ Европы в литературном сознании Запада США в XIX веке», В. Земскова «Образ России на переломе времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация “другой” культуры)», Л. Ф. Хабибуллиной «Миф России в современной английской литературе», А.Р. Ощепкова «Образ России во французской литературе XIX века» и др.⁵⁰

Заметным событием в научной жизни страны стали международные научные конференции: «XX Пуришевские чтения. Россия в культурном сознании Запада» (2008г.); конференция в ИМЛИ РАН «Русская история в сюжетах зарубежных писателей» (2008г.); «XXIX Пуришевские чтения: Зарубежные писатели о русской литературе» (2017г.).

Из всех имагологических исследований стоит выделить монографии Н. П. Михальской «Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв.» (1995)⁵¹ и «Россия и Англия: проблемы имагологии» (2012)⁵². Ее труды сыграли важную роль в развитии имагологических исследований последнего десятилетия. Интерес Н.П. Михальской к имагологической проблематике был в известной мере подготовлен той научной школой, к которой она принадлежала. Эта школа была

⁴⁹ Бахтикиреева, У.М. Упуская время, жил счастливо...: Памяти Георгия Дмитриевича Гачева // Deutsche Allgemeine Zeitung. 2008. 4 апреля: [Электронный ресурс]. URL: <https://daz.asia/ru/upuskaya-vremya-zhil-chastlivo/> (дата обращения 10.08.2022).

⁵⁰ См.: Гречаная Е. П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). М., 2002. 317 с.; Мустафина, Е. А. Образ Европы в литературном сознании России и США в XIX веке: автореферат дис. ... канд. фил. наук. М., 2007. 36 с.; Земсков, В.Б. Образ России «на переломе» времен / В.Б. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. 25 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/article>; Хабибуллина, Л.Ф. Миф о России в современной английской литературе. Казань, 2010. 206 с.; Ощепков, А. Р. Образ России во французской литературе XIX в.: дисс. д-ра фил. наук. М., 2011. 410 с.

⁵¹ Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М., 1995. 152с.

⁵² Михальская Н.П. Россия и Англия: проблемы имагологии: учебное пособие по спецкурсу. Самара, 2012. 224 с.

создана в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина (ныне Московском педагогическом государственном университете) такими учеными, как М. Е. Елизарова и Б. И. Пуришев. Проблемы межкультурного диалога усиленно разрабатывались на кафедре во второй половине XX в.: выходили отдельные сборники, были опубликованы статьи, защищены кандидатские и докторские диссертации членами кафедры В. А. Луковым, В. П. Трыковым, Е. Н. Черноземовой и др., но они освещали рецепцию отдельных явлений культуры, конкретного произведения, автора, определенного эстетического феномена, не ставя вопроса о целостном образе чужой культуры в сознании другого народа.

Н.П. Михальская же в своей монографии ставила задачи изучить генезис и становление образа России в английской литературе, его эволюцию на протяжении огромного, десятивекового периода – с IX по XIX в. Это позволило сделать вывод: что «образ «другого» – явление колеблющееся и обогащающееся».⁵³ Н.П. Михальской удалось передать как процесс «наращивания» образа, так и постепенно утверждавшиеся в нем доминанты, нередко переходившие в стереотипы. Так, обращаясь к материалам XVI–XVII вв., Н. П. Михальская отводит заметное место путевым запискам англичан о России (запискам Р. Ченслора, Дж. Горсея, Р. Хоклита, Дж. Флетчера и др.). Она отмечает, что при всей повествовательной неоднородности путевых заметок, в них появляется более живой, широкий, многогранный образ, например, Московии, Кремля, русской зимы, они содержат рассуждения о русском языке как выразительном и музыкальном и др. Кроме того, значение путевой прозы Н. П. Михальская видит в том, что она является питательной почвой для многих авторов, писателей, поэтов, драматургов, вводящих русские мотивы, аллюзии, реминисценции в свой текст. В работе Н.П. Михальской это убедительно показано на текстах младшего и старшего Флетчеров. Так, среди путевых записок Н.П. Михальская выделяет книгу Джайлса Флетчера, посланника королевы к русскому двору, вышедшую в 1588 г. под названием «О государстве русском». Отзвуки сообщений Флетчера-старшего

⁵³ Россия в литературе Запада: Коллективная монография. М., 2017. С. 9.

нашли отражение в драматургии Флетчера-младшего, прежде всего, в его драме «Верноподданный», где действие развивается в Москве начала XVII в.

Суждение Н.П. Михальской о приоритетной значимости художественной литературы, которая оказывается способной разрушать стереотипы и обогащать, усложнять образ «другого»⁵⁴, позднее развивает в своей монографии Л.Ф. Хабибуллина, когда пишет, что «именно в литературе скорее, чем в других, более массовых формах, возможно сложное, глубокое, концептуализированное воспроизведение образа национального «другого», возникающее в полемике со стереотипом».⁵⁵

Если Н.П. Михальская свои исследования посвятила образу России в английской литературе, то В.А. Хорев, автор фундаментальных трудов по истории польской литературы и сравнительному литературоведению, изучал литературный процесс Польши, рецепцию образа России и русской литературы в Польше. В своих монографиях⁵⁶ он отмечает перспективность имагологической науки. Обратившись к имагологии, В.А. Хорев обогатил накопленный литературной компаративистикой материал новыми научными принципами и подходами к познанию другой реальности. В жанре очерка в новом освещении и интерпретации представлен богатейший материал, охватывающий огромный исторический период с XI до конца XX столетия русско-польских отношений, отражающих национальные типы характеров. Автор сопоставляет в русле имагологического видения фольклор, литературу, философию, психологию. В книгах названы сотни имен, проанализировано большое количество документальных источников и произведений литературы, многие из которых введены в литературоведческий, научный и публичный оборот впервые. Хорев использует три ракурса исследования проблемы: объективный – заключающийся в показе существенных признаков явления, события, человека и т. д.; самохарактеристики — отношения

⁵⁴ Михальская Н.П. Россия и Англия: проблемы имагологии: учебное пособие по спецкурсу. Самара: ООО «Порто-принт», 2012. 224 с.

⁵⁵ Хабибуллина Л. Ф. Миф о России в современной английской литературе. Казань, 2010. С.123.

⁵⁶ Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. 231 с.; Хорев В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями: (Очерки). М., 2012. 240 с.

через «чужое» к «себе» и «своему»; взгляд со стороны, то есть «чужого» на «чужое». Это дало возможность автору представить трехсторонний подход к проблемам культуры: объективный (на основе документов и исторических фактов), в самовыражении (на основе документов и произведений литературы и искусства) и в освещении «другого», «чужого» взгляда на явление, то есть «со стороны», или имагологический.

Если в первом случае исследователь использует фактические, фактографические и статистические данные, имеющие объективный характер (или приближающиеся к объективности) и по возможности лишенные оценочности, то в процессах, связанных с самохарактеристикой, активно «участвует» подход эмоциональный, часто с завышенными самооценками. Наиболее точно все это проявляется в произведениях литературы и искусства. Третий, имагологический анализ наиболее труден, поскольку эмоциональная оценка «чужого» или «другого» зависит от многих факторов и ими же определяется: документальные материалы, мемуары и художественная литература на тему «чужого», история взаимоотношений между странами, народами и даже отдельными людьми, социально-политический строй обоих государств, их географическое положение и т.д. Имагология, по мнению Хорева, «расширяет возможности традиционных, утвердившихся в науке подходов сравнительно-исторического изучения литератур, таких как изучение влияний, заимствований, реминисценций и выявление типологических схождений».⁵⁷

Филолог, как считает Хорев, должен быть историком культуры, чтобы рассматривать литературные факты в контексте национальных явлений как единого целого. При этом он утверждает, что из всех «текстов» культуры литературные тексты являются приоритетными для имагологического анализа и осмысления: «из всех феноменов культуры именно литературе — в силу эмоционального воздействия ее языка — выпадает преобладающая роль в закреплении тех или иных форм общественного сознания и психологии».⁵⁸

⁵⁷Т Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. С. 167

⁵⁸Там же. С.178

Литературное произведение изучается имагологами не как самостоятельный эстетический феномен, а лишь как источник «имиджей», стереотипизированных и упрощенных образов, передаваемых потом по различным каналам в общественное сознание и определяющих в значительной степени отношение одного народа к другому. Характеризуя эволюцию образа «другого», В. Б. Земсков писал: «...в данной области характер развития, если вообще о нем можно говорить, носит отнюдь не характер эволюции (хотя присутствует и эволюционный момент), а характер «наращивания, наслоения все новых и новых характеристик, которые, не элиминируя старого, образуют дополнительные ряды. Старое никогда не исчезает и всегда может возникнуть из глубин истории в обстоятельствах, которые активизируют память реципиента о «другом», и в том, что касается его «положительных», и в том, что касается «отрицательных» сторон».⁵⁹

Художественная литература фиксирует и сохраняет национальные образы. О.В. Томберг считает, что «моделирующая сила образов заключается в том, что они являются своего рода «топосами», общими местами в коммуникативном поле культуры за счет повторов и аналогов».⁶⁰ Национальные образы в имагологии являются, с одной стороны, проекцией «обывательских представлений и слухов»⁶¹, с другой, фактами эмпирического наблюдения и объективной реальности и в этом случае правильнее будет говорить об инонациональном образе. В этом случае имагология акцентирует тесную связь между понятиями образа и стереотипа. Стереотип выражается в стандартизированном образе и представлении о социальном явлении, обладающем устойчивыми положительными либо отрицательными ценностными характеристиками. Образ же может являться как результатом, так и основой создания стереотипов. В первом случае, образ возникает на основе стереотипных представлений о других культурах и их носителях, во-втором, образы способствуют формированию данных представлений

⁵⁹ Земсков В. Б. Образ России на переломе времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. № 1. С. 24, 26.

⁶⁰ Томберг О.В Имагология как научное направление: аспекты изучения образа // Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты / Е.В. Дзюба, С.А.Еремина, В. Ю. Миков и др. Екатеринбург, 2019. С. 12.

⁶¹ Там же.

в случаях, когда отсутствуют знания о «другом». И тогда и образ, и стереотип могут изучаться в одной исследовательской перспективе, транслирующие социально значимые ценностные смыслы о своей (автообразы и автостереотипы) и другой (гетерообразы и гетеростереотипы) культурах.

Дж. Леерсен⁶² выделяет следующие положения как методологическую основу имагологических исследований:

- конечной целью имагологического анализа является построение теории культурных/национальных стереотипов;
- предметной областью имагологического исследования является *текстовая* репрезентация имагоконструктов (образов и стереотипов), а не общество как таковое;
- имагология сосредоточена на ценностном аспекте репрезентации образа: его характерологических признаках;
- одной из исследовательских задач является определение интертекста как совокупного литературного контекста, в котором репрезентирован образ;
- проводить анализ текстового пространства: определить жанровую специфику, стилистико-коммуникативную тональность, уточнить статус и функцию образа в тексте;
- при интерпретации полученных данных учитывать историко-культурный макроконтекст;
- определить функциональную значимость текста: на кого ориентирован, кто представляет целевую аудиторию, и как разворачиваются образы.

В связи с вышесказанным следует отметить, что имагология способствует многонациональному разнообразию литературы и исходит из того, что понятие «национальность» представляет собой субъективную картину мира, а не объективный фон. Категория национальной идентичности создается литературой, а не наоборот.

⁶² Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters (2007): A critical survey / ed. by M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam ; N. Y. : Rodopi. 476 p.

Анализ образов «своих» (автообразов) и «чужих» (гетерообразов) часто осуществляется через понятие этностереотипа как устойчивого ценностного суждения о представителях своей и других культур. Об этом пишут в своих работах Н.П. Михальская, Е.В. Папилова, О.Ю. Поляков и О.А. Полякова.⁶³ Образ «своего» связан с самоидентификацией, с отношением себя к тому или иному «воображаемому сообществу» – будь то нация или религия. «Другое» же существует, чтобы своей «инаковостью» подчеркнуть сходство внутри «своей» группы. При этом отношение к «другому» может быть разным. И здесь нужно отметить различные подходы к восприятию «другого»: «другой» как «еще один» – «иной», и «другой» как «чужой». «Чужое» вызывает страх и неприятие, отношение к нему предполагает стремление к доминированию и борьбу за господство, в то время как «другое» – «иное» скорее вызывает интерес, хотя идентифицироваться с ним все равно невозможно. «Чужой» находится вне круга интересов сообщества, а «Другой» может обладать «определенными качествами или знаниями ... что делает его культурно «Иным», социально «Чужим» или маргинальным».⁶⁴

Все эти категории имагологии основываются на концепции, выражающаяся в бинарной дихотомии «свой-чужой». Ю.С. Степанов определяет ее как «противопоставление, которое, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одной из главных концептов коллективного, массового, народного, национального мироощущения».⁶⁵

Таким образом, имагология основывается на общих положениях, которые можно сформулировать как представление об инонациональном образе, образе другой нации, складывающемся на фоне представлений о «своем», национальном, и, следовательно, о «своих» нормах и ценностях.

Первые характеристики сопредельных народов были даны еще Геродотом, а русские летописи сообщали о половцах (кипчаках), хазарах, гуннах. В Галицко-

⁶³ Михальская Н. П. Россия и Англия: проблемы имагологии: уч. пос. М.; Самара, 2012. 222 с.; Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология. Теоретико-методологические основы. Киров, 2013. 162 с.; Папилова Е.В. Художественная имагология: немцы глазами русских: на материале литературы XIX в.: дис. ... канд. фил. наук. М., 2013. 198 с.

⁶⁴ Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого»// Диалог со временем. 2012. вып.39. С.17.

⁶⁵ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культур 2. изд., испр. и доп. М., 2001. С. 126.

Волынской летописи широко известное по поэтическому переложению А. Майкова предание «Емшан» является самым ярким фактом плодотворного обогащения русского эпического сознания образом «другого», воспринятым не как «чужое», а уже как «свое».

Образ Кавказа в русской литературе зависел от движения эстетической мысли в XIX в. Вначале далекий экзотический край, ставший узлом противоречий эпохи, воспринимался как романтический символ «вольности святой». Становление реализма с его глубочайшим анализом социальных отношений и «диалектикой души» повлекло за собой страстный протест против собирательно-обобщенного наименования всех горских народов «черкесами», дифференциацию многочисленных народностей, пристальное внимание к жизни и быту каждой из них, их обычаям и обрядам, проникновению в глубины души «другого». И наиболее реалистичной в имагологическом плане справедливо считают посмертно опубликованную в 1912 г. повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Но наряду с эстетическими предпосылками на эволюцию рассматриваемой темы воздействовало упрочение хозяйственно-экономических и культурных связей, что позволило писателям, а вслед за ними и литературоведам, представить Кавказ более многогранно и объемно.

Таким образом, богатый и многовековой опыт русской литературы, открывавшей все новые этнографические пространства, убеждает в непосредственном художественном освоении таких пространств, потому что ничто не может заменить непосредственного изучения писателем жизни и быта другого народа и воплощения познанного в оригинальных художественных образах. И предметом исследования литературоведческой имагологии является «инонациональный образ». В этом определении подчеркивается рецепция – восприятие и художественное освоение типа человеческого поведения (поступков, мыслей, переживаний, речевых особенностей), обусловленного иной национальной принадлежностью. Инонациональный образ существует лишь как художественная реальность, воплощенной другой национальной литературой. Инонациональный образ не сводится к «зеркальному» отражению реальных черт,

присущих представителям тех или иных наций, он несет в себе авторскую оценку «другого», выражающую нравственно-эстетическую концепцию человека. В любом случае ведущую роль играют не литературные воздействия, а непосредственное изучение «другой» действительности, приобщение писателя к инациональной духовной культуре в самом широком смысле этого слова. Поэтому важнейшим критерием в оценке изображенного писателем инационального образа является исторически правильное постижение национальных черт бытия и сознания «другого», отражение в его облике духовно-нравственного опыта его народа, с которым он сверяется при выборе жизненной позиции.

1.3. Проблемы изучения этнографического направления в русской литературе. Инациональное этнографическое направление.

XIX столетие в развитии русской литературе характеризуется процессом усиленного внимания к народной культуре и к народной старине. Исследователь Соколова В.Ф. связывает это с тенденциями «мировых процессов, которые проходили в странах Западной Европы <.....> начиная со второй половины XVIII века, наблюдается изменение отношения к эстетике классицизма, что в конце столетия привело к перелому в общественном мировоззрении. Менялось и отношение к народной культуре. Значение народной культуры в жизни народов, в том числе и русского, стало рассматриваться в мировом масштабе».⁶⁶ Проявляющиеся в концепциях зарубежных мыслителей гуманистические устремления, связанные с идеями Просвещения, вера в природную доброту и нравственную чистоту простого человека, признание высоких достоинств народного творчества нашли глубокий отклик в прогрессивных кругах русского общества.

⁶⁶ Соколова В.Ф. Этнографическое направление в русской литературе XIX века // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 1А. С. 261-269. С. 262.

В России пробуждается оживленный интерес не только к фольклору и мифологии, но и к национальной старине. Появляются первые этнографические описания Г. Глинки и А. Кайсарова, А. Востоков осуществляет сбор памятников народного творчества. Достижения в области историко-этнографических изучений народа оказывали серьезное воздействие на прогрессивную часть русской интеллигенции, побуждая ее к изучению народной старины. Историко-национальная тематика и местный колорит становятся отличительной особенностью русской литературы уже первых десятилетий XIX века. Поэмы А. Востокова «Светлана и Мстислав» (1802), «Повислад и Зора» (1802), Г. Каменева «Громвал» (1811), литературные произведения «Славянские вечера» В.Т. Нарезного (1809), «Предслава и Добрыня» К.Н. Батюшкова и др., отражающие далекое прошлое русского народа, своеобразие быта, нравов и обычаев Древней Руси, были написаны по малоизученным древним летописям, историко-этнографическим и археологическим исследованиям.

В 1830-1840-х годах появляются первые труды по этнографическому изучению русского народа: собрание песен, пословиц, преданий, описания нравов и обычаев старины, народного искусства. Множество песенного и иного этнографического материала появляется в журналах. В эту пору этнографические изыскания, как отмечал А.Н. Пыпин, «исходят уже из сознательного намерения изучить в содержании народной жизни и преданиях старины истинный характер народа в его подлинных выражениях».⁶⁷ Исследователь отмечал, что задачи повествовательной литературы становились глубже и серьезнее. Она стремилась познакомиться с внутренним миром крестьянства, его умственными и нравственными нуждами. Труд художественного творчества «усложнился и затруднился до чрезвычайности, народная жизнь была его предметом, в художественную ткань произведений проникала этнография и публицистика».⁶⁸

В эти годы П.В. Киреевский привлекает к изучению и собиранию фольклора выдающихся современников, среди них А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь.

⁶⁷Пыпин А.Н. История русской этнографии. В 4 т. Т. 2. СПб., 1890-1892. С. 363

⁶⁸Пыпин А.Н. История русской этнографии.: В 4 т. Т. 1. СПб., 1890-1891. С. 418

Результатом становится опубликованный сборник песен, былин и духовных стихов. В журнале «Москвитянин», редактором которого был М.П. Погодин, публиковались результаты собирательской деятельности многих исследователей народного творчества: песни, сказки, описания обрядов, статьи о фольклоре и народном быте. «Интерес к устному народному творчеству писателей обусловил использование ими этнографических и фольклорных материалов в своем литературном творчестве разных жанров на основе переосмысления в качестве источников сюжетов».⁶⁹ Ф. Нелидов отмечал, что «беллетристы «Москвитянина» были беллетристами-бытописателями и беллетристами-этнографами».⁷⁰

В 30-ые годы стремясь к реализму вслед за Н.В. Гоголем и отвечая эстетической программе В.Г. Белинского, прогрессивная литература обратилась к бытописанию, сближаясь с жизнью народа, с повседневной действительностью. Гоголь одним из первых понял значение этнографических реалий в литературно-художественном творчестве. Продолжая лучшие традиции литературы XVIII столетия – творчества М.Д. Чулкова, Э.А. Эмина, А.С. Аблесимова, – и усвоив художественные принципы Пушкина, Гоголь первым из русских писателей обратился к тщательному изучению народной жизни и создал на основе фольклорно-этнографического материала картины национального быта и жизни своего народа на разных стадиях его исторического развития. Этнографизм для многих теоретиков и практиков литературы был одним из признаков народности. Так, В.Г. Базанов⁷¹ утверждал, что позднее, в 60-70-ые годы XIX века, наибольшего успеха в познании народной жизни, народного быта и народной поэзии, в их совместном изучении, достигли не профессиональные ученые..., а именно писатели и публицисты из «Современника».

Особый вклад в изучение этнографических тенденций в русском литературном процессе внес профессор А.Л. Фокеев. В своей диссертации⁷² он

⁶⁹Фокеев. А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: Истоки, тип творчества, история развития: дис д-ра фил. н. М., 2004. 516 с.

⁷⁰Нелидов Ф.А. А.Н. Островский в кружке «молодого Москвитянина» // Русская мысль. 1901. №3. С. 18.

⁷¹Базанов В. Г. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974. 412 с.

⁷²Фокеев. А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе 2004.

рассматривает истоки, типологию, а также общие закономерности развития этнографического направления и его представителей, выявляет особый тип писателей-этнографов, беллетристов-бытописателей, обосновывает научно-теоретические предпосылки, выявляет основные черты, признаки и жанрово-стилевое своеобразие этнографической прозы. Истоки этнографических тенденций он видит в древнерусской литературе, в летописях, а первым этнографом называет летописца Нестора.

Проблему художественного этнографизма, выделяя роль народнических изысканий в развитии русского социально-психологического романа и в очерковой литературе 1850-х гг, рассматривает в монографии «Народознание и русская литература XIX века» (2009) В.Ф. Соколова.⁷³ Исследователь дает определение терминов «художественное народознание» и «художественный этнографизм». Художественное народознание подразумевает, по мнению ученого, ментальность того или иного народа, и основано «на специфике его духовной и материальной культуры», художественный этнографизм определяется как часть народознания, воссоздающая художественно-изобразительными средствами народный быт, а также фольклор и мифологию.

Появление этнографического направления, по мнению академика А.Н. Пыпина, носило закономерный характер и определялось общественно-историческими условиями жизни России второй половины XIX века. Но, как считает А.Л. Фокеев, этнографические тенденции можно заметить значительно раньше, еще в жанрах и стилях древнерусской литературы. Эта тенденция просматривается и в литературе XVIII века, и в романтической прозе начала XIX века. Но окончательное формирование этнографического направления связывают с именем В.И. Даля. Вся деятельность этого выдающегося ученого-этнографа, лингвиста и литератора состояла в постижении и изучении народного быта и жизни, народного языка. Он не только сам побывал во многих отдаленных местах

⁷³ Соколова В.Ф. Народознание и русская литература XIX века. Могилев, 2004. 368 с.

Российской империи, но также привлекал к исследованию жизни народов видных писателей, фольклористов и общественных деятелей.

Даль был одним из организаторов Русского географического общества, и создание Общества ознаменовало собой, по мнению современного этнографа А.С. Токарева, «наступление новой эпохи в развитии этнографической науки»⁷⁴. Л.С. Берг утверждает, что сам Даль составил «докладную записку» о создании Общества, в которой подчеркивалось особая важность этнографического изучения России и народов, ее населяющих⁷⁵. К изучению России, быта и нравов ее народов были привлечены такие писатели и ученые-историки, как: ученик и последователь Даля П.И. Мельников-Печерский, С.В. Максимов, Г.П. Данилевский, А.А. Потехин, А.Ф. Писемский, М. Михайлов, И. Железнов. Все они в своем творчестве ориентировались на опыт В.И. Даля.

Интерес к национальной старине проявлялся не только в археологических разысканиях, но и в художественном освещении жизни народа в жанрах очерка, рассказа, повести и романа. Даль призывал к изучению жизни простого народа, объективно выступал за демократизацию русской литературы. Для Даля современность и историческое прошлое, которое писатели стремились постичь через изучение народной культуры, были нераздельны. Это определяло отношение писателя к современной русской литературе. Она, по его мнению, должна быть одновременно и народной, и общечеловеческой. Позднее, в 1854 году П. В. Анненков напишет о «школе Даля», представителей которой объединяло прекрасное знание жизни демократических слоев русского общества и устной народной поэзии, пристальное внимание к мировоззренческим взглядам народной среды, фактографизм творчества и тяготение к описательной манере изложения материала⁷⁶. Он имел ввиду творчество последователей Даля: П.И. Мельникова-Печерского («Красильниковы», романы «В лесах» и «На горах»), А. А. Потехина

⁷⁴ Токарев А. С. История русской этнографии. М.: Наука, 1966. С.214.

⁷⁵ Берг Л. С. РГО за сто лет. М. – Л.: Изд-во Академии наук, 1945. С. 33.

⁷⁶ Анненков П. В. Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году // Воспоминания и критические очерки. СПб.: [б.и.], 1879. 283 с.

(«Крестьянка», «Около денег»), А. Ф. Писемского («Рассказы из народного быта») и др.

Русская критика в лице В.Г. Белинского намечает новые творческие перспективы для русского литературного процесса: необходимость освоения полиэтнического российского многообразия жизни. В статьях тридцатых годов критик отмечает значимость обращения к инациональным явлениям российского мира, когда в описание попадают не только историко-географические особенности, но и культурно-этнические – нравы, обычаи, и народное творчество, отмечается важность описания народа, его национального «лика».

В этом аспекте следует выделить заметку В.Г. Белинского «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте И. Нефедьевым» (1835)⁷⁷, где критик отмечает важность предпринятого автором издания, дающего характеристику народа, его национального «лица». Во вступительной статье к «Физиологии Петербурга» В.Г. Белинский также в духе принципов «натуральной школы» призывает писателей к новой творческой задаче: «освоению» литературой богатого и неповторимого жизненного разнообразия, этих природных и культурно-этнических миров, объединенных общим названием «Россия». Критик отмечает историко-географическое и национально-культурное многообразие российской жизни, которое дает необыкновенный материал для художественного изображения, объединяющий в себе синтез в огромном российском мире «чисто русского элемента» с инациональным, нерусским «множеством других элементов».⁷⁸ Критик утверждал, что для правдивого изображения жизни нерусских народов необходимо уважительно подходить к их национальному укладу и видеть, прежде всего, человека описываемой страны: «... если вы въезжаете в чужую землю с целью изучить ее нравы и обычаи, вы должны забыть на время, что вы гражданин своей земли <....> Иначе обычаи этой чуждой вам страны будете вы оценивать на курс обычаев вашего отечества и, естественно,

⁷⁷ Белинский В.Г. Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829-1835, под ред. В.С. Спиридонова // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 1. М., 1953. 148-149 с.

⁷⁸ Белинский В.Г. Вступление к «Физиологии Петербурга», составленной из трудов русских литераторов, под ред. Н. Некрасова // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 8. М., 1955. С. 377.

найдете в ней хорошим только то, что сходно с обычаями вашего отечества, а все противоположное или не похожее на них, безусловно, признаете дурным».⁷⁹

Огромная, неоднородная по этническому составу Россия, жизнь ее народов, их исторические судьбы стали предметом глубоких размышлений и объектом пристального внимания ученого-этнографа, фольклориста-собираателя, историка-исследователя и писателя-реалиста. Загадочное, таинственное многообразие этнографических красок России находило отражение на страницах произведений русских писателей, во многом определяя характер их творчества.

Инонациональные явления, религиозные верования, обряды и обычаи, этнопсихологические типы отражались в произведениях русских писателей. Русская литература в русле общей историко-культурной тенденции эпохи вводила в свое эстетическое пространство инонациональные миры. Русские писатели проявляли внимание к разным многочисленным народностям, культура и быт которых составляли духовное пространство России. В творчестве А. С. Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого нашли отражение горская тема, образы горцев и Кавказ. Русская литература обращалась и к другим регионам России – Крым, Малороссия, Север, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток стали предметом пристального внимания беллетристов тех лет. Культурная и общественно-научная установка XIX-го столетия заключалась в изучении в различных направлениях – историческом, географическом, экономическом, этнографическом, художественно-публицистическом – многонациональной России, и осознание ее как единого государства-империи, населенной разными народами.

Один из теоретиков гуманитарной географии Д. Н. Замятин, размышляя о роли литературы путешествий в формировании географических образов, заметил: «Русская литература уже по своему происхождению, *ad hoc*, принадлежит путешествиям; роль путешествий в формировании русской литературы переоценить невозможно. Во многом посредством литературных произведений (и

⁷⁹ Белинский В.Г. Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 7. М., 1955. С.307.

текстов, ставших таковыми) Россия осознала и осмысляла свои огромные и слабо освоенные пространства. Можно сказать, что русская литература развивалась на ходу, трясясь в карете, в тарантасе, на телеге, по пыльным проселкам и широким трактам».⁸⁰ Данное наблюдение можно экстраполировать на процесс литературного освоения национальных окраин, включения их как «своей» территории в коммуникативное пространство русских интеллектуалов. Путевые очерки и заметки, мемуары и отчеты о путешествиях в восточные и южные окраины расширяли представления жителей «внутренней России» о чужой и малоизвестной территории, населенной «другими/чужими» народами, формировали узнаваемые образы территорий и населения «азиатских владений» Российской империи, вписывали «новые земли» в ментальные карты образованных россиян.

Научно-литературные журналы публиковали на своих страницах «литературу путешествий», осуществляли финансовую поддержку известных писателей, отправлявшихся на окраины России «за новыми темами и впечатлениями», информировали читающую публику о результатах таких «литературных экспедиций». Одна из таких экспедиций была организована великим князем Константином Николаевичем в 1855 году, цель экспедиции – изучить самые отдаленные края империи, ознакомиться с народом и бытом, почерпнуть новые материалы для литературных произведений. В составе экспедиции были такие писатели как, А.Ф. Писемский, А.Н. Островский, С.В. Максимов, Г.П. Данилевский, А.А. Потехин. Большинство написанных очерков этих литераторов были результатом длительной и кропотливой полевой работы. Исследовательский метод писателей-этнографов заключался в непосредственном контакте с объектом изучения, который в результате давал особый вид реалистического описания, но вместе с тем, обладал всеми качествами научного исследования. Очерки, рассказы, путевые заметки писателей печатались не только в «Морском сборнике», но и в других журналах. Эти литературные путешествия

⁸⁰ Замятин Д. Н. Географические образы путешествий // Гуманитарная география. Альманах. Вып. 1. М., 2004. С. 12–41.

положили начало инациональному руслу в этнографическом направлении в русской литературе XIX в.

В вопросе изучения инационального этнографического направления в русской литературе особая заслуга принадлежит Людмиле Николаевне Сарбаш. В своей диссертации⁸¹ она рассматривает инациональное в художественно-публицистических текстах XIX века в произведениях писателей: В.И. Даля, А.А. Фукс, В. Сбоева, С.В. Максимова, Н.Д. Телешова, П.И. Мельникова-Печерского, С.Т. Аксакова, и др. «Русская литература в русле общей историко-культурной тенденции эпохи вводила в свое эстетическое пространство инациональные миры. Иной образ жизни, иные религиозные верования, иные обряды и обычаи вызывали интерес у писателей, особенно у писателей-этнографов».⁸² В ходе своего исследования Л.Н. Сарбаш приходит к выводу, что «репрезентация инациональных образов предстает в нескольких доминантах: инопоэтическое – как религиозно-мифологическая этнография; как типическая характерология времени – социально-общественная этнография; как универсальная константа – духовный, ценностный опыт народа»⁸³.

Описание жизненного уклада, специфики религиозно-мифологических представлений обнаруживает себя в этнокультурных зарисовках и сочинениях с инациональной тематикой. «Иная» картина жизни создается писателями обращением к национальным архетипам, фольклору, раскрывающему культурно-историческое своеобразие многочисленных народностей России, способствующий возникновению межкультурного диалога и дающий возможность расширения духовно-нравственных и художественно-эстетических представлений о мире, приятия других национально-культурных традиций, понимания взаимосвязи, взаимовлияния и неразрывности разных этносов, населяющих Россию. Рецепция русской литературой инациональной российской действительности, творческое воплощение одной национальной модели через призму другой духовно-

⁸¹ Сарбаш Л.Н. Инациональное в русской литературе и публицистике XIX века: Проблематика и поэтика: дисс. ... д-ра фил. н. Чебоксары, 2013. 516 с.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

нравственной системы координат является особо значимой в литературном процессе первой половины XIX века. Целостная историко-культурная концепция воплощения инонационального образа и передача этнического, выраженного в описании быта, уклада жизни, обычаев и обрядов, религиозных, нравственно-этических и духовно-эстетических воззрений, специфики национального характера – основная задача инонационального этнографического направления, которая проявляется в новой смысловой и поэтической содержательности, заключающейся в открытости к восприятию иной национально-культурной традиции.

В инонациональном этнографическом направлении наблюдается «творческая трансформация и эволюция, различные уровни проявления этнографизма: от художественной констатации инонациональных явлений до их конкретного культурно-этнического и религиозного воплощения: в национальном костюме, обычаях и обрядах, народном сознании - религиозно мифологических верованиях - и появлении этнического героя как в типологическом, так и индивидуализированном художественном образе»⁸⁴. В создании инонационального образа используются произведения устного народного творчества. Инонациональный фольклор способствует передаче своеобразия инонационального: легенды и сказания, исторические и топонимические предания, тексты былин и обрядовых песен. Инонациональный фольклорный материал формирует поэтическую природу произведений, являясь их художественно-эстетическим свойством, определяя жанровую специфику, основанную на синтезе мифологии и объективно-документального описания.

Инонациональное этнографическое направление русской литературы на протяжении всего XIX века становится заметным и важным явлением в историко-литературном процессе, где инонациональное предстает в органическом соединении документально-этнографического и художественно-эстетического осмысления.

⁸⁴ Сарбаш Л.Н. Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX века: Проблематика и поэтика: дисс. ... д-ра фил. н.. Чебоксары, 2013. 516 с.

Глава II

Инонациональный этнос в этнографической прозе 1830-х годов

2.1. Этнографическая проза: художественное своеобразие.

Появление в русской литературе второй половины XIX в. нового и актуального для того времени явления, получившего уже в ту пору в журнальной критике, а позднее и в литературоведении ряд сходных наименований: «этнографическая литература» «этнографическая беллетристика», «этнографическая проза», связано, как писал А. Н. Пыпин, с формированием новой науки – этнографии. Свое развитие этнографическая проза получит благодаря В.И. Далю, его литературной и собирательской деятельности. С 1833 по 1841 г. во время службы в Оренбурге Даль впервые обратился к описанию жизни, быта, обычаев различных народов, проживавших в Оренбуржье.

Позднее этнографическая беллетристика станет основным жанром у писателей- шестидесятников. Рецензент журнала «Современник» за 1864 г. писал: «...Этнографическая литература получила особенный смысл. Она становилась для общества средством познакомиться со множеством тех различных условий и отношений быта, которые прежде ускользали от его внимания, или вовсе не интересовали его и были ему неизвестны»⁸⁵.

Этнографизм для многих теоретиков и практиков литературы был одним из признаков народности. Так, В.Г. Базанов, рассматривая прозу 60-х годов XIX века, пишет, что «наибольшего успеха в познании народной жизни, народного быта и народной поэзии, достигли <.....> писатели и публицисты из «Современника».⁸⁶ Ученый вводит такое понятие как фольклоризованная беллетристика по отношению к прозе П.И. Якушкина, считая писателя создателем этого типа

⁸⁵ Новые книги. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 гг.). Дорожные заметки и воспоминания С. Максимова. // Современник. СПб., 1864. № 9. С.55.

⁸⁶ Базанов В. Г. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974. 412 с.

беллетристики. Исследователь дает ее истолкование, которое может быть распространено на характерологические особенности этнографической прозы в целом.

А. Горелов отмечает, что «этнографическая — в широком смысле этого слова — проза <.....> имела своей целью запечатление фольклорно-этнографических картин в их «самопроявляемости», в самостоятельном житейском качестве».⁸⁷

Этнографическую прозу со всеми присущими характерологическими признаками как особый тип повествования в своем исследовании широко осветил профессор А.Л. Фокеев, отмечая, что ни в учебниках по теории литературы, ни по истории русской литературы и введению в литературоведение она не выявляется. Есть лишь упоминание о литературной школе писателей-этнографов в учебнике по истории русской литературы XIX века (40-60-е годы) под редакцией В.Н. Аношкиной и Л.Д. Громовой⁸⁸. В то же время в литературоведении и литературной критике XIX века этнографическая беллетристика была замечена на уровне целого литературного направления, были выявлены этнографические черты и элементы в творчестве отдельных писателей, называемых критикой – этнографами (Н. и Г. Успенские, Ф. Решетников, В. Слепцов, С. Максимов и др.). А.Л. Фокеев на основе анализа содержательно-структурных элементов этнографической прозы выявляет ее характерные особенности, специфику трех ее разновидностей: очеркистика шестидесятых годов, творчество С.В. Максимова, народническая литература⁸⁹. Исследователь называет целый ряд отличительных черт этнографической прозы: «... народоведческий смысл деятельности писателей <.....>, основные принципы изображения быта в жанре этнографического очерка и рассказа; строгий документализм <.....>, исследовательское начало в творческом методе писателей, включение в художественную ткань произведений фольклорно-этнографических материалов».⁹⁰

⁸⁷ Горелов А. А. Введение // Русская литература и фольклор (конец XIX в.). Л., 1987. С. 5.

⁸⁸ История русской литературы XIX века. 40-60-ые годы: учеб. Пособие для вузов / под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой. М.: Издательство Оникс, 2006. 512 с.

⁸⁹ Фокеев А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе2004

⁹⁰ Там же.

Особенностью этнографической прозы как повествовательного жанра является присутствие в тексте фольклора как элемента культуры и быта (народные песни, смеховая культура, народный театр, балаганы, пословицы, поговорки, загадки, заговоры, причитания и т.д.)⁹¹.

Художественная репрезентация национальной картины мира и народной культуры в этнографической прозе отражается в художественно-этнографических элементах как реалистическое воспроизведение быта и повседневной жизни, социальное освещение жизни, этнопсихологических особенностей национального самосознания, этнографической типологии национальных героев, их соотнесение с окружающим миром. Степень привнесения фольклора и этнографии определяет и уровни этнографизма, и разновидности прозы, но основным критерием остаются литературно-фольклорный синтез и жанрово-стилевое единство.

Для этнографической прозы характерен фольклорный генезис типов и образов, изобразительных средств, народнопоэтические словесные формы языка, психологические и этические категории, психологический контекст, подтекст, коллизии. Здесь могут присутствовать различные формы фольклоризма: стилистически-речевой, фольклоризм поэтического строя литературного произведения и фольклоризм социально-этнографический.

Особенности сюжетно-образной структуры этнографической прозы – особая повествовательная форма с этнографическими компонентами и фольклорными включениями, трансформация фольклорно-этнографического материала в художественном тексте произведения. Как считает А.Л. Фокеев, этнографическая манера письма характеризуется «протокольность» повествования, объективностью наблюдений, хроникальностью сюжета и документализмом. По наблюдению ученого, пейзаж также имеет свою особенность, типологическое своеобразие, выступает как топографическая, географическая, этнографическая, временная и социальная категории. К пейзажу могут быть отнесены распространенные в этой прозе культурологические описания: использование

⁹¹ Фокеев А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе2004.

национальной традиции, народнопоэтических национальных образов.⁹² Герой в этнографической прозе – это персонаж из реальной жизни, точное и достоверное изображение его в «типических обстоятельствах», содержащий в себе этнографические признаки, культурную традицию, духовно-нравственные аспекты.

Все эти особенности прозы закрепляются «в жанре этнографического очерка в разных его разновидностях и рассказа с фольклорно-этнографическими элементами. В жанровом отношении этнографическая проза является рассказово-очерковой»⁹³. Как основной жанр этнографической прозы очерк характеризуется идейно-художественной определенностью. В очерке все внимание сосредоточено на внешних реалиях этнографического характера (географической, социальной, экономической, культурологической этнографии), описываемые события связаны с фольклорно-этнографическими элементами. Писатель рассматривает народный быт как объект художественного познания. Погружаясь в стихию фольклора и этнографии, писатель в эстетическом овладении действительностью посредством определенных форм художественной организации материала создает в этнографической прозе своеобразный литературно-этнографический синтез, особую жанрово-стилистическую форму.

Развитие этнографического очерка связывают с «натуральной школой» 40-х гг., а достигает он своего расцвета в 60-70-е гг. XIX в., но предпосылки возникновения этнографического очерка, его некоторые характерные черты можно обнаружить в «путешествиях» писателей-сентименталистов: «Прогулка по Москве» К. Батюшкова (1810), «Новый живописец общества и литературы» Н. Полевого (1832), «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Письма путешественника» Н.М. Карамзина. В своих «путешествиях» А.Н. Радищев и Н.М. Карамзин сознательно отбирали явления действительности, их «путешествия» отражали объективную реальность, что в дальнейшем будет основным маркером в этнографическом очерке. Этому же следовал в «Путешествии в Арзрум» и А.С.

⁹² Фокеев А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе2004

⁹³ Там же.

Пушкин. Эстетические принципы художественного повествования, выдвинутые им, – краткость, простота, ясность – определяют весь стиль его «Путешествия ...».

Очерк в русской литературе встречается в разные эпохи. Но в отдельные времена он получает особое значение, выдвигаясь на передний план литературной жизни. Это бывает, прежде всего, в период формирования и утверждения новой политической, социальной идеологии, с целью активно вмешаться в жизнь, общественное устройство, перестроить, изменить общественное сознание. С развитием буржуазно-экономических отношений в 40-е годы XIX века очерк начинает играть одну из ведущих ролей в русской литературе. Особое значение для развития жанра очерка приобретает литературно-критическая деятельность В.Г. Белинского, обратившего свое внимание на необходимость и востребованность отражения реальной жизни России во всем ее разнообразии. С этого времени очерк – физиологический очерк – выдвигается на передний план русской литературы как наиболее демократический жанр. Его развитие связано с эстетической программой «натуральной школы». Именно физиологический очерк становится репрезентативным жанром «натуральной школы». Исследователь А.Г. Цейтлин, автор специальных исследований о русском физиологическом очерке, отмечал, что «натуральная школа» была обязана физиологическому очерку своим рождением в большей мере, нежели повести и роману.⁹⁴ Представители физиологического очерка относили его к разряду «беллетристики», т.е. таких произведений, которые, не ставя перед собой собственно художественных задач, знакомят читателя в живой форме с нравами и бытом, со всем разнообразием социальных укладов, с этнографией и географией различных мест России. В этом отношении особо стоит выделить жанровую особенность очерков В.И. Даля, соединивших в себе признаки физиологического и этнографического очерка. Общим для очерков Даля является их идеологическая концепция, которую сам писатель сформулировал так: «Во всю жизнь свою я искал случая поездить по Руси, знакомил с бытом народа, почитая народ за ядро и корень»⁹⁵.

⁹⁴ Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965. С. 92.

⁹⁵ Записки Академии наук, т. XXII, СПб, 1873, С. 262.

В этнографических очерках Даля отображались все стороны жизни народа: хозяйственная деятельность, социальные отношения, быт и нравы, устное творчество, особенности говора и т.д. Примером этнографического очерка может служить «Уральский казак», в котором Даль обращается к истории Уральского казачества, отмечает особый уклад жизни казачества, приводит сведения о занятиях казаков – рыболовстве и скотоводстве. Из очерка Даля тогдашний читатель мог вынести более или менее полное и довольно яркое представление о типе уральского казака, о своеобразном строе его жизни. Характерные черты очерков Даля – меткая наблюдательность, верность натуре, точность бытовых и этнографических описаний, живость языка.

Следует отметить, что тенденция, получившая развитие в очерковой литературе «натуральной школы», была заложена несколько раньше и проявлялась в том интересе, который питали русские журналы первых десятилетий XIX века к территориям и народностям России мало известным широкой, особенно столичной, публике. Такие журналы, как «Чтения в Беседе любителей русского языка», «Благонамеренный», «Отечественные записки», «Славянин», «Вестник Европы» охотно публиковали авторов из провинции.

В конце 1810-х гг. известный просветитель, историк Г.И. Спасский издает журналы «Сибирский вестник» (1818–1824), посвященной Сибири, и «Азиатский вестник» (1825–1827) – о странах Центральной и Юго-Восточной Азии, которые выходили в Петербурге.

Другой известный издатель того времени П.П. Свиньин, в журналах которого на протяжении второй половины 1820-х – начала 1830-х гг. публиковалось наибольшее количество материалов, дающих представление об инонациональном населении России.

Журнал «Заволжский муравей», издававшийся в Казани в 1832–1834 гг., также публиковал статьи, посвященные Поволжью и Западной Сибири. Именно в русской журналистике в ее разножанровых материалах конца 1810-х – 1820-х и 1830-х гг. «рождалась на свет та область литературного творчества, что позднее получила название этнографической беллетристики или этнографической

прозы»⁹⁶. «Соединение документального и художественно-беллетристического начал с пристальным вниманием к «чужому», «другому» образу мира, со стремлением запечатлеть его как можно яснее и в то же время занимательнее для читателя создает содержательную специфику этнографической литературы»⁹⁷.

Произведения середины 1820-х и 1830-х гг., выполненные на инонациональном материале, изображавшие народы национальных окраин России, хоть и следовали жанровому канону романтической поэмы, но были уже с познавательно-этнографическим уклоном. В.М. Жирмунский видел в этих произведениях тенденцию этнографического романтизма⁹⁸. Романтические повести этого времени, как считает Созина, – это «сочетание литературного романтизма и интуитивно нащупываемой струи достоверного повествования, за которой было будущее русской литературы»⁹⁹. Один из писателей-романтиков, П.М. Кудяшев, автор повестей «Киргизский пленник. Быль Оренбургской линии» (1826), «Искак. Татарская повесть» (1830), «Даржа. Калмыцкая повесть» (1829), «Абдряш. Башкирская повесть» (1827), писал в письме издателю Свиньину: «Может статься, что сии повести однообразны, но этого избежать было невозможно, потому что, при сочинении их, я поставил себе за правило не упускать из виду разно<на>родных обрядов, суеверий, предрассудков, обыкновений и, по возможности, старался включать оные в повествование, чтобы короче познакомить читателей с действующими лицами»¹⁰⁰. Введение этнографического и исторического элемента в жанровую форму романтической повести, приурочивание места и времени действия в произведении к определенному, хорошо знакомому автору, вполне реальному хронотопу – все эти моменты, характерны в конце 1820-х - 1830-х гг. для творчества авторов позднего романтизма. Эти повести становились уже достоянием беллетристики – относительно нового, нарождающегося в России вида или типа литературы. При

⁹⁶ Созина Е. К. Этнографическая беллетристика Южного Урала в российской печати 1820 - 1830-х гг. // Филологический класс. 2017. № 1 (47). С. 48

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л.: Наука, 1978. 424 с.

⁹⁹ Созина Е. К. Этнографическая беллетристика Южного Урала в российской печати 1820 - 1830-х гг. // Филологический класс. 2017. № 1 (47). С. 49

¹⁰⁰ Кудряшев П. М. Письма П. П. Свиньину // РО РНБ. Ф. 679. Свиньин. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л.36

этом сам беллетристический сюжет с любовной фабулой в центре не был для автора самоцелью, но выполнял роль своего рода структурного механизма, связующего все элементы повествования¹⁰¹.

Этнографическая проза в жанре этнографической повести в творчестве писателей позднего романтизма отразилась в «восточных» повестях. Хотя по жанровым особенностям этнографические повести гораздо реалистичнее и «достовернее» классических восточных повестей в плане воплощения инонационального образа и изображения особенностей нравов и быта.

Этнографическая повесть в произведениях 1830-х гг. имеет свои особенности и характерологические черты: привлечение фольклорных мотивов и мифологии, описание географического и природного ландшафта края, возвышенный образ героя, представителя инонационального этноса, точные описания обрядов и обычаев. В этнографических повестях писателям свойственен демократический, общегуманный взгляд на народ, традиционно присущий русской интеллигенции: несмотря на все различия в образе жизни и быта, все равны в сфере чувств, гражданских поступков.

Таким образом, этнографическая проза в жанре этнографического очерка и этнографической повести в русской литературе XIX века является характерной чертой не только в творчестве писателей «натуральной школы» 40-х гг., литературы 60-70-х гг. XIX в., но гораздо ранее, в творчестве писателей-романтиков, со всеми признаками и особенностями, присущими этнографической прозе. Реалистичные картины быта инонационального этноса в творчестве писателей позднего романтизма положили начало развитию реализма в литературном процессе, а жанр «путешествий» положил начало путевому очерку, который вместе с физиологическим очерком способствовал появлению этнографического очерка.

¹⁰¹ Созина Е. К. Этнографическая беллетристика Южного Урала в российской печати 1820 - 1830-х гг. // Филологический класс. 2017. № 1 (47). С. 49

2.2 В.И. Даль и инонациональное этнографическое направление.

Велика заслуга В.И. Даля как основоположника этнографического направления в русской литературе XIX века, но вместе с тем следует отметить, что в рамках этого направления он также развивал ее инонациональное русло. Выделяя этнографическую направленность очерков и повестей 1830-х гг., В.Г. Белинский в своих статьях характеризовал Даля как бытописателя и этнографа. Он называет Даля «человеком бывалым, коротко ознакомившимся с бытом России почти на всех концах её»¹⁰². Об этом же он говорит в рецензии 1847 года на сборник повестей, сказок и рассказов Казака Луганского. «И в самом деле, где не бывал он? Он участвовал в польской кампании и в хивинской экспедиции, он бывал в Молдавии, в Валахии, в Бессарабии; Новороссия с Крымом ему как нельзя больше знакомы, а Малороссия – словно родина его. Он знает, чем промышляет мужик Владимирской, Ярославской, Тверской губерний, куда ходит он на промысел и сколько зарабатывает. Даль – это живая статистика живого русского народонаселения»¹⁰³.

Белинский отмечает в качестве основной черты творчества писателя его врождённую наблюдательность, умение «мастерски схватить с натуры» изображаемые картины народной жизни. Рецензируя сборник «Физиология Петербурга», в котором Даль поместил свой очерк «Петербургский дворник», критик отмечает, что этот очерк – один из лучших, а автор «так хорошо знает русский народ и так верно схватывает иногда самые характеристические его черты»¹⁰⁴. Белинский пишет, что Казак Луганский своим творчеством создал «особый род поэзии, в котором у него нет соперников»¹⁰⁵. Этнографизм Даля воспринимается Белинским «как особенность мышления и как структурный элемент художественной системы бытописателя и этнографа».¹⁰⁶

¹⁰² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13т. Т.8. М.; Л., 1953-1959. С. 58.

¹⁰³ Белинский В.Г. Т.10. С. 82.

¹⁰⁴ Белинский В.Г. Т.9. С. 50

¹⁰⁵ Там же. С. 398.

¹⁰⁶ Фокеев А.Л. В.И.Даль – родоначальник этнографического направления в русском литературном процессе XIX века. // Русская словесность. 2004. №4. С. 10.

Многолетние поездки по национальным окраинам Российской империи, яркие жизненные впечатления, накопленные за время этих поездок, повлияли на литературную деятельность Даля. Его первая публикация в 1830 году в журнале «Московский телеграф» – повесть «Цыганка» написана на основе впечатлений от поездок по Малороссии. Все жизненные впечатления В.И. Даль воплощал в своем художественном творчестве, об этой взаимосвязи жизненного опыта и творчества писал в письме М. П. Погодину (1 июня 1841, Оренбург): «Все повести мои, если угодно взглянуть на них, происходят в краях и странах, мне коротко известных, где я бывал, живал и сам всё видел. Я не умею писать полиция на авось; вот почему и не могу слишком бойко и скоро писать или создавать новое. Турция породила Кассандру и Болгарку; Польша – Подолянку, Оренбург – Мауляну и Майну; Русские Губернии – Вакха, Бедовика; Малороссия – Василия Граба, Южная или Новая Россия – Мичмана Поцелуева»¹⁰⁷. Во всех этих произведениях заметны этнографические черты и народная поэтика в обрисовке образов героев, привлечение фольклорных жанров.

Первая повесть В.И. Даля «Цыганка» отражает установку на этнографизм, присутствующий в описании бытового уклада: расположение города Ясс, пестроту населения, нехарактерные продукты питания (дульчец, щербет), детали одежды мужчин и женщин. Подстрочные примечания расширяют этнографические данные, писатель пытается углубить, объяснить особенности уклада жизни с помощью обращения к истории. Иноязычные слова в повести характеризуют героев, как представителей других национальностей, способствуют погружению в реалии инонациональной жизни. Даль как лингвист дает характеристику языку: «Природный язык крайне беден и необработан: волошский и молдавский суть наречия, коих корнем почитается латинский; выговор иных слов весьма сходен с итальянским, а посему славянская грамота и печать весьма некстати принята молдаванами, и не соответствует вовсе ни произношению, ни правописанию языка. Приличнее было бы в сём отношении поменяться молдаванам и полякам, которые

¹⁰⁷ Переписка В. И. Даля и М. П. Погодина. // Лица: Биографический альманах. 2. М.; СПб. 1993. С.317.

весьма удобно могли бы писать нашими славянскими буквами»¹⁰⁸. Писатель даёт профессиональный комментарий, он вплетён в широкие размышления о культуре, о своеобразии и путях развития нации. В «Цыганке» уже просматриваются основные особенности творческого метода В.И. Даля: этнографизм, установка на раскрытие национальных черт характера, наблюдение реалий народной жизни, бытописание, интерес к живому народному слову.

В небольших повестях «Болгарка» и «Подольянка» В.И. Даль органично сочетаются элементы автобиографии, воспоминаний и этнографического повествования. В этих повестях этнографические описания являются фоном для показа военных событий, а также дают представление о природе края, о быте и нравах народа. Вот как описывает Даль соляные копи Польши: «Но знаменитейшая вещь, по близости Кракова, есть соляноломня в Величке, в Галиции. Мы съездили туда и видели подземные палаты, церковь, озёра, площади, улицы и переулки, простирающиеся в три яруса на 140 сажень в глубину, в непрерывной толще каменной соли. Ломня существует с 1043 года. Пласт соли покрыт пластом известковой ракуши в 86 сажень толщины. Каплица украшена соляными изваяниями, во весь рост, островерхими памятниками, изсеченными из полупрозрачной породы со стоялами»¹⁰⁹.

Фольклор и быт этносов Оренбургского края послужили Далю материалом для создания статей, рассказов и очерков: «Замечания о башкирцах», «Нечто о кумысе», «Скачка в Уральске», «Скачки в Уральске и Оренбурге», «Башкирская русалка», «Охота на волков», «Бикей и Мауляна», «Майна».

«Башкирская русалка» была написана на материале башкирского фольклора: в его основе древнейшее эпическое сказание о Зая-Туляке и Хыу-Хылу. В ней повествуется о любви батыра Зая-туляка и прекрасной русалки – дочери владыки озер Ассулы и Кандры. Необычна композиция произведения: в первой части дается вводный историко-этнографический обзор; во второй излагается любовная история. В первой части писатель дает краткую, но исчерпывающую

¹⁰⁸ Даль В. И. Были и небылицы Казака Владимира Луганского: В 4 кн. / В. И. Даль. СПб., 1833 – 1839. С. 160

¹⁰⁹ Даль В.И. Сочинения В.И. Даля. Повести и рассказы. СПб.; М. 1883-1884. С.183.

характеристику края и народа «башкурт»: природа, поэтическое творчество, племенная символика. Даль прибегает к разным способам художественного использования этнографического материала, что является характерной особенностью В.И. Даля в изображении инонациональной жизни. Он дает полноценную картину жизни и быта инонационального этноса: описание одежды – мужской наряд чапан, бурзенская шапка; поселения и жилище – аул, юрта; музыкальный инструмент – чибызга-курай; родовые знаки – тамга, уран; пищу – кумыс, крут; атрибуты повседневной жизни – сабы, турсуки, нагайка; описание демонологических существ: шайтан, дью-пари, джин, подводный падишах, див.

Художественное отражение инонациональной этнографии осуществляется через включение в идейно-образную систему сюжетов башкирского фольклора, башкирских мифологических преданий, отражающих духовную и нравственную природу народа. «Реальные исторические и этнического характера сведения «соседствуют» в повествовании, тесно переплетаются и «срачиваются» с преданиями устного поэтического творчества, которые являются структурообразующей частью произведения, его эстетическим свойством».¹¹⁰

При описании природы Башкирии писатель географическую характеристику местности соединяет с поэтическими преданиями. В реальное описание Бельской пещеры вводится башкирская легенда: в ней обитало какое-то особое племя людей, а также джины, дивы и дью-пари. Даль объясняет, что в башкирских легендах дью-пари – это злой дух; знаменитые башкирские батыры прославились битвами с этим чудовищем, принимающим обличье человека, кошки, собаки, а также барса и тигра. Присутствуют в идейно-образной системе «Башкирской русалки» и топонимические народные сказания. Писатель поясняет, что у кочевых башкир много преданий, в которых одушевляется природа: леса, горы, пещеры и озера населены лешими, русалками – по-башкирски «джинами», злыми или добрыми духами; каждою горою, каждым озером владеет какой-либо джин. Так, на горе Шуллюгань-таши находится каменная собака, которой подвластны облака: она

¹¹⁰ Юган Н.Л. Инонациональная этнография в творчестве В.И. Даля как этап развития русской литературно-этнографической школы // Научный вестник Междунар. гуман. у-та. 2015. №19. С.78

боится плети, не может снести ста ударов – издаёт вой, и в это время идёт обильный дождь. Многочисленные предания и легенды создают неповторимый мифопоэтический мир башкирский края. Пещера Тименетау – жилище дью-париев, которые живут в подземной мельнице: «дуют огромными мехами и куют стопудовыми молотками»; в подошву горы Зимен-тау входит речка «подземельная», которая ворочает жернова шайтана; в скале Тауча светятся огоньки, обитают духи. Озеро Ачулы прибывает и убывает без видимых причин: башкиры уверены, что это случается перед какою-либо бедой. Озеро Елкикичкан – царство могучего падишаха водяных, наградившего смелого Кунгрбая, башкира Бурзянской или Усергенской волости, косяком лошадей: храбрый башкир на своём знаменитом жеребце преодолел неприступную для других пучину. Башкирское название озера сопровождается русским переводом – «конский выгон». Аналогичная легенда отражена и в сказе: отец русалки дает Зая-Туляку на обзаведение табун выплывших из озера коней, от которых произошла, как замечает рассказчик, знаменитая порода димских башкирских лошадей.

В «Башкирской русалке» происходит соединение реально-географического описания с мифологической традицией, прослеживается «многовекторность национально-культурного диалога <.....> этническое становится художественно-эстетическим качеством произведения».¹¹¹ Ю. П. Фесенко справедливо замечает, что «Башкирская русалка» являет собой жанровое образование, первая часть которого «этнографический очерк башкир», а вторая – обработка национального «эпического сказания»¹¹².

Если в «Башкирской русалке» наравне с этнографическим описанием присутствует мифопоэтический мир, выраженный в легендах и в трагической истории любви башкирского принца и русалки, и речь идет об «этнографическом романтизме», то в казахском цикле В.И. Даля такая же трагическая история любви («Бикей и Мауляна») основывается уже на реальных событиях, и отражает семейно-бытовой конфликт. Древние родовые понятия казахского общества,

¹¹¹ Юган Н.Л. Инонациональная этнография2015. С.78

¹¹² Фесенко Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция. Луганск; СПб.: Альма-матер, 1999. С. 125.

столкновение имущественных интересов внутри одной семьи приводит к гибели героев. Но сюжетное повествование невозможно без пояснений особенностей жизни кочевого казахского общества, без которых читатель не смог бы понять мотивы поведения героев, оценить их действия, если бы этнографические сведения о нравах, быте и культуре отсутствовали. Но помимо объяснений поступков героев, этнографическое описание дает полную картину мира казахского этноса. «Рассказывая о жизни казахов начала XIX в., писатель использует не только материалы наблюдений реальной жизни народа, но и официальные документы, допуск к которым он имел по должности».¹¹³

Казахские рассказы «Майна», «Бикей и Мауляна» характеризуются точностью этнографических описаний быта и нравов национальной среды. В рассказе «Майна» Даль приводит обряд сватовства с использованием характерных деталей казахского обихода. С подробностями описывает Даль и другие казахские свадебные обряды. Описывая национальные этнографические черты в одежде бедняков, подчёркивает социальное неравенство народа. В рассказе «Майна» воспроизводится образ обнищавшего бедняка, голодного, всеми гонимого. «Куций лето и зиму ходил в одном платье: в нагальном косматом тумаке или малахае... в стёганом полосатом халате, покрытом до последней нитки заплатками всех цветов и родов - шёлковыми, бязевыми, ситцевыми, суконными, наконец, кожаными и меховыми»¹¹⁴. В одной из таких заплаток между лопатками была зашита спасительная молитва, которая, «однако не спасала Куцего от частых побоев толстою плетью по этому самому месту».¹¹⁵

Даль характеризует нравы степных кочевников, при помощи социальной этнографии показывает процесс расслоения среди них, обнищание степи, уход в русские села и города. В казахских рассказах Даль – объективный наблюдатель. Как писатель-этнограф он сосредоточен на изучении и правдивом показе жизни народа, её национальной специфике, социальных, семейных отношениях,

¹¹³ Умарова Г.С. В.И. Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах. Уральск, 2012. С.49

¹¹⁴ Даль В.И. Т.7. С. 289

¹¹⁵ Там же.

народном характере и психологии казахов. Как отмечает Евстратов А.Н., он «целеустремленно изучал и условия жизни, быт, обычаи, традиции казахов»¹¹⁶. Темы, затронутые Далем, дают возможность не только узнать о конкретных деталях жизни казахского этноса, но и представить целостную картину. Даль выступает умным наблюдателем, полным сочувствия к казахскому народу, этнографом-очеркистом, поражающим добросовестным изучением национального материала. Даль, указывая на достоверность описываемого события («Бикей и Мауляна»), говорит, что «все происшествие рассказано так, как было <> и в таком виде, как было, представляет цепь действий и последствий, составляющих одно стройное целое, основанное на чудном сплетении умственных способностей и нравственных качеств человека, на *обычаях народных, местных...*»¹¹⁷. Исследователь Фетисов М.И. отмечает, что это высказывание является «творческой декларацией» писателя. «Он всегда правдив, точен в описаниях, но далек от беспристрастного фотографирования действительности или беспорядочного протоколирования фактов».¹¹⁸

Помимо правдивой истории любви в повести «Бикей и Мауляна» дается полная картина национальной жизни. Писатель, описывая различные состязания, игры, особое внимание уделяет скачкам («после еды и обжорства четвероногие обитатели степей кони - первые действующие лица, а люди уже второстепенные»), состязаниям молодого парня с «отборною молодецкою девкою на лихом скакуне», соревнованиям в стихотворных импровизациях: «Девки и парни садятся особыми кружками, одни поодаль от других, а нередко девки и внутри кибитки, а женихи снаружи, за решеткой, и обе стороны перепеваются взапуски, отвечая друг другу в очередную четырехстишиями. Импровизаторы, запевала и запевалка выказывают при этом всю остроту и витийство свое, и толпа тешится, слушает, хохочет и повторяет те из стихов, которые ей более понравились»¹¹⁹. Даль внимателен

¹¹⁶ Евстратов А.Н. Путевые очерки В.Г. Короленко в литературном процессе конца XIX века. Уральск, 2012. С.24.

¹¹⁷ Даль В.И. Бикей и Мауляна. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 7. С.265

¹¹⁸ Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана 30-50-е годы XIX века. М., 1956. С.138

¹¹⁹ Даль, В.И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя / Сост. А.Г. Прокофьева, Г.П. Матвиевская, В.Ю. Прокофьева, И.К. Зубова. Оренбург, 2001.С. 266.

к музыкальному творчеству казахского народа, видя в нем проявление духовной жизни изображаемых людей. Своеобразие казахских песен он видит в том, что казахи обычно поют «наобум, о том, что у них в глазах»; но есть певцы записные, певцы наобум, без которых и пир не живет; они являются всюду, где только режут баранов, где только сходятся в кучу и пьют кумыс; они же играют и на кобызе, на гудке плотницкой отделки... играют и на домбре... у башкиров играют и на чибызге, на дудке, сопелке...»¹²⁰.

В духе народной поэтики Даль создаёт образы своих главных героев, близких к былинным и сказочным богатырям. Таков батыр Бикей. Он отважен, героичен, победитель в спортивных состязаниях, искусный наездник. Герой наделён незаурядным умом, он талантлив и смел. Однако в отличие от фольклорных образов («Башкирская русалка»), автор реалистически изображает героя, подчёркивая его связь со средой, сословными предрассудками, родовыми интересами. Народные начала отражены в образе Мауляны – красавицы казахского аула. Портрет героини изобилует этнографическими подробностями и, вместе с тем, её образу присущ и некоторый психологизм. Это – «душа страстная, пылкая, необузданная, неразгаданная», свободолюбивая. Её характер впервые раскрывается на фоне картины национальных народных обрядов, спортивных состязаний, игр, сцены единоборства девушки и джигита. Автор приводит подробное описание национальной игры и реакцию зрителей. «И в тот же миг она (Мауляна – Н.А.) полетела вихрем на него, - народ отхлынул с криком, и ребяташки в давке завизжали. Затем обмахнула нагайкой два быстрых круга около головы Бикей и промелькнула... На всех игрищах и пирах никто ещё не догонял её. Тысячи зрителей отвечали на это исступлённым, оглушающим рёвом».¹²¹

Даль интересовался и поэтической стороной жизни народов, выраженной в преданиях и поверьях, стремился передать национальную демонологию, веру казахов в таинственные силы природы. Он отмечал: «Поверья народа, вообще, как на суеверия, <> заслуживают нашего внимания как значительная частица

¹²⁰ Там же. С. 267

¹²¹ Даль В.И. Повести, рассказы, очерки. Челябинск, 1986. С. 277.

народной жизни....».¹²² Даль также вводит в текст повестей много слов тюркского происхождения (баранта, батырь, курсук, кун, кади, калым, кунак, чекмень, байгуши и др.), пословиц и поговорок («Нужда придет, работа не уйдет: на голодного коня травы в поле много, на долгую твою работу дней у бога много»; «тутовому дереву хорошо расти в ханском саду», «богатому всюду хорошо, а бедному везде худо» и др.).

В «Майне» показана вера казахов в фантастическую силу змеи-шамран, приносящую в дом счастье. Также крепка у казахов вера в баксы (шаман). В «Бикей и Мауляне» братья Бикей прибегают к помощи баксы: «братья, составив с отцом совет, решились прибегнуть к последнему средству: позвать баксы, киргизского шамана, обещать лучшего стригуна, жеребенка, если он откроет им средство, как наказать брата и воротить от него все добро свое».¹²³

Так, в казахском цикле Даля представлена национальная, культурологическая и социальная этнография. Творческое изучение прошлого народа, углубление в стихию казахской жизни, в ее ежедневное бытие помогли Дально почувствовать простор, созерцательность, щедрость этого народа, его искусство побеждать тяготы быта смехом и юмором. В образах главных героев рассказов писателя отразились позитивные и негативные черты национального характера, своеобразие культуры и быта, тесно связанные с народными традициями, экономическими и политическими условиями жизни.

Исследователь Умарова Г.С. считает, что «реалистические произведения Даля как бытописателя, как изобразителя нравов, как создателя многочисленных типов-характеров из казахской жизни представляют собой немаловажный вклад в сокровищницу русской литературы <.....> активное использование этнографических и фольклорных материалов при изображении нравов стали достоянием русской словесности, вызывая глубокий интерес читателей».¹²⁴

¹²² Даль В.И. «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа». М., 2017. С. 3.

¹²³ Даль В.И. Бикей и Мауляна. Полн.собр.соч.. Т. VII. С.308

¹²⁴ Умарова Г.С. В.И. Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах. Уральск, 2012. С.169

Описание национальных особенностей жизни, быта, этнографических деталей и народной культуры казахского народа органично вошли в русскую литературу. На основе этнографического материала раскрывались основные черты национального характера и роль народа в историческом процессе. В этнографическом плане Даль выявляет в своих героях местные черты, но и они подчёркивают психологический склад нации. Характерной для писательской манеры Даля является близость к народной точке зрения, постижение народной мудрости, овладение народной сказовой манерой. Всё это характеризует его демократические устремления, сочувственное отношение к простому народу.

Сюжетно-композиционной особенностью инонациональной этнографической прозы Даля является соединение в художественной системе произведения разнородных жанровых элементов: документального научно-географического очерка и художественно-этнографического описания на основе фольклора – разнообразных поэтических преданий народной словесности, которые предстают не формально-познавательным компонентом, а эстетическим качеством произведения. Инонациональное интересует В.И. Даля в разнообразных этнических проявлениях: особенности жизненного уклада, поэтическое творчество, обряды и обычаи как определённые явления национальной жизни, в которых сказывается самобытность народа, его религиозные и духовно-нравственные представления. Писатель-этнограф в обрядовой культуре усматривает этнопсихологические особенности народного сознания: «народы вселенной» не могут обойтись, как он считает, «без внешней или вещественной обстановки» – обрядов, в которых Даль усматривает «представительство» духовно-нравственных истин.

В.И. Даль был одним из первых русских писателей, для которого инонациональная фольклорно-этнографическая традиция явилась творческой основой многих произведений. В дальнейшем эта художественная тенденция заявит о себе в русском литературном процессе XIX в.: в произведениях П. И. Мельникова-Печерского («Очерки Мордвы»), Д.Н. Мамина-Сибиряка («Баймаган», «Лебедь Хантыгая», «Слёзы царицы»), Ф. Д. Нефёдова («Зигда»,

«Ушкуль»), Н.Д. Телешова («Живой камень»), Н.Г. Гарина-Михайловского («Зора»), А.М. Фёдорова («Степь сказала»), М. Горького («Немой») и многих других.

В произведениях В.И. Даля, посвященных инонациональному этносу, четко прослеживается имагологическая дихотомия «свой-чужой», выражающаяся как «русское – азиатское»: оренбуржцы делятся на жителей города и кочевые этносы Оренбургского края («Домик на Водяной улице», «Полуночник», «Бикей и Мауляна»). Домик капитана, помощника коменданта, противопоставляется киргизскому жилищу: если в привычной для киргизов кибитке, по словам жены капитана, холодно, ее «горой заносит снегом», то «и крыша, с резным гребнем, со шпильями на нем, с конями по концам конька, была... дивом»,¹²⁵ «жители вновь заложенного города и всей окружности его: башкиры, татары, киргизы сходились подивиться на дом о пяти окнах, который казался им палатами».¹²⁶

«Азиатское» в произведениях В.И. Даля лишь номинативно связано с этническими характеристиками: в целом его олицетворяют татары, казахи, башкиры. Оренбург место встречи Европы и Азии, Запада и Востока, и в произведениях В.И. Даля оренбургского периода мы видим мирное сосуществование разнородных культур и разных цивилизаций.

Первая глава повести «Бикей и Мауляна» начинается как раз с изображения всего этнического многообразия города Оренбурга (сцена прихода каравана на меновой двор). Даль отмечает: «И толпа, многоязычная, многоглавая и разнообразная, <....> Тут шло несколько чиновных и должностных, с фамилией и с семейством; тут были торгаши, в долгополых сюртуках, были и приписные и беглые мещане; были и татары».¹²⁷ Русское и азиатское на территории Оренбургской крепости – два «самостоятельных неслиянных голоса»,¹²⁸ сочетающихся в единстве высшего порядка – полифонии. В структуре оренбургской жизни преобладает хоровое начало, достигается гармония жизни.

¹²⁵ Даль В. И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Оренбург. 2001. С. 105

¹²⁶ Там же. С. 104

¹²⁷ Там же. С. 213.

¹²⁸ Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next, 1994. 511 с. С.5

Дружелюбные отношения русского мира и мира азиатского на территории Оренбурга в произведениях Даля объясняются, если опираться на теорию этногенеза и пассионарности Л.Н. Гумилева¹²⁹, принципом комплиментарности (неосознанная симпатия к одним людям и антипатия к другим: положительная и отрицательная комплиментарность), в данном случае в произведениях Даля мы видим отражение положительной комплиментарности: русских и степняков связывает обменная торговля, обусловившая новую экономико-географическую систему, и следовательно, оформление культурно-политического союза.

Для Даля азиаты-горожане – это пока еще не ассимилировавшиеся с русскими, но в то же время они не являются в городе «чуждыми», «низшими». Вот как говорит В. И. Даль о казахах в своих повестях: «Народ этот, при всей грубости своего невежества и черствости души или сердца, по нашему образу чувств и мыслей, не лишен природою ни того, ни другого – ни чувств, ни мыслей» («Майна»)¹³⁰; «степные дикари» имеют свои патриархальные обычаи («Бикей и Мауляна»). Они могут быть не менее благонравными, чем православные (русские): Бикей не бранится с несправедливо обиравшими его семью родственниками, хотя, как подчеркивает автор, «это... самый горький, унижительный и непримиримый способ состязаться с противниками».¹³¹ Азиаты имеют свое представление о власти, о наказаниях, о полезной деятельности. Русское и азиатское представляет то самое противоречие между оседлым и кочевым, лесом и степью, между двумя разными религиями. Даль не занимает позицию просвещенного «белого» среди «дикарей». Он не связывает преступление – убийство Бикей братьями – с непросвещённостью и неразвитостью казахов. Напротив, Даль все время подчеркивает, что, несмотря на разницу в общественном развитии, в быту, собственно в культуре, казахи такие же люди, как и европейцы: они так же решают имущественные споры, влюбляются, страдают. Красоту Мауляны, дочери природы, автор ценит больше, чем внешность столичных чопорных красавиц.

¹²⁹ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. С. 146.

¹³⁰ Даль В. И.: Оренбургский край в художественных произведениях писателя / сост. А. Г. Прокофьева, Г. П. Матвиевская и др. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2001. 416 с. С. 213

¹³¹ Там же. С.232

Мотив убийства Бикея – зависть братьев к более умному, красивому, удачливому брату, любимцу отца – навеивает мысль и о библейских легендах, и о народных сказках. Но в некоторой степени В.И. Даль связывает причину преступления с мусульманским обычаем многоженства: «Многоженство мусульман всегда бывает поводом к раздорам семейным, которые может переносить равнодушно только закостенелая в исламизме душа».¹³² Он пытается учесть все факторы, которые позволили случиться злодеянию: и внешние, связанные со спецификой жизни мусульман-кочевников, и внутренние – отсутствие нравственного стержня в человеке. Его задача – не поэтическое описание жизни «дикарей», не противопоставление цивилизации и природы, а достоверное научное изучение дотоле незнакомой культуры, объединить в себе ученого и писателя, дать правдивый ответ на вопросы, волнующие каждого исследователя инонационального этноса.

Говоря о художественном методе Даля и его влиянии на отдельных писателей, следует иметь в виду конкретные текстуальные связи, манеру письма, художественные приёмы, а также более широкое воздействие основных идейно-художественных принципов. Фокеев А.Л. выделяет общие существенные черты поэтической системы художественных произведений Даля и писателей, идущих следом за ним. К ним относятся: погружение в стихию народной жизни; использование народной, фольклорной фразеологии; введение в литературу жанра сказа; фактографический, документальный характер этнографизма, фольклорно-этнографический колорит, насыщенность этнографическими деталями; преобладание описания над сюжетом, вставные сцены, эпизоды; широкое привлечение разных фольклорных жанров как источников сюжета, метод переработки фольклорного сюжета как материала для характеристики быта и мировоззрения разных социальных групп, как художественного элемента в создании характера героя; роль фольклорно-этнографических элементов в типизации образа и психологической характеристики героя; обращение к

¹³² Там же. С. 226

подлинному фольклору и реалистическое выражение его в конкретно-исторических условиях жизни.¹³³

2.3 «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей»

А.И.Левшина как первое серьезное научно-художественное этнографическое исследование инонационального этноса¹³⁴.

Одним из тех, кто, как и В.И. Даль, обратился к описанию национальных окраин России, был А.И. Левшин. Он также, как и Даль, проходил службу в Оренбургской пограничной канцелярии.

Алексей Ираклиевич Левшин (1798-1879) – видный государственный деятель и ученый первой половины-середины XIX в., один из основателей Русского географического общества, почетный член Российской Академии наук, действительный член 16 научных обществ России и зарубежных стран, в том числе Парижского географического азиатского общества, Королевского датского общества северных антиквариюв и т.д.

В его литературном творчестве удачно соединились талант ученого-исследователя и писателя-беллетриста. Еще в студенческие годы им были опубликованы в Харькове в 1816 году «Письма из Малороссии». Эта книга, по мнению современников, «представляла для своего времени значительный литературный интерес».¹³⁵ В ней проявились большая эрудиция, наблюдательность и способность к дискурсивному мышлению автора. В ней Левшин приводит немало ценных сведений о культуре и быте украинского народа. Продолжатель традиции Н.М. Карамзина, автора «Писем русского путешественника», Левшин использовал широко распространенный в то время эпистолярный жанр.

¹³³Фокеев А.Л. В.И.Даль – родоначальник этнографического направления 2004

¹³⁴ См. об этом: Аристангалиева Н.Б. А.А. Левшин-исследователь национальных окраин России (Монография «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей») // Казанская наука. 2021. №10. С. 11-14.

¹³⁵ Багалеи Д.И., Сумцов Н.Ф., Бузескул В.П. // Краткий очерк истории Харьковского университета. Харьков, 1906. С.94

Повествование в форме путешествий или писем представляло собой разнообразные сведения по географии, истории, этнографии, политике, антропологии. В «Письмах ...» отражены личные впечатления о памятниках Украины, этнографические описания местного населения, историческое прошлое украинского народа. Размышления о человеке, о проявлениях общечеловеческих ценностей в нравах, традициях, праве и искусстве отдельных народов не меньше занимают философский ум писателя. Этот принцип он применит и в «Описании...».

Будущий профессор-славист И.И. Срезневский, высоко оценивая талант писателя и надеясь на помощь в подготовке своего альманаха, писал Левшину: «...как сами Литератор и как покровитель наук и Литературы...».¹³⁶ Сам Левшин, отправляя А.Г. Тройницкому собранные материалы для сборника, посвященного Одессе, писал: «... я смотрю на вас как на литературного собрата, который в должной мере оценит побуждения мои и участием своим может придать цену всей работе».¹³⁷ Все это говорит о том, что в литературных кругах А.И. Левшина ценили прежде всего как литератора.

Главным успехом А.И. Левшина в качестве исследователя инационального этноса можно считать монографию по истории, географии и этнографии казахских степей: «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей». Этот труд принес известность Левшину не только в России, но и за рубежом, и он сразу же оказался в ряду блистательных беллетристов своего времени. Позднее известный казахский ученый и просветитель Ч.Ч. Валиханов высоко оценил вклад А.И. Левшина в изучении истории, культуры и этнографии казахского народа и почтительно назвал его «Геродотом казахского народа».¹³⁸

Современная Левшину критика отмечала большую познавательную ценность книги, новизну самого предмета исследования и литературные достоинства работы. В рецензии одного отечественного издания говорилось, что «мало выходит

¹³⁶ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2649, л. 1 (об.). Письмо И. И. Срезневского к А. И. Левшину. Харьков, 2 сентября 1833г.

¹³⁷ «Русский архив», 1894, I, стр. 584. Письмо А. И. Левшина к А. Г. Тройницкому. Деревня Пятая Гора, 10 октября 1838 г.

¹³⁸ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в 5 т. Т.2. Алма-Ата, 1985.

на русском языке книг, написанных так хорошо, составленных с таким тщанием и обогащенных таким множеством любопытных сближений и замечаний»¹³⁹.

Из современных исследователей работ А.И. Левшина стоит отметить И. Ерофееву. Она пишет: «Имя Алексея Ираклиевича Левшина (1797-1879) – выдающегося деятеля первой половины-середины XIX века по праву занимает одно из видных мест в истории научной и общественной мысли дореволюционной России. Европейски эрудированный писатель и публицист, неутомимый путешественник, большой знаток классической литературы и «изящных искусств», талантливый историк, этнограф, статистик, географ, искусствовед, экономист, редактор и видный организатор науки – А.И. Левшин оставил неизгладимый след своего глубокого и разностороннего интеллекта на многих важных событиях культурной жизни....».¹⁴⁰ Она считает, что в «Описании...» проявились глубокие и разносторонние знания, исследовательский талант и блестящие литературные способности автора.

В 1818 году А.И. Левшин поступил на службу в Коллегию иностранных дел, а затем после её реорганизации работал в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, выполнявшем ответственные поручения по линии среднеазиатской политики правительства. Здесь А.И. Левшин проявляет интерес к архивным документам, содержащим сведения о казахах, что в дальнейшем сформирует круг его интересов и усилит влечение к науке и историческим исследованиям. Непосредственный его начальник и руководитель в Оренбурге – В.Ф. Тимковский, опытный администратор-дипломат немало сделал для установления дружественных отношений России с казахским народом. Под влиянием этого незаурядного человека, выдающегося государственного деятеля, который считал, что «собирать предварительно верные известия о подлинном состоянии сего кочевого народа, вникнуть в его дух и свойства и сходно с ними принимать благоразумные и твердые меры к его устройению, и, так сказать, <...>

¹³⁹ Московский телеграф. 1832. Ч.48. № 24. С.544-545.

¹⁴⁰Ерофеева И.В. А. И. Левшин и его труд «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких, орд и степей» // Левшин А.И. Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких, орд и степей / под общ. ред. М.К. Козыбаева. Алматы, 1996. С. 533.

приготовляя к новому бытию политическому, вести постоянно к высшему образованию»,¹⁴¹ А.И. Левшин намеревался глубоко изучить все доступные материалы о казахах в местных архивах. В результате этой деятельности появилась серия научных статей и фундаментальный трехтомный труд, посвященный казахскому этносу.

Изучая архивные документы и непосредственно общаясь по долгу службы с казахами Младшего жуза, он близко знакомится с жизнью кочевого народа, изучает его быт, образ жизни, историю, культуру. Заинтересованность в изучении истории и культуры казахов в действительности органично вписывалась в систему гуманитарных ценностей и познавательных ориентиров, и соответствовала типу мировоззрения А.И. Левшина.

В октябре 1820 года А.И. Левшин в составе группы из числа сотрудников Оренбургской комиссии посещает ставку хана Младшего жуза, и под впечатлением от этого визита готовит и публикует в журнале «Вестник Европы» свою первую статью по этнографии казахов под названием «Свидание с ханом Меньшой киргизской орды». Статья была написана в жанре путевых записок и содержала подробное описание убранства казахской юрты, предметов домашнего обихода и народных обычаев. Наравне с реалистическими картинами быта казахского этноса в статье присутствует яркое и образное описание в духе романтических традиций: «картина жизни кочевого народа должна быть сходна с картиною времен патриархальных, и взгляд на киргизцев легко напоминает нам современников Авраама, также кочевавших в земле обетованной. Степь киргизская и обитатели оной любопытны не только для ума наблюдателя, но и для воображения стихотворца».¹⁴² Левшин записывает свои наблюдения, сведения, полученные от других лиц, образцы фольклора, делает этнографические зарисовки. Все это он фиксирует в дневниках, которые дополняются выписками из архивных документов и научной литературы. В оренбургском архиве А.И. Левшин обнаружил ценные документы: расспросные речи русских посланников в казахскую степь (М.

¹⁴¹ ЦГИАЛ. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73. Л. 36—36 об.

¹⁴² Вестник Европы. 1820. Ч. 114. С. 136.

Арапова, Я. Гуляева, Д.Гладышева, И. Муравина, И. Уракова и Уразлина), переписку казахских ханов, султанов и родоправителей с местной администрацией, путевые дневники и карты путешествий по казахским землям русских дипломатов, горных инженеров, купцов, статистические ведомости. Все эти полученные сведения он впоследствии будет использовать в своем «Описании...».

В 1823 году А.И. Левшина переводят в Одессу в канцелярию новороссийского генерал-губернаторства. В этот же период он завершает несколько разделов основного своего труда. В 1824 году в «Северном архиве» выходят две статьи: «Известие о древнем татарском городе Сарайчике»¹⁴³, содержащее описание развалин бывшей столицы Ногайского ханства в XIII-XVI вв., и «О просвещении киргиз-кайсаков»¹⁴⁴, где приводятся образцы песен, описываются религиозные обряды, народная медицина. Последняя была переведена на французский язык и напечатана в одном из изданий Парижского азиатского общества.

Надо отметить, что сведения об истории и этнографии казахов в России стали публиковаться еще до появления научного труда Левшина, во второй половине XVIII века. В работах П.И. Рычкова «История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии» (Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. Санкт-Петербург, 1759) и «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии» (СПб.: При Имп. Академии наук, 1762) описаны территории Приуралья, Южного Урала и Казахстана. В этих трудах содержался историко-этнографический материал о народах, населяющих этот регион, где наряду с башкирами, татарами, мещеряками имеются сведения и о казахах. Помимо сочинений П.И. Рычкова, в отчетах участников различных экспедиций и посольств (А.И.Тевкелев, И.К. Кириллов, И.И.Неплюев, Я.П. Гавердовский), направлявшихся в Среднюю Азию в XVIII - начале XIX в., встречаются тоже некоторые сведения о казахах.¹⁴⁵

¹⁴³ Северный архив. 1824. Ч.9. № 4. С.179-190.

¹⁴⁴ Там же. 1825. Ч.18. №24. С.313-332.

¹⁴⁵ Рычков, П. И. Топография Оренбургская, то есть Обстоятельное описание Оренбургской губернии / П. И. Рычков. - Санкт-Петербург: Императ. акад. наук, 1762. - Ч. 1-2.; «История оренбургская», «Сочинения и

Однако наиболее обстоятельно и достоверно, объемно и полноценно сведения о казахах содержатся именно в монографии А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей». Как сам А.И. Левшин отмечал: «я желал сделать сочинение мое, <....> удовлетворительным для людей, ищущих в истории малоизвестного народа предметов для нравственных наблюдений, равно как и для чиновников, кои, подобно мне, по обязанностям службы будут находиться в сношениях с народом киргиз-казачьим».¹⁴⁶ Некоторые материалы из монографии ученого, до выхода ее в свет отдельным изданием, печатались в виде статей в «Московском вестнике». Например, статья «Об имени киргиз-кайсаков и отличии их от подлинных, или диких, киргизов», где он подробно останавливается на этногенезе казахского этноса. Этот журнал издавался историком и литератором М. П. Погодиным. Но задуман он был А.С. Пушкиным и его московскими друзьями как орган «пушкинской литературной группы». Поэт стремился придать «Московскому вестнику» направление, отвечавшее самым насущным задачам общественного и литературного развития. Поэтому он лично очень деятельно заботился о собирании материалов для этого журнала. «Статья Левшина была ученым сочинением совсем иного рода: сугубо конкретным, хорошо написанным (недаром автор был почти профессиональным литератором!) и связанным с предметом, который представлял незаурядный общественный интерес. Привлекала она и своей оригинальностью, своим полемическим, почти сенсационным заголовком. Это была первая в отечественной науке печатная работа, специально посвященная вопросу об отличии киргизов от казахов».¹⁴⁷

Также в 1831 году по инициативе А.С. Пушкина еженедельная «Литературная газета», издаваемая поэтом А.А. Дельвигом, в двух номерах опубликовала «Этнографические известия о киргиз-кайсаках или киргиз-казачьих ордах» А.И. Левшина. В примечаниях к статьям от редакции отмечалось, что это «выписки из большого сочинения» А.И. Левшина, где живо и реалистично

переводы, к пользе и увеселению служащие», СПб 1759.; Доношения И. К. Кирилова из Оренбургской экспедиции. 1734–1735 гг.

¹⁴⁶ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С. 33

¹⁴⁷ Шейман Л.А. Пушкин и киргизы. Фрунзе, 1963. С.28-29.

описывался неведомый суровый кочевой быт, поразительные нравы и обычаи. Редакция дала высокую оценку труду этнографа: «Почтенный автор долго путешествовал по Киргизской степи и собрал все возможные сведения о народе, кочующем по оной <...> и мы смело скажем, что у нас редко появляются книги, столь богатые учеными изысканиями, столь знаменательные по своему предмету и по образу воззрения сочинителя, и притом оживленные столь хорошим увлекающим слогом...».¹⁴⁸

Внимание русской общественности к народам национальных окраин, к объективному рассказу очевидца о жизни и быте инонациональных этносов стало важной чертой времени и культуры. Возможно, это определило успех книги не только в России, но и за рубежом, в странах Европы. Читателя эпохи 20-30-х годов XIX века больше интересовали не романтические рассказы о народах национальных окраин, а достоверные сведения об отдельных регионах, ценилось умение автора отобразить во всей полноте культуру и быт и при этом сохранить эстетическую дистанцию между своим временем и историческим прошлым изучаемого народа, а также его гуманная, человеколюбивая позиция. Все это превосходно реализовал в своем труде А.И. Левшин, обстоятельно внося коррективы в поверхностное изображение кочевников, в излишнюю романтизацию быта казахов.

Монография состоит из трех томов: первый том посвящен описанию общих физико-географических характеристик казахских степей, во втором томе излагается история казахского народа с древнейших времен до начала XIX века, третий том содержит подробнейшее этнографическое описание казахов. Для филологической науки наибольший интерес представляет этнографическое описание инонационального этноса. И здесь стоит сказать об особом таланте писателя-этнографа, бытописателя национальных окраин России, об особой художественной манере А.И. Левшина: перед нами научно-художественное сочинение. Он представляет своеобразную этнографическую и художественную

¹⁴⁸ Литературная газета. 1831г. № 2, 3

программу описания этноса, выделяет те аспекты, которые необходимы при характеристике народа, считая их важными в создании национального «лика». Среди них: численность народа, разделение на жузы, роды и племена, сословия, образ жизни, пища и питье, одежда, вероисповедание, праздники и обряды, нравы, обычаи, поговорки и пословицы, способы врачевания, счисление времени, счет и мера и т.д., что представляет собой всестороннее изображение казахского этноса в реалистических художественных образах.

Позже В.Г. Белинский призовет литераторов в духе принципов «натуральной школы» к «освоению беспредельной и разнообразной России». Критик считает, что «историко-географическое и национально-культурное многообразие российской жизни — необыкновенный материал для художественного изображения, включает в себе «столько народов и племен», различие вер и обрядов, синтез в огромном российском мире «чисто русского элемента» с инонациональным нерусским - «множеством других элементов».¹⁴⁹

Этнографический материал представлен в «Описании...» в яркой художественной форме литературного произведения, с непрямым присутствием авторского мнения, философских размышлений и суждений. Например, рассказывая о кочевом виде хозяйственной деятельности казахов, Левшин подводит к мысли, что перевод казахов на оседлую жизнь и занятие земледелием может неблагоприятно сказаться на благосостоянии народа и ухудшит экономическое положение: «... при настоящем образе жизни в ныне занимаемых ими землях, не могут поселиться <...> чтобы они состояние богатых пастухов не меняли на состояние бедных земледельцев; и что самые степи их как будто нарочно созданы для кочевой жизни»¹⁵⁰, делая заключение при этом, что географическая степная местность способствует занятию именно кочевым скотоводством и, что «они имеют слишком мало мест способных к хлебопашеству...».¹⁵¹ Там же описаны частные случаи из жизни казахского народа, этнограф называет имена

¹⁴⁹Белинский В. Г. Вступление к «Физиологии Петербурга» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 8. М., 1955. С. 377

¹⁵⁰ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы. 1996. С.301

¹⁵¹ Там же С.302

реальных исторических личностей. В повествовании органично соединяется художественное начало с научно-этнографическим элементом исследования: историко-этнографическое описание находит воплощение в поэтической форме изложения.

Описывая казахский этнос, исследователь в определенной последовательности рассматривает жизнь казахов от их административного и политического устройства, до верований, обычаев и культуры. Сама логика расположения материала в работе помогает выявить особенности научного метода писателя-этнографа. Этнографическое описание состоит из семнадцати глав, раскрывающих образ жизни, нравы, обычаи казахов, их духовную и материальную культуру. Так, в главе 4 «Образ жизни», говоря об образе жизни кайсаков, он пишет: «Вид целого народа пастушескующего, <...> живущего исключительно для своих стад <...> простота и близость сего состояния к природе имеют много занимательного и пленительного для глаз романиста и поэта <...> глядя на киргизов, представлять себе беспечных пастухов счастливой Аркадии».¹⁵² Кочевой уклад жизни Левшин считает «живой картиной времен патриархальных»¹⁵³, сходный с образом жизни других кочевых народов, однако у казахского народа он имеет свою специфику и отличия.

Свой исследовательский фокус ученый заостряет на жилище казахов. Это мобильная быстро и легко разбираемая и собираемая конструкция: «снимая и вновь разбирая таковую кибитку в полчаса времени, киргиз перевозит ее летом на верблюде туда, где находит для скота своего достаточный корм и воду»¹⁵⁴ и перекочевка с места на место для казаха не только не утомительна, но они видят «..в оных одно из первых удовольствий, и почитают себя счастливыми, что не привязаны к земле».¹⁵⁵

В главе 6 – «Физические свойства» - ученый подробно описывает внешность казахов: черты лица, форму глаз, цвет волос, рост, телосложение. Помимо внешних

¹⁵²Там же С. 295

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же С.296

¹⁵⁵ Там же.

данных, ученый особо подмечает их выносливость: «Пробыть день без питья и два без пищи совсем не тягостно для здорового киргиза».¹⁵⁶ Все это говорит о казахах, как о физически крепком народе, закаленном суровыми природными условиями. По мнению Левшина, умение держаться в седле, которым владели не только мужчины, но и женщины, достойно восхищения: «искусство ездить верхом, с самого младенчества, приобретаемое киргиз-казаками, составляет первое гимнастическое их достоинство. Они <...> рождаются на лошадях и с самими дикими из оных обращаются необыкновенно смело и ловко».¹⁵⁷

Упоминая о пище в главе 8, этнограф отмечает её простоту и неприхотливость, она состоит исключительно из продуктов скотоводства: мясо – баранье, лошадиное, козлиное, верблюжье. Из кислого молока делают *курт*, продукт, который спасает от голода в долгой дороге. Кумыс, напиток употребляемый казахами, не только утоляет жажду, но и считается лечебным. Пьют, в основном, его летом, он помогает при чахотке. Описывая одежду казахов, этнограф отмечает, что она у мужчин и женщин не имеет особых отличий и состоит из халатов, которые надеваются один на другой и изготавливаются из разных тканей: парча, бархат, тафта, шелк. Головные уборы украшаются выдровым и бобровым мехом, золотыми и серебряными бляхами. «К полному одеянию их принадлежит и конский убор <....> сделанный из серебра и золота, украшенный камнями (бирюзой, сердоликом), и такой же нарядный, как и одежда самого казаха».¹⁵⁸

Говоря о вероисповедании в главе 10 – «Вера и суеверие», писатель утверждает, что трудно считать казахов мусульманами в «чистом виде», что языческие ритуалы тоже присутствуют в жизни. «Все они вообще имеют понятие о высочайшем существе, сотворившим мир, но они поклоняются ему по законам Корана, другие смешивают учение исламизма с остатками древнего идолопоклонства, третьи думают, что кроме божества благого, пекущегося о

¹⁵⁶ Там же С.298

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же. С.310

счастью людей и называемого ими *худай*, есть злой дух, или шайтан, источник зла».¹⁵⁹ Отсюда следует, что казахи – непоследовательные мусульмане, берут из ислама то, что им кажется приемлемым в кочевой жизни. Вместе с тем, Левшин отмечает присутствие в жизни суеверия, на нем же основывается и лечение некоторых болезней, когда применяются шаманские ритуалы для врачевания.

В главе 11 «Нравы» описываются черты характера казахского народа. Писатель говорит, что «они не изнежены, не слабы и не знают не только рабства, но и подданства», угрюмые «и не предаются шумным веселостям», «легкомыслие и доверенность...суть черты, наиболее приближающие их к природе... киргизы доверчивее прочих жителей Азии, потому, что не живут под игом деспотизма».¹⁶⁰ Казахи не избалованы роскошью, все их богатство заключено в табунах и стадах. В доказательство автор приводит слова одного из казахов: «Для чего стану я продавать мое удовольствие? Деньги мне не нужны; я должен запереть в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает – они мои, и всякий говорит, что я богат».¹⁶¹

У казахов трепетное отношение к Отечеству, к Родине при том, что они не привязаны к определенной местности. Это определяется их кочевым образом жизни: месторасположение может меняться от времени года и от пастбищных угодий для скота. Однако родная земля для них священна. А.И. Левшин пишет: «Благоразумнейшие из них очень чувствуют, что безначалие и раздоры долго еще не позволят им наслаждаться благоденствием народным, но все хотят лучше терпеть, нежели оставить те места, на которых родились и выросли, тот образ жизни, к которому привыкли».¹⁶² Привязанность к родным корням, к родной земле, следование традициям и обычаям являются характерными чертами казахского этноса.

В 13 главе монографии А.И. Левшин говорит о просвещении народа, о народной медицине и о музыкальной культуре казахов, приводит примеры

¹⁵⁹ Там же. С.313

¹⁶⁰ Там же С.322

¹⁶¹ Там же С.327

¹⁶² Там же.

лирических песен, обращает внимание на импровизаторское искусство: «это обстоятельство делает их чрезвычайно занимательными и разнообразит увеселения поющих»¹⁶³. Народные певцы «прославляют подвиги своих героев, описывают природу и поют про любовь. Слова сих песен редко выучиваются и никогда почти не переходят в неизменном виде от одного к другому, но всякий сам сочиняет их, всякий киргиз импровизатор и по своему выражает происшествие, мысли и чувства, мешая их с изображениями встречающихся глазам предметов».¹⁶⁴

Следующая важная составляющая в создании национального «лика» казахов – их образование и культура. Левшин отмечает: «Знания по астрологии и метеорологии, знания движения небесных светил помогают им ночью безошибочно найти путь без дорог и тропинок и определить время, «он смотрит на небо, как европеец на карманные часы», «а расстояние меряют временем, зрением и слухом».¹⁶⁵ Писатель убежден, что в этом кочевой народ в силу сложившихся привычек и традиции ничуть не уступает цивилизованным европейцам.

Обычаями и обрядами регламентирована вся жизнь казахов от рождения до смерти. Обратим внимание на важную мысль этнографа, что «обычаи и обряды народа составляют часть нравственности его».¹⁶⁶ Говоря об обычаях казахов, следует сказать, что все важные моменты жизни человека: рождение, выбор имени ребенка, воспитание, свадьба, погребения и поминки - все строго регламентировано традициями. Все обычаи, как правило, сопровождаются празднествами. Во время праздников организуются скачки, стрельба из лука, борьба. Описывая их проведение, этнограф подчеркивает единство самого народа, социальное, возрастное и духовное равенство всех его участников. В работе красочно описаны ритуалы свадебных торжеств и поминок, сватовства, рождения детей, обычаи приема гостей.

Интересно и наблюдение Левшина о фольклоре казахов. Исследователь пишет о сходстве сюжетов казахских сказок с европейскими рыцарскими романами

¹⁶³ Там же.344

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же. С.345

¹⁶⁶ Там же. С.332

ХII–ХIII вв., «исполненные чудес, волшебства и убийств <....> Герои ездят по степям искать приключений, сражаются с колдунами, богатырями».¹⁶⁷

А.И. Левшин, описывая музыку и поэзию казахов, обращает внимание на их импровизаторское искусство: «это обстоятельство делает их чрезвычайно занимательными и разнообразит увеселения поющих».¹⁶⁸ Народные певцы «прославляют подвиги своих героев, описывают природу и поют про любовь. Слова сих песен редко выучиваются и никогда почти не переходят в неизменном виде от одного к другому, но всякий сам сочиняет их, всякий киргиз импровизатор и по своему выражает происшествие, мысли и чувства, мешая их с изображениями встречающихся глазам предметов».¹⁶⁹ А «красноречивые рассказчики умеют украшать повесть уподоблениями и природе подражающими словами: они голосами изображают крики разных животных, дополняют описания телодвижениями».¹⁷⁰ Импровизаторское искусство казахов выражается также в так называемых «песенных дуэлях», где поющие разделяются на две группы (мужчины и женщины) или дуэты. Где «женщины в песнях выражают преимущества своего пола и жалобы на мужчин, мужчины, в свою очередь, оправдываются, выхваляют себя и описывают прелести любви».¹⁷¹

У Левшина свой особый взгляд на казахский этнос и, если говорить словами Ощепкова А.Р., инациональный этнос показан у него «как объект заинтересованного и благожелательного наблюдения и изучения, а в некоторых отношениях и как образец для подражания»¹⁷² В это время в России отношение к кочевникам приобретало окраску попечительской заботы о своих «дикарях» с характерной установкой на их «охранение» и просвещение, она брала на себя роль просвещающего и воспитывающего наставника, направленного на искоренение тех качеств казахов, которые в представлении имперской власти ассоциировались с дикостью как стадией развития общества: «диких нравов» кочевников, их

¹⁶⁷ Там же .С.346

¹⁶⁸ Там же .С.344

¹⁶⁹ Там же С.352

¹⁷⁰ Там же С.353.

¹⁷¹ Там же С.345.

¹⁷² Ощепков А. Р. Образ России во французской литературе XIX в.: дисс. д-ра фил. наук. – М., 2011. 410 с.

своевольного характера, невежества, неэффективной системы управления и общественного устройства, самого кочевого образа жизни. Но Левшин не столь категоричен в отношении казахов-кочевников, считавшихся «диким» народом. Ему удалось в инонациональном образе, в образе «чужого» найти проявления общечеловеческой концепции мироустройства, характеризующейся разнообразием форм человеческого существования.

Подробно рассмотрев третий том работы писателя-этнографа, можно сделать вывод об особенностях подхода ученого к описанию инонационального этноса. Следует признать, что монография А.И. Левшина многогранное и всеобъемлющее исследование по своему содержанию и структуре, по своему подходу в описании этноса, по затрагиваемым вопросам и проблемам. Подход А.И. Левшина в описании казахского этноса сопровождался переоценкой прежнего подхода к народам Азии. Последователь Ж.Ж. Руссо, современник Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина этнограф поднимал в своей монографии важные вопросы. Так, вопрос о соотношении литературы и истории был очень актуальным, поскольку писатель выступал в литературе и как автор беллетристических произведений, и как автор научных исторических трудов. В связи с этим он старался дать всестороннее описание этносу, способное расширить горизонты науки и способствовать осознанию русским обществом реальных проблем социально-экономического и культурного развития национальных окраин.

Древнейшая кочевая культура, патриархально-родовой строй, аскетизм и натуралистичность бытового уклада привлекала многих исследователей. Несмотря на то, что в период написания монографии в мировой и европейской науке существовал стереотип образа кочевников как народа дикого, непросвещенного, А.И. Левшин в своей монографии старался путем подробного описания быта, нравов, обычаев и хозяйственной деятельности казахов понять внутреннее состояние народа, его дух и национальный «лик». Характерной особенностью монографии А.И. Левшина является ее нравоописательная направленность. Она дает представление о национально-культурном своеобразии казахов. Исследователь не просто собрал всеобъемлющие сведения о казахах, но в своей

монографии расположил богатый материал в определенной последовательности, которая помогает раскрыть своеобразие научного метода писателя-этнографа. В бытописании казахского этноса исследователь идет от сведений об административном устройстве казахов к их «физическим свойствам», образу жизни, образованию, культуре, религии, фольклору. Другими словами, от общего к частному.

Таким образом, исследование А.И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей» является ярким, всеобъемлющим художественно-научным трудом, значимость которого трудно переоценить.

2.4 Этнографические повести писателей-романтиков 1830-х годов (А.А. Бестужев-Марлинский, Е.А. Ган, Н.А.Дурова, В.А. Ушаков)

Время возникновения и расцвета романтизма как литературного направления — конец XVIII и первая треть XIX века. Тогда же возник и термин «романтизм». Глубокое толкование романтической поэтики, романтического взгляда на мир, противопоставление действительности и мечты, того, что есть, и того, что возможно, — это самое существенное в романтизме, определяющее его глубинный пафос. Реальной, отвергаемой им действительности романтизм всегда противопоставляет другую, «высшую», поэтическую действительность. Антитеза «мечта — действительность» становится у романтиков конструктивной, она организует художественный мир романтика, становится для него одновременно и важнейшим идеологическим, и важнейшим эстетическим принципом. Отрицание сущего, реально данного — и в мире материальном, и в мире духовном — является социально-мировоззренческой предпосылкой романтизма как особого литературного направления. Романтизм отталкивался от реально данной действительности, отталкивался от многих господствовавших в эпоху Просвещения понятий и идей, отталкивался от господствовавших литературных (классицистических) теорий и традиций.

Отстранение от мира, данного в реальности, порождает в произведениях романтиков качественно нового героя. Это герой, находящийся во враждебных отношениях с окружающим обществом, противопоставленный прозе жизни, «толпе». Это человек внебытовой, необыкновенный, чаще всего одинокий и трагический. Из романтического отрицания «мира сего» вытекает и стремление поэтов-романтиков ко всему необычайному и экзотическому — ко всему тому, что выходит и выводит за пределы отвергаемой каждодневной реальности. Романтиков влечет к себе не близкое, а отдаленное. Все дальнее — во времени и в пространстве — становится для них синонимом поэтического. Все романтики, по словам Г. Пospelова,¹⁷³ «искали свой романтический идеал за пределами окружающей их реальной действительности, все они так или иначе противопоставляли «презираемому здесь» — «неопределенное и таинственное там». Жуковский искал свое «там» в потустороннем мире, Пушкин и Лермонтов — в вольной, воинственной или патриархальной жизни нецивилизованных народов, Рылеев и Кюхельбекер — в героических, тираноборческих подвигах древности».¹⁷⁴ Поэты и писатели тяготели к истории, охотно пользовались в своих произведениях историческим материалом. История была для них «там», а не «здесь». Обращаясь к истории, романтики видели в ней основы национальной культуры, глубинные ее источники. Существенным и подлинным для них был не столько сам исторический факт, сколько поэтическое толкование факта, не историческая действительность, а историческое и поэтическое предание.

В первой трети XIX века романтическая повесть в русской литературе занимает особое положение. Как писал А. Григорьев: «Романтизм, притом наш, русский, в наши самобытные формы выработавшийся и отлившийся, романтизм был не простым литературным, а жизненным явлением, целую эпохой морального развития, эпохой, имевшей свой особенный цвет, проводившей в жизни особое воззрение...».¹⁷⁵ В романтической повести отразилась общественная жизнь на

¹⁷³ Пospelов Г. Может ли быть романтизм без романтики? // Вопросы литературы. 1964. № 9. С. 116.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Григорьев А. Литературная критика. М., 1967. С. 233-234.

самых разных ее уровнях – от светского салона до купеческих палат. Белинский обозначил русскую романтическую повесть формой времени, выразившей идеи времени. Время наивысшего расцвета романтической повести приходится на 30-е годы XIX в.

Повести писателей-романтиков 1830-х гг.: «Мулла-Нур» А.А. Бестужева-Марлинского, «Утбалла» Е.А. Ган, «Серный ключ» Н.А. Дуровой, «Киргиз-кайсак» В.А. Ушакова, написанные в романтическом русле, привлекают внимание воплощением не только романтических коллизий, переживаний, конфликта, но и тем, что главными героями этих повестей выступают представители инонационального этноса. Включение в ткань повествования этнографических элементов, описания образа жизни, быта, традиций, обычаев, фольклора и мифологии представителей различных этносов, населяющих национальные окраины России, позволяют характеризовать эти произведения как этнографические повести.

2.4.1. Южные окраины России в творчестве А.А. Бестужева-Марлинского¹⁷⁶

Одним из крупных писателей-романтиков 1830-х гг. был А.А. Бестужев-Марлинский, в творчестве которого, особенно кавказского периода, отразились тенденции к этнографическому описанию образа жизни, обычаев и традиций инонационального этноса. Александр Александрович Бестужев, взявший себе псевдоним «Марлинский», известен в русской литературе первой половины XIX века как декабрист, поэт, переводчик и критик. Он переводит отрывки из «Мизантропа» Мольера и «Метаморфоз» Овидия. Большую известность приносят критические статьи о переводе П.А. Катениным трагедии Расина «Эсфирь» и о «Липецких водах» Шаховского, помещенные в «Сыне Отечества».¹⁷⁷

¹⁷⁶ См. об этом: Аристангалиева Н.Б. Кавказ в этнографической прозе А.А. Бестужева-Марлинского. //

Междисциплинарные связи при изучении литературы: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 9 / под ред. проф. Т. Д. Беловой, А. Л. Фокеева. Саратов. 2023. С. 3-10.

¹⁷⁷ Бестужев А.А.(Марлинский). Соч. в 2-х т. Т.2. М., 1958. 558 с.

Будучи в составе Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, он знакомится и заводит дружбу с Дельвигом, Баратынским, Рылеевым, Вяземским, переписывается с Пушкиным. В жанре путешествий публикует «Поездку в Ревель», в которой отразились его прибалтийские впечатления. В это же время эстетические вкусы писателя обращаются к романтизму. Бестужев видит в нем тематическое и содержательное раскрепощение литературы от старых образцов. Вместе с Рылеевым он издает альманах «Полярная звезда», который сыграл огромную роль в пропаганде декабристских идей. На страницах альманаха Бестужев ратовал за национальную самобытность литературы, ее прочную связь с политическими идеями современности, за романтизм, означавший для него свободу человеческого духа, полноту и естественность выражения чувств. В историческом прошлом, по мнению Бестужева, заключаются истоки национального характера. Произведения этого времени («Михаил Тверской», «Роман и Ольга», «Изменник», «Ревельский турнир» и др.) написаны в духе романтического историзма и являются примером свободолюбия в эпоху общественного подъема. Бестужев считает, что содержание литературных произведений должны составлять национально-патриотические и гражданские идеи. Эти же идеи 14 декабря 1825 года подвигнут его к агитации Московского полка на Сенатской площади.

Как сама жизнь, так и творчество Бестужева разделится после подавления восстания на два жизненно значимых отрезка: до восстания – жизнь на родине и творчество, отличающееся осуждением деспотизма, свободолюбием и гражданственностью, а после – жизнь в ссылке (сначала в Сибири, а потом на Кавказе). В этот период, характеризующийся философскими размышлениями писателя о человеческом бытии, он создает очерки, письма, рассказы и повести о быте, нравах и обычаях окружающих его инонациональных этносов.

В якутской ссылке Бестужев пишет статью «О романтизме», в которой ставит важнейшие философские вопросы, такие как отношения бытия и мышления, возможности и действительности. Бестужев признает существование объективного, независимого от воли человека мира. Философия искусства, по мнению Бестужева, познание истины двумя средствами, «...первое, весьма

ограниченное, – *опыт*, другое, беспредельное, – воображение». Не умаляя значение опыта, Бестужев выделяет важность воображения в процессе художественного познания мира и человека. Оно обеспечивает наиболее полное постижение истины в ее бесконечности: «Опыт постигает вещи, каковы они суть или каковы быть должны, воображение творит их в себе, каковы они *быть могут*, и потому условия первого – необходимость, границы его – *мир* – но условия второго – *возможность*, и оно беспредельно, как сама вселенная».¹⁷⁸ Проблема идеала, как типичное и родовое свойство романтизма, станет определяющей в творчестве Бестужева. Именно следуя этой эстетике, он воплотит в своих кавказских произведениях художественные образы, основываясь на правдивых, достоверных источниках, на «опытах», а «воображение» поможет ему постигнуть психологию инонационального этноса, увидеть «национальный лик» народов Кавказа.

Годы после 1825 – это время глубоких раздумий, непрестанной работы ума, большого литературного труда, а главное, это годы познания и осмысления действительности, пристального изучения народа и тесного сближения с ним.

Жизнь и творчество А.А. Бестужева-Марлинского стали предметом изучения многих исследователей. Известны монографии Н. Котляровского «А.И. Одоевский и А.А. Бестужев-Марлинский» (1907), М.П. Алексеева «Этюды о Марлинском» (1928), В.Г. Базанова «Очерки декабристкой литературы» (1953), Ф.З. Кануновой «Эстетика русской романтической повести» (1973), «Кавказские повести А.А. Бестужева-Марлинского» (1995). В этих работах исследователями использован обширный биографический и эпистолярный материал, были введены в научный оборот важнейшие документы о Бестужеве, собраны и систематизированы сведения о жизни и творчестве писателя, исследованы исторические, этнографические, фольклорные источники его произведений. Из современных исследователей творчества Бестужева можно отметить Л.А. Нурбагандову, З.И. Гасанову, Л.А. Эмирову. Так, Л.А. Нурбагандова в своей работе изучает кавказскую публицистику и художественные произведения

¹⁷⁸ Бестужев-Марлинский, А.А. О романтизме. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. М., 1981. С. 465 – 470.

Бестужева, отмечает «преобладание реалистического взгляда на Кавказ и его народности».¹⁷⁹ Л.А.Эмирова и З.И. Гасанова в своих исследованиях речь ведут о сущности русского и горского менталитетов в историческом и культурологическом аспектах на примере творчества Бестужева.¹⁸⁰

По ходатайству А.С. Грибоедова Бестужев из сибирской ссылки был переведен в действующую армию на Кавказе. Там он проведет восемь лет, четыре из них в городе на берегу Каспия – Дербенте. Все исследователи подчеркивают, что особое место в творчестве А.А. Бестужева-Марлинского занимает его «кавказский» период, а именно – Дагестан. Из более чем тридцати произведений, написанных писателем после 1825 г., почти половина посвящена Кавказу.

Кавказ поразил Бестужева своей неповторимой природой, грозной и одновременно притягательно-заораживающей. Вот как отзывается Бестужев о ней: «Баловни судьбы, поклонники суеты светской, есть ли в ваших галереях такие картины, в ваших дворцах такие сокровища, в вашем быту такие наслаждения? <...> О, придите, приезжайте сюда, полюбуйтесь на эти горы, упейтесь воздухом этих долин, отведайте хотя бы раз природы»¹⁸¹.

Еще находясь в ссылке в Якутске, он изучал обычаи и языки местных народов, а попав на Кавказ, также увлекается местной этнографией. Бестужев писал: «Мы жалуемся, что у нас нет порядочных сведений о народах Кавказа <....> между тем никакой край мира не может столь нов для философа, для историка, для романтика».¹⁸² Кавказ увлечет писателя не только своей природой, но и самобытностью и неповторимостью нравов, обычаев, традиций. Он начинает изучать язык горцев (азербайджанский), овладеет им настолько хорошо, что сможет тесно общаться с горцами, а знание языка поможет в познании истории, культуры, традиций и обычаев этого народа. Этот период творчества Бестужева

¹⁷⁹Нурбагандова Л.А. Кавказская публицистика А.А.Бестужева-Марлинского: дисс. ... канд. фил. наук. Махачкала. 2008, 146 с.

¹⁸⁰ Эмирова Л.А. Кавказская проза А.А. Бестужева-Марлинского проблемы русского менталитета в евразийском диалоге культур: дисс. канд. фил. н. Махачкала. 2002, 175 с.; Гасанова З.И. Кавказский горский менталитет в изображении русской литературы XIX века: дисс. канд. фил. н. Махачкала. 2009, 177 с.

¹⁸¹ Бестужев-Марлинский А. А. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. М., 1981. С. 221.

¹⁸² Бестужев-Марлинский А.А. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. М., 1958. С. 299

является самым плодотворным периодом. Он создает здесь очерки и повести, в которых представлена реальная действительность Кавказа.

Некоторые исследователи творчества Бестужева относят кавказские повести к ориентальной литературе, или как до недавнего времени говорили – жанру «восточной» повести. «Восточные» повести развивалась во многом благодаря переводу «1001ночи». Восточные мотивы в произведениях русских писателей появились еще в XVIII в. под влиянием западноевропейской переводной литературы, с одной стороны, а с другой – благодаря переводам с языка оригинала на русский язык. С «восточной повестью» связаны имена М. Хераскова («Золотой прут»), И. Крылова («Каиб»), П. Львова, Ф. Глинки и др.

Специфическое географическое положение России – между Западом и Востоком – наложило свой отпечаток на литературное движение эпохи. «Россия, занимающая положение между двумя культурами и органически сплотившая лучшие достижения обеих, была промежуточным звеном, посредником».¹⁸³ В русской концепции Востока прослеживаются две тенденции: западная, заимствованная, и собственная, связанная с национальными обстоятельствами. «В рамках русского ориентального дискурса был актуализирован историософский вопрос о месте России и русской культуры в западно-восточной дихотомии, вследствие чего географическая близость восточных стран (и, что более важно, включенность восточных народов в состав Российской империи) была осмыслена как основательное отличие русского ориентализма от западноевропейского».¹⁸⁴

Первоначальные абстрактно-книжные знания ориентализма А.А. Бестужева-Марлинского сменились познанием реального Востока, изучением восточных (персидского и азербайджанского) языков и литературы. Писатель, как теоретик и критик, изложил роль и значение восточной литературы в истории и развитии европейского и русского романтизма в рецензии на ««Клятву при гробе господнем.

¹⁸³ Рахманов Б.Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века. Душанбе, 2020. С. 18

¹⁸⁴ Алексеев П.В. Русский романтический ориентализм: принципы и проблемы исследования. // Филология и человек. 2013. №4. С. 18-25.

Русскую быль XV века». Сочинения Н. Полевого (1832)».¹⁸⁵ В своих кавказских произведениях Бестужев неоднократно обращается к персидской классике, к персидскому стиху – газелям Хафиза и назиданиям Саади, и в лице поэтов пушкинской эпохи в будущем появится художественный феномен органичного сплава двух разнонациональных поэтических систем, своеобразная «двунациональность самого художественного видения мира», которая будет известна как «западно-восточный литературный синтез».¹⁸⁶ У истоков этого явления стоял А.С. Пушкин. Многие русские писатели начала XIX века внесли свой вклад в синтез двух культур: это и восточные повести О.И. Сенковского, и кавказская романтическая проза, и стихи на восточную тему, и опосредованные переводы из восточного (персидского языка) А.А. Бестужева-Марлинского.

Впечатления от суровых картин природы и первого знакомства с воинственными жителями Кавказа, с жизнью и бытом, традициями и обычаями кавказских народов А.А. Бестужев-Марлинский описал в путевых очерках «Путь до города Кубы» (1836), «Горная дорога из Дагестана в Ширван через Кунакенты» (1834), «Последняя станция к старой Шамахе» (1834), «Переезд от с. Тоги в Куткаши» (1834), «Дорога от станции Алмалы до поста Мугансы» (1835), «Письма из Дагестана» (1832). «Бестужев изучает Кавказ досконально, создает ценную очерковую литературу о нем, изобилующую реальными наблюдениями над бытом и нравами горцев».¹⁸⁷

Трагические и реальные истории из жизни народов Кавказа писатель излагает в кавказских повестях «Аммалат-бек» и «Мулла-Нур». Но наиболее ярко этнографизм проявился в изображении инонационального этноса в повести «Мулла-Нур».

Исследователь В.Г. Базанов относил эти повести к этнографической прозе декабристов, отмечая их обращение к этнографии народов национальных окраин: ведь декабристам приходилось соприкасаться с инонациональным этносом в

¹⁸⁵ Бестужев-Марлинский А. А. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. М., 1981. С. 412-464.

¹⁸⁶ Рахманов Б.Р. Художественное своеобразие «восточной» повести в русской литературе первой трети XIX века (образы, тематика, первоисточники и проблемы перевода). Душанбе, 2016. С.152

¹⁸⁷ Александр Бестужев-Марлинский Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 26.

ссылках (Сибирь, Кавказ). Интерес к инациональным этносам исследователь объясняет самой идеей декабризма: «Бестужев – знаток Кавказа <....> через фольклор, через этнографию он стремился понять истинную физиономию народа, его потребности, его живую историю. Бестужев не просто писатель-этнограф: он писатель с политической программой, практик декабристского народознания, рассматривающий быт и этнографию Кавказа в свете общих идей декабристов».¹⁸⁸ Рассматривая естественного человека глазами европейца «от «Аммалата-бека» к «Мулла-Нуру», он идет по пути формирования диалога между характерами, временами, вероисповеданиями и культурами».¹⁸⁹

Кавказские повести А.А. Бестужева-Марлинского в этом отношении отличаются скрупулезной точностью в описании национальных отличий. По словам В. Гусева, «романтизм <....> психологически нередко есть реализм: Бестужев описывает то, что реально видел и что реально с ним было <...> он, как и следует романтику, глубоко оценил народное, национальное начало в литературе и <...> быстро умел схватить изнутри дух каждой национальности».¹⁹⁰

Кавказское творчество Бестужева – это движение «от вымысла ко все более глубокому проникновению» и изображению реальности, и «психологизм как художественный принцип во многом обязан своим становлением и развитием в русской прозе Бестужеву и, в частности, его циклу кавказских произведений».¹⁹¹

Писатель в произведениях представил реальные исторические события, а основу повестей А.А. Бестужева-Марлинского составляют легенды и были, отображающие реальные события: оборона Дербента во время восстания Казимуллы, исторические лица (генерал Ермолов, Мулла-Нур, Султан-Ахмет-хан). Писатель чаще всего описывает события, свидетелем которых он был сам, и для своего времени он был крупным знатоком истории, этнографии и фольклора

¹⁸⁸Базанов В. Очерки декабристской литературы. М., 1953. С. 453.

¹⁸⁹Реслан.Г. Проблема восточного колорита в прозе А.А. Бестужева-Марлинского: дисс. канд. фил. наук. М., 2000. 129 с.

¹⁹⁰Гусев. В. Судьба А.Бестужева / Память и стиль. Современная советская литература и классическая традиция. М., 1981. С.86-87

¹⁹¹Мустафина Р.М. Русская литература на Кавказскую тему в критике В.Г.Белинского: дис...канд. филол. наук. Баку, 1991. С.18-19.

кавказских народов, он хорошо изучил Кавказ, и в своих произведениях широко использовал фольклорно-этнографические материалы.

Сам писатель отмечает важность знаний о Кавказе в плане изучения нравов: «.... для человека самое нужное, самая поучительная статья есть человек, и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев».¹⁹² Определив этнографию как науку, изучающую народные нравы, обычаи и привычки, Бестужев подчеркивает сложность изучения Кавказа, где каждое племя имеет «отличный язык, особые поверия».¹⁹³

Таким образом, Бестужев один из первых указал на важность языкового материала для этнографических и исторических построений. Он как прогрессивный человек своего времени отчетливо понимал, что включение в культурное, экономическое, политическое пространство России Кавказа невозможно без его детального, точного этнографического изучения и описания.

Повесть «Мулла-Нур» выделяется по насыщенности этнографическими элементами, по обилию описаний быта, традиций, обычаев, внешнего вида жителей Дербента. При этом в ткань произведений они вводятся органично, дополняя образ героя, либо характеризую обстановку, в которой происходит действие.

Остановимся на этнографизме повести «Мулла-Нур». Также, как и повесть «Аммалат-бек», «Мулла-Нур» создана на реально-исторической и фольклорной основе. По дороге на новое место службы – в Ацалцих – писатель слышал рассказы о легендарном разбойнике Мулла-Нуре, действовавшем в районе Тенгирского ущелья. Он собирал деньги и зерно с проезжавших ущельем богачей и раздавал их беднякам. Этот образ был воплощен в повести, получившей название по имени главного героя.

Сам Бестужев в очерке «Путь до города Кубы» писал о том, что ему «прожужжали уши про Мулла-Нура». О разбойнике по имени Мулла-Нур упоминает и В.И. Даль в своем очерке «Рассказ лезгинца Асана о похождениях

¹⁹²Русские писатели о Грузии. Тбилиси, 1948. С.144

¹⁹³Русские повести и рассказы. Полн. собр. соч. В 8 ч. Ч. 8. СПб., 1838. С. 236.

своих». Даль пишет: «В это время в тех местах на большом пространстве славился известный разбойник Мулла-Нур, смелость его и неустрашимость были ведомы всякому, и его боялись».¹⁹⁴ Очерк Даля основан на подлинной исповеди и носит строго фактографический характер.

Перед читателем проходят картины жизни города Дербента: показан дом дербентского жителя, базар в жаркий полдень, лавки купцов, мастерская ювелира-ремесленника, собрание народа в Джума-мечети, народные празднества, мистерия в честь святых Али и Гусейна. Подробно описаны обычаи, домашняя утварь, одежда, предметы быта. В повести появляются представители различных социальных слоев: разорившиеся беки, муллы, старейшины, жители города, окрестные крестьяне, нищие, русские солдаты, разбойники, безымянные торговцы ветошью, купцы, полицмейстер Кала-бек, русский комендант.

Читатель знакомится с историей Дербента, с хозяйственными занятиями жителей, со своеобразным порядком управления под началом русского коменданта, знакомится с народными легендами о возникновении города, узнает о притеснениях феодалов, о протесте народа, о голоде, о недавнем набеге войск Казимагомеда. Перед читателем проходит галерея образов – разбойник Мулла-Нур и его сподвижники, юноша Искандер-бек, шутник Гаджи-Юсуф, святоша Фетхали, мулла Садек, мастер Джафар, юная Кичкине, тетушка Адже-ханум, крестьянин лезгин Аграим, толстяк дербентец Гусейн, сухопарый Ферзали, жена Муллы-Нура – Гюльшади другие персонажи. Картины жизни Дербента, разнообразные люди – все это образует пеструю панораму жизни народа. Вся повесть проникнута поэзией народного быта.

Описывая в повести «Мулла-Нур» быт, нравы и этнографию горцев, Бестужев далек от идеализации кавказских обычаев, нередко он высмеивает местные социальные предрассудки и суеверия.

¹⁹⁴В.И. Даль. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 2. 1897, т.2. С. 169.

Повесть начинается с описания обстановки в городе: в Дербенте засуха, которая грозит голодом и нищетой, и жители города надеются на долгожданный дождь:

«Грустно раздается намаз, будто поминки по ясном дне, отлетевшем в вечность.

– Жарко, душно в Дербенте! Взойди-ка на кровлю, Касим; посмотри, как падает за горы солнышко: не краснеет ли запад, не собираются ли тучи на небе?

– Нет, ами (дядя)! Запад голубее глаз моей сестрицы. Солнце упало ярко, словно "золотой цвет" на ее груди. Ни один взор его не гаснет в тумане.

Ночь распахнула звездистый веер свой. Темно.

– Взойди-ка на кровлю, Касим; присмотрись, не канет ли капель росы с молодого рога май-месяца, не прячется ли он в ночную радугу, как жемчужина в перламутровую раковину.

– Нет, ами! В чистой синеве плывет месяц; не слезы, а стрелы сыплет он на море! Кровли сухи, как степь Мугана; по ним весело бегают скорпионы: вещуют зной и на завтра!

– Беда без дождя! -- говорит старик дядя, засыпая; а город уже спит».

А утром снова:

– Взбеги на кровлю, Касим; погляди, не катится ли туман с гор Лезгистана. Не чернеет ли море, не скачет ли белогривый прибой через камни?

– Нет, ами! Горы облиты божьей позолотой; море сверкает будто зеркало. Флаг на крепости Нарын-Кале обнял древко, как обнимает чадра стан красавицы. Ни одна волна не рассыплется жемчугом на берег; ни малейший ветерок не завьет в кудри пыли по дороге. Смирно все на море, тихо все на земле, ясно на небе!». ¹⁹⁵

Троекратное повтор вопроса-ответа настраивает на восточный лирический тон, и с первых строк повести читатель окунается в атмосферу быта инонационального этноса – горцев. Прежде, чем перейти к главной теме, к

¹⁹⁵Бестужев-Марлинский А.А. Мулла-Нур / Кавказские повести. СПб., 1995. С.185-186

* Бестужев замечает, что не может объяснить, каким образом это произошло: «Предоставляю судить господам философам и естествознателям, явилась ли в этом призванном дожде счастливая игра случая, или колдовство. Я просто рассказываю дело, которому был очевидцем».

изображению Мулла-Нура, Бестужев дает подробнейшее поэтичное описание религиозного обряда во время засухи: в мечети, где мусульмане слушают речь имама, выбирают самого чистого душою юношу – Искандер-бека – и посылают его со своей молитвою на вершину горы Шах-даг, чтобы набрать священного снега и принести его в Дербент для умиротворения моря. И как по мановению волшебной палочки на город обрушивается долгожданный дождь, принесший благодатную влагу на поля: «И, говорят, прыснуло море о камни, когда благословенная вода пролилась в его лоно. Прыснуло и зашумело глухо. И черные тучи покатались с гор Табасаранских, как будто в раздумье налегли на край Дербентского угория <....> Грянул далекий гром, горное эхо проснулось из мертвого сна, окрестность загудела под вихрем <....> и дождь проливной зашумел, напоая обильными струями исчахнувшую землю, освежая раскаленный зноем воздух. <....> Восклицаниям и молитвам не было конца! Все обнимали, все поздравляли друг друга». ^{196*}

В повести две сюжетные линии: одна основная, связанная с любовью Искандер-бека, благородного, мужественного юноши к прекрасной «с черными, как смоль косами» Кичкене. Но на пути у возлюбленных множество препятствий в виде сословных и религиозных предрассудков. В решительный момент борьбы за личное счастье Искандер-беку помогает знаменитый разбойник Мулла-Нур. Обязанный Искандер-беку жизнью, Мулла-Нур выручает его из беды и ускоряет счастливую развязку повести. Вторая сюжетная линия связана как раз с Мулла-Нуром, она носит незавершенный характер и повествует о судьбе благородного разбойника, о его жизненной философии.

Помимо основной сюжетной линии в повести множество этнографических зарисовок, иногда носящих форму справочного материала, и объясняющих обычаи и порядки горцев. Так, например, обряду вызывания дождя (выливание священной снежной воды с вершины Шах-дага в море) предшествуют не только религиозные,

¹⁹⁶ Бестужев-Марлинский А.А. Мулла-Нур / Кавказские повести. СПб., 1995. С. 248

*Бестужев замечает, что не может объяснить, каким образом это произошло: «Предоставляю судить господам философам и естествознателям, явилась ли в этом призванном дожде счастливая игра случая, или колдовство. Я просто рассказываю дело, которому был очевидцем».

но и языческие ритуалы: «Принялись за языческие поверья. Мальчики расстилали платки на перекрестках и собирали с проходящих деньги на воск, да розовую воду; и потом, обвязав ветвями хорошенького, как ангел, мальчика, обвесив, разукрасив этот пук цветами и лентами, пробегали по улицам, напевая в лад песни в честь Гюдуля, вероятно бога рос и дождей»¹⁹⁷. И тут же приводит текст песни:

«Гюдуль, Гюдуль, добро пожаловать!

Вослед тебя дождик идет!

Встань, красавица, на ноги,

Поди пополнить свой ковш».¹⁹⁸

Народ, замечает писатель, привлекает во всех празднествах и религиозных действиях больше всего его обрядовая сторона.

Об обряде сватовства и женитьбы Бестужев говорит, что утверждение, будто мусульмане женятся, не зная друг друга, справедливо только в отношении к имущим классам, где брак является политической и экономической сделкой: «Не верьте, пожалуйста, господам; путешественникам по Востоку, будто все женитьбы мусульман совершаются так, что будущие супруги не видят и не знают друг друга. Это справедливо только в отношении к ханам, богатым купцам, людям власти или роскоши, которые, на слух сватают или покупают себе жен».¹⁹⁹ Неверно и представление о распространенности многоженства. «Многоженство, впрочем, кроме самых богачей, редко до невероятности!»²⁰⁰ Далее, следует описание обряда сватания и свадьбы: «Начинается дело расчетов. Тесть просит много каbinу (калым – Н.А.) за честь <...> Зять сбавляет, думая про себя о красоте. Наконец торг кончился: бьют по рукам. Часть каbinу по условию отдают вперед, и на эти деньги снаряжают приданое; остается сводить невесту с торжеством в баню, и на другой день к вечеру, когда все пожитки ее перенесены с музыкою в дом жениха, ее сажают на осла (пророческая выдумка) и под пологом везут в новое жилище, с кликами, с бубнами, с пальбою из ружей. На завтра она уже супруга. Нет ни

¹⁹⁷ Бестужев-Марлинский А.А. Мулла-Нур / Кавказские повести. СПб., 1995. С.190

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же. С.210

²⁰⁰ Там же. С.211

обручання, ни венчання. Мулла прочел молитву над условием брака: остальное в воле аллаха и мужа».²⁰¹

Бестужев видел в народной поэзии средство для раскрытия психологии и нравов народа. Он воспроизводит легенду о возникновении города Дербента, передающую и шутливо-ироническое отношение к родному городу ее жителей: «Бог построил горы, человек — города. Дербентцы судят свой город с гораздо большею справедливостью: они говорят, что их город построен чертом. Геркулес Персидского баснословия, Рустем, так отзубрил однажды бока своему завистнику, шайтану, что тот запросил: «Аман, аман!». К Рустему за час перед этим поступило прошение от поселян несчастной деревнишки, где сидит теперь Дербент, защитить их от горных набегов. «Кстати,— сказал Рустем черту,—ведь мне на тебе не ездить; смотри ж, собачий сын, чтобы к утру ты мне выстроил тут город со стенами и с башнями. Да станет Дербент!» И стал Дербент. Черт строил в потемках и торопливо; месил в своих лапах камни, дробил их, плевал на них, бросал дома один на другой, отбивал улицу по хвосту; к рассвету Дербент поднялся на ноги, но заря ахнула от изумления, взглянувши на него впервые: это был поток камней и грязи с трещинами вместо улиц, которых сам почтенный строитель не распутал бы среди белого дня. Все дома родились слепыми, все их черепы были расплюснуты адскою пятою, все они пищали от тесноты, ущемленные между двух высоких, длинных-предлинных стен. Все вместе походило, одним словом, на огромного удава, который под чешуею домов растянулся с горы на солнышке и поднял свою зубчатую голову крепостью Нарын, а хвостом играет в Каспийском море».²⁰²

Однако сам Бестужев описывает город не без восхищения, не жалея эпитетов и сравнений: «Вид был прелестный: слева крепость Нарын-Кале ярко отделялась своими белыми зданиями и красноватыми башнями на зелени предгорий, а яркая зелень обнимала холмы, как фата грудь красавицы <....> справа играло море, как

²⁰¹ Бестужев-Марлинский А.А. Мулла-Нур / Кавказские повести. СПб., 1995. С.211

²⁰² Там же. С. 206

оживленное серебро <.....> жемчужная бахрома прибоя то обнажала, то покрывала опять взморье; два брига, как спящие киты, тихо зыбились на влажном поле».²⁰³

Описание путешествия на вершину Шах-Дага сопровождается живописными пейзажами окрестных гор: «Скалы, обросшие многовечными деревьями < > Огромные дубы, вырванные бурей из расщелин, лежали, истлевая у подножия. Великанские орешники, склонившись над ними, одевали их ночью тенью, а широкие перевязи плюща, то перекидываясь по локтистым сучьям, то падая на землю, оплетали живыми кружевами подол этого плаща, будто сброшенного с плеч утеса. <.....> Вода, сверкая по каменной чешуе, заставляла волноваться растения, подернувшие дно ее: казалось, катится каскадом зелени, а там вверху, где высокий уступ задвинул ущелье, через него низвергался луч потока, разлетающийся в глубине в дым и в пену, будто газовый шарф, затканый в узор битью и шелками по кайме своей. Дивная игра природы дала все цвета призмы порослям, детям влаги, оживляющим скалу, так, что ручей, играя светом солнца, переливался как прозрачная радуга накрест другой окаменелой радуги. Вверху его струйки, прядая через порог, белелись и веялись, будто страусовое перо, и, распыскиваясь о камни, играли снопами павлинских перьев».²⁰⁴

Также подробно писатель описывает кавказские деревни и их жителей: «дагестанские поселяне живут очень опрятно; дома всегда в два яруса; построены где из нежженого кирпича, где из плетеной мазанки, но выбелены и снаружи и внутри. У одной стены – камин, выходящий углом; кругом комнаты в рост человека – лепной карниз, уставленный посудой; на полу если не паласы, то очень чистые циновки, гасиль. Окон почти никогда нет, потому что все работы и беседы происходят на открытом воздухе, даже зимой».²⁰⁵

Рассказывая о Дербенте, Бестужев упоминает о фонтанах, расположенных на дорогах, дарящих прохладу и утоляющих жажду: «Никогда я не минуя придорожного фонтана в мусульманских краях без умиления и благодарности. Они

²⁰³ Бестужев-Марлинский А.А. Мулла-Нур / Кавказские повести. СПб., 1995. С.218

²⁰⁴ Там же. С.229

²⁰⁵ Там же. С.227

выстроены с большими издержками, с немалыми трудами, в безлюдных степях и на безводных распустьях для утоления и омовения прохожих, и выстроены не казною, не обществом частных людей, но всегда кем-нибудь одним для общей пользы – «на помин души», или «по обету», как видно из надписей, врезанных на мраморной доске над бронзовыми трубами».²⁰⁶

Описывая восточные базары, писатель отмечает, что «по восточному обычаю, каждая лавка – вместе и рукодельня, где поет тетива шерстобоя, визжит пила ружейника, играет шило чеботаря и рядом с ткацким станком бречит молоточек кубичинца, насекающего дивные арабески на кинжалах».²⁰⁷

Повесть «Мулла-Нур» характеризуется изобилием тропов в восточном стиле, особым поэтическим синтаксисом, яркой афористичностью. «Только бездна глухо рычала, точно тигр, когда пожрал свою жертву, щелкает языком, зарясь на новую, и лижет еще окровавленную морду».²⁰⁸ «Одна за другой облетели с неба звездочки, как поблеклые блески с бледногубой чадры ночи»²⁰⁹, «Просветлело небо, как взор девственницы, и вот закипел восточный край моря, подобно заздравному кубку; солнце брызнуло лучами на горы...»²¹⁰.

Этнографический окрас повести придают бытовые, иногда комические сравнения. «Клялся, как ведьма на экзамене у сатаны».²¹¹ «Подул ветер, жаркий, словно лисья шуба, и смахнул долой прелестное облачко»²¹². «Яркая зелень обнимала холмы, как фата грудь красавицы».²¹³

В тексте повести присутствует множество тюркизмов, которые естественно вписываются в речь героев. Объясняет значение слов Бестужев либо сразу же в тексте повести, либо в примечаниях. К каждой главе повести Бестужев подбирает эпиграф – это либо отрывки из стихов восточных поэтов, либо отрывки из Корана. Повесть изобилует афоризмами, которые вложены в уста Муллы-Нура: «Кто так

²⁰⁶ Бестужев-Марлинский А.А. Мулла-Нур / Кавказские повести. СПб., 1995. С. 204

²⁰⁷ Там же. С.207

²⁰⁸ Там же. С.237

²⁰⁹ Там же.С.241

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же. С.233

²¹² Там же. С.218

²¹³ Там же.

сильно боится смерти, тот не достоин жизни»²¹⁴, «Трус умирает сто раз, храбрый однажды»²¹⁵, «Верь немногим, а берегись всех».²¹⁶

Инонациональные образы героев – Искендер-бека, Мулла-Нура – представленные в романтическом духе, обладают всеми признаками исключительного, идеального героя – смелостью, храбростью, честностью, сочетают в себе как общечеловеческие, так и национальные черты характера. Неразрывная связь героев с народом подчеркивается Бестужевым описанием обычаев и традиций, которых они придерживаются. Мулла-Нура, хоть и изображен разбойником, но отличается от классического образа разбойника: на Кавказе он разбойник «по убеждению»: «Разбойник – самое интересное лицо азиатских сказок и поэм, неизбежное лицо напутных анекдотов, и вообще весь быт его так плотно вкраплен в характер народа, его слава так заманчива, а неприступность гор и покровительство жителей, даже ханов, дает столько способов удачно и безнаказанно быть им <....> Непокорные горцы хищничают, вкрадываясь под личиною мирных; мирные делают то же под именем непокорных».²¹⁷ На самом деле, разбойник в южном Дагестане был бунтарем, защитником бедняка-крестьянина, грозой купцов, беков и ханов. Народ поэтизировал таких разбойников, он слагал песни и легенды об их смелости и благородстве, связывая с ними свою мечту о социальной справедливости и мести угнетателям. В народном сознании разбойник становился защитником интересов и свободы народа. Балагур Гаджи-Юсуфа говорит о нем: «Мулла-Нур большой шутник; если заметит у кого душа вынимается, вместе с червонцами, оберет до нитки; с иного, напротив, если ему взгляд по душе придет, не возьмет и рубля. У того потребует золота весом на две, на три пули: у другого серебряных монет сколько уложится на кинжал».²¹⁸

Бестужев изображает Мулла-Нура в традициях народных легенд о благородных разбойниках. Такова сцена встречи Муллы-Нура с Искендер-беком.

²¹⁴ Бестужев-Марлинский А.А. Мулла-Нур / Кавказские повести. СПб., 1995. С. 235

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Там же. С.283

²¹⁷ Там же . С.239

²¹⁸ Там же. С.220

От народной сказки взят мотив победы молодого и прекрасного юноши над знаменитым разбойником, мотив их братания. Сначала идет своего рода испытание на выдержку и благородство. Оно выражается в традиционных формулах: «Пускай же судьба решит, кому проехать этою дорогою, – возразил Мулла-Нур, – Стреляй!» «Стреляй ты – сказал Искендер – Я не прячусь за коня».²¹⁹

Искендер-бек – отважный горец, решившийся побороться с природной стихией, покорив труднодоступную вершину Шах-даг, где не ступала нога человека. Сами жители Дербента о нем отзываются как о «розе среди цветов», «соколе между птиц».²²⁰ Бестужев так описывает Искендер-бека во время сражения за Дербент: «догнать его было можно, обогнать никогда. Он, как серна, прыгал <...> метко метал смерть из своей винтовки и потом с диким воплем кидался на врагов, махая кинжалом», «мой Искендер-бек в одном архалуке, с засученными рукавами, опершись, на винтовку; он был живописен, он был гневно-прекрасен ...».²²¹ Получив отказ опекуна Кичкене на предложение руки и сердца, он беснуется, не сдерживая гнева и обиды: «какое бешенство обуяло Искендер-бека, когда ему слово в слово был передан насмешливый отказ. Наконец пена ярости скипела, и он затаил глубоко в сердце обманутую страсть свою и голодную ненависть. Он был татарин»,²²² «Искендер-бек неистовствовал: разбил вдребезги хрустальный кальян свой, выбросил за окно зеркало <...> Но потом азиатская природа передвоила все бурные чувства в тихий, медленный яд желания и мести. Он перебирал и отвергал все средства отмстить вероломному Фетхали».²²³

Оба героя выражают в себе как положительные, так и отрицательные черты горцев: благородство, храбрость, смелость, безудержность, мстительность, необузданность.

Эта повесть – синтез художественного и публицистического стилей, что нисколько не умаляет ее литературных достоинств. В ней просматривается

²¹⁹ Бестужев-Марлинский А.А. Мулла-Нур / Кавказские повести. СПб., 1995. С. 197

²²⁰ Там же. С. 201

²²¹ Там же. С.202

²²² Там же. С.213

²²³ Там же .С.254

традиционное клише русских романтиков: описать присоединение Россией Кавказа как важную часть борьбы европейской цивилизации против отсталого Востока. В этом отношении названное произведение занимает ключевое место в поддержании литературой мифологии Кавказа в позднем романтизме. Глубинные смыслы романтического конфликта и типология характеров названного произведения довольно прозрачно открываются именно под таким углом зрения: каковы пути и результаты европейской духовной экспансии на Кавказе. Бестужев одним из первых пришел к выводу, что европейские понятия о гуманности и справедливости и привычные европейцам нормы поведения абсолютно неприменимы в замкнутом мире Кавказа, местным народам они непонятны.

Рассматривая повесть в имагологическом ракурсе, можно сказать, что у Бестужева изображение «Чужого» и «чужой» жизни отличается от общепринятых на тот период представлений о народах Кавказа, это дает право говорить, что категория «Чужой» переходит в категорию «Иной», и где-то даже становится «Своим» (Аммалат-Бек, Мулла-Нур). Пограничное – между Востоком и Западом – географическое положение России обусловило одну из важнейших особенностей русской литературы – ее «протеизм» (Белинский), ее «всемирную отзывчивость» (Достоевский). Расширение географических границ Российской империи за счет присоединения к ней «восточных» земель и связанные с этим процессом войны; философские споры о роли России в истории человечества и ее национальном самоопределении «между» Востоком и Западом, – все это способствовало особому восприятию русской литературой южных окраин как геополитическому, философскому и эстетическому понятию, и, следовательно, к человеку Востока, несущему в своем характере многомерное сочетание привлекательного, интересного, близкого – и непонятного, порой чуждого – национально-специфического. Доброжелательное стремление познать иной мир, иную культуру, найти точки соприкосновения и, приобщившись к глубине и сложности инонационального взгляда на мир, расширить границы собственного мировидения – таким виделось Бестужеву понятие инонационального, которое было одним из проявлений народности, а проблема инонационального придавала романтической,

а затем и реалистической теории народности особое, эстетически и философски перспективное направление. Бестужев шел по пути поэтического «освоения» живого Востока с его конкретными реалиями и самобытными характерами. И здесь во главе угла оказывался вопрос о постижении и художественном воплощении именно национальной специфики восточного мира и характера человека Востока, его образа мыслей, взглядов, восприятия окружающей действительности, которая определяет то вечное и непреходящее, что отличает один национальный мир от другого. Образ «чужого» у Бестужева соотносится с окружающей человека природной средой, с «климатом» и «местностью». Это подтверждается словами Г. Гачева: «Главное, что постоянно питает и расширенно воспроизводит национальную целостность, – это природа», что «национальный образ мира (у каждого народа. – Н.Б.) мыслится как диктат местной природы».²²⁴ По отношению к национальному характеру горца такой подход был особенно уместен, так как его поддерживала сама восточная философия природы, национальная специфика которой заключалась в том, что человек воспринимает и ощущает себя как равную, неотъемлемую, органичную частицу природы и всего необъятного «божественного» мира. Этот единый, неделимый, созданный и «опекаемый» Аллахом мир Вселенной включает в себя природу Земли и как бы растворенного в ней человека. Таким образом, природа не как фон для изображения, а как способ постижения сути инонационального характера, как одна из основ его концепции – таков один из тех художественных путей в глубины восточного мира, который многим русским писателям казался кратчайшим и наиболее верным. В произведениях многих авторов эта идея единства «восточного» человека и природы воплощается непосредственно в системе художественных образов, в специфике их структуры, в логике их сложных ассоциативных сцеплений. Горец у Бестужева почти как «Свой», в подтверждение этому – встреча автора с Мулла-Нуром, описанная в заключение. На протяжении всей повести образ разбойника Мулла-Нура – это образ благородного разбойника, выступившего против

²²⁴ Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988. С.433.

общества, пусть и в пределах своего города (Дербент), ставший по своей воле изгоем и преступником. Образ романтизирован Бестужевым, но реальные черты характера горца можно заметить. «Дикость», «необузданность», «мстительность» совмещаются в Мулле-Нуре с готовностью прийти на помощь (Искандер-Бек), и даже с сентиментальностью, когда Мулла-Нур рассказывает свою историю. Автор в некотором смысле становится «Своим» у горцев, соблюдая традиции, он дарит свое оружие: «Не надобно долго жить с азиатцем, чтобы понять этот намек. Я отстегнул с пояса ножны и, приложив правую руку к сердцу, поднес левою кинжал Мулла-Нуру»²²⁵.

Общественная, социально-политическая действительность Дагестана 30-х годов XIX века повлияла на Бестужева, она привела его к определенным эстетическим открытиям, заставила критически взглянуть на прежние убеждения и многое пересмотреть. Таким образом, в широком плане речь идет об изучении закономерностей эстетического воздействия жизни народов национальных окраин России на художественно-эстетическое мировоззрение русских писателей, обратившихся к описанию этой жизни. Возможность правдиво изобразить характер горца открывалась по мере преодоления просветительского взгляда на индивидуум и понимания реальной зависимости между человеком и средой. Повести Бестужева о Дагестане — это мир, полный героических образов, поэзии. Он трезво оценивает достоинства и недостатки характера горца, отвергая теорию о его хищной природе. Нужна была большая смелость художника, чтобы в то время, когда литература изображала главным образом дикость и необузданность горца, правдиво показать его противоречивый характер.

На основании вышеизложенного, повесть «Мулла-Нур» можно отнести к этнографической прозе. Описание обычаев, традиций, нравов и быта, а также инонациональные образы южных окраин Российской империи, в частности Кавказа, позволяет говорить об особом романтическом этнографизме Бестужева, ведь в основу положены реальные жизненные впечатления и непосредственные

²²⁵ Бестужев-Марлинский А.А. Мулла-Нур / Кавказские повести. СПб., 1995. С. 285

наблюдения самого автора над инонациональным этносом. В некотором смысле можно говорить об особой «отзывчивости» Бестужева на «чужие, в том числе порожденные иной культурой, идеи и мысли <....> служила вдохновляющим примером для всех, кто стремился в своем восприятии истории и культуры выйти за узкие рамки европоцентризма»²²⁶. Новые литературные формы, способные совместить научную точность с занимательностью изложения, были необходимы для научного и творческого осмысления и изложения событий, происходящих на Кавказе. И с полной уверенностью можно утверждать, что Бестужеву удалось создать художественные произведения по всем канонам инонационального этнографического направления, совместить в своем произведении точные, документальные сведения о быте и нравах народов Кавказа с эстетикой романтизма.

2.4.2. *Мир калмыцкого этноса в творчестве Е.А. Ган*²²⁷

Творчество Е.А. Ган приходится на 30-е годы XIX века, и в своих произведениях она обращается к репрезентации инонационального образа, а именно, образа калмыцкого этноса.

Елена Андреевна Ган, урожденная Фадеева, вошедшая в русскую литературу под псевдонимом Зенеида Р-ва, также, как и другая ее современница Н.А. Дурова, одна из представительниц романтических традиций в русской литературе. Детство и юность она провела на юге России, в Екатеринославле, где отец ее, Андрей Михайлович Фадеев, состоял на государственной службе, в конторе, заведовавшей поселенцами. Мать писательницы, Елена Павловна (урожденная княжна Долгорукова), была образованной женщиной, говорила на пяти языках, оказала большое влияние на формирование литературных и интеллектуальных

²²⁶ Корневский Андрей Витальевич, Сень Дмитрий Владимирович Запад и Восток: власть (не)знания и право "говорить за чужого" // НП/НР. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapad-i-vostok-vlast-ne-znaniya-i-pravo-govorit-za-chuzhogo> (дата обращения: 23.04.2022).

²²⁷ См. об этом: Фокеев А.Л., Аристангалиева Н.Б. Образ калмыцкого этноса в повести Е.А. Ган «Утбалла» // Научный аспект. 2022. №4. Т1. С. 36-42.; Аристангалиева Н.Б. «Этнографический романтизм» в повестях Н.А. Дуровой и Е.И. Ган «Утбалла» // Russian Linguistic Bulletin. 2022. №5. DOI:10.18454/RULB.2022.33.13

способностей Е.А. Ган. Также, как и мать, она владела несколькими иностранными языками: французским, итальянским, немецким, английским. Встреча с издателем журнала «Библиотека для чтения» О.И. Сенковским в 1836 году в Петербурге станет судьбоносной – в 1837 году в журнале будет напечатана первая повесть писательницы «Идеал». В повести найдут отражение две темы - тема женской судьбы и конфликт личности и общества.

Среди исследователей творчества Е.А. Ган следует отметить М.А. Сизову и Элизабет Шорэ. Сизова в своем исследовании²²⁸, рассматривая жанровое своеобразие повестей Е.А. Ган, отмечает влияние французской писательницы Жорж Санд и А.А. Бестужева-Марлинского на творчество Ган и определяет жанр ее повестей как «светские». Элизабет Шорэ рассматривает творчество писательницы в свете актуального в современном обществе гендерного подхода.²²⁹

В 1838 году в журнале «Библиотека для чтения» Е.А. Ган опубликовала повесть «Утбалла», названную так по имени главой героини – калмычки. Материалом для повести послужили впечатления от поездки на юг, к родителям, в Астрахань, где служил отец писательницы. Проезжая через калмыцкие степи, останавливаясь на ночлег в селениях калмыков, Ган старалась запомнить в мельчайших подробностях картины быта и нравов калмыков. Эти описания войдут в повесть, придавая ей реалистический характер. Сюжетом «Утбаллы» станет романтическая история любви калмычки и русского офицера – Бориса Снежина.

Стремясь передать поэзию калмыцкой жизни, писательница включает в текст повести два предания. Первое «Предание степей» – о цветке, раскрывающемся ночью под лучами звезды, – имеет сюжетообразующую и характерологическую функции (соотнесено с биографическим, культурным и духовным опытом героини) и призвано создать иномациональный колорит повести, считает Е.А. Вяткина.²³⁰

²²⁸ Сизова М.А. Жанр «светской повести» в русской литературе 1830-х годов: творчество Е.А.Ган: дисс. канд. фил. наук. М.2007., 217 с.

²²⁹ Elisabeth Cheaure: Elena Can — die russische George Sand? In: Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. Hrsg. von Ingeborg Ohnheiser. Innsbruck 1996, S. 307-318; Шорэ.Э. Чужой мужчина: дискурс об идентичности и альтеричности (Надежда Дурова и Елена Ган) // Пол.Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. М., 2000. С. 498-521.

²³⁰ Вяткина, Е. А. Калмыцкое предание о любви в повести Елены Ган «Утбалла» // Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию Д. Н. Кугультинова. Элиста, 2012. С. 87 – 89.

Второе предание – о калмыцкой княгине, полюбившей своего подданного, молодого зайсанга, и уговорившей его убить своего мужа, – предание фольклорного характера. Этот вставной рассказ, соотнесенный с сюжетом повести (героиня предания противопоставлена героине повести), предваряет трагический финал произведения.

Само имя героини – Утбалла, производное от «удвал цэцэг» – по-монгольски означает хризантема, и в повести не раз Утбаллу будут называть «*степным цветком*».²³¹ Повесть делится на две части, события происходят в двух разных жизненных обстоятельствах и разной природной среде: жизнь Утбаллы в светском обществе и жизнь в родном улусе среди калмыков. Утбалла - дочь русского и калмычки, в детстве и юности она находится на попечении отца, где живет в довольстве и достатке, получает европейское образование и воспитание. В это же время она влюбляется в брата своей наперсницы Софьи, в доме которой ее любили и заботились о ней. Когда семья Софьи переезжает в Петербург, Утбалла остается с отцом. Она не надеется на воссоединение с возлюбленным, поскольку понимает, что им не быть вместе, но она готова жить одной мыслью о «милом друге», жить воспоминаниями о счастливо проведенных днях, когда «огонь любви пылал в сердцах обоих возлюбленных».²³²

Несмотря на расставание, Утбалла уверяет Бориса, что они обязательно свидятся. После смерти отца, родственники отправляют ее к матери, в калмыцкий улус, в степь на юге России. Связь с Борисом, поддерживаемая письмами, прерывается, в калмыцком улусе она находится под присмотром зайсанга, которому было поручено строго следить за девушкой. Не имея возможности вернуться к прежней жизни, Утбалла решает на самоубийство, но остается жива. Дальнейшая жизнь среди калмыков для нее не имеет смысла, и она свыкается со своим положением. Позднее ее выдают замуж за престарелого князя, и «с той поры положение Утбаллы во многих отношениях улучшилось: добрый старик нежил ее,

²³¹Ханинова, Р. М. Что значит «Утбалла»? О символике цветов в повести Елены Ган // Изв. Калмыкии. 2011. 20 авг. С.3.

²³²Сочинения Зенеиды Р-вой. Собр. соч. В 3. Т. 1. 1843. С.152.

окружал роскошью по своим понятиям и, в угодность ей, перенял еще более европейских обычаев».²³³ Борис, не имея вестей от Утбаллы, свыкается с мыслью, что больше не увидит свою возлюбленную.

Однажды после ранения в военном походе по пути на Кавказ Борис вместе со своим родственником, статским советником Зерковым, которому по долгу службы надо было исследовать калмыцкие поселения, заезжают в Астраханскую губернию. Здесь он встречает Утбаллу, и забытые чувства вспыхивают с новой силой. Утбалла и Борис вновь переживают любовные чувства, проводят вместе несколько дней. Скрыть это от соплеменников Утбалле не удастся, и девушка понимает, какое наказание ждет ее за неверность. Ценой своей жизни Утбалла спасает от возмездия Бориса.

Повесть, как и все произведения Е.А. Ган, посвящена теме судьбы женщины. Писательница показывает конфликт личности и общества, что характерно для романтической традиции, но в повести «Утбалла» конфликт усугубляется различием в мироощущении и миропонимании главных героев. Такой ход необходим писательнице, чтобы показать различия не только в образе жизни, в национальных традициях, но и в понимании общечеловеческих ценностей героями повести.

Ган в точном этнографическом описании обычаев, нравов, традиций инонационального этноса старается выделить те моменты, которые характеризуют героиню как представителя иной цивилизации, иной материальной и духовной культуры. Приведем конкретные примеры.

Писательница в целях создания этнографической картины жизни улуса рассказывает о кибитках (по-калмыцки «ишкэ гер» – «войлочный дом»), которые было принято расставлять особым образом: «Около ста кибиток были расположены правильным кругом, посреди возвышались хурулы-храмы богов и кибитки владельцев».²³⁴ Как указывает современный исследователь, «сакральное пространство каждого конкретного рода связывалось с местом его кочевий, а центр

²³³ Там же с.166

²³⁴ Там же. С.182

– с поселением. Все кибитки в хотоне располагались по кругу, центром которого являлось жилище старшего в роду...». ²³⁵

Ган приводит подробное описание княжеской кибитки, детализирует особенности внутреннего убранства: «Круглая, довольно большая палатка, крытая войлоком, была обита внутри богатыми коврами, на полу были разсланы тонкие узорчатые циновки, в глубине стояла кровать под балдахином из шелковой материи малинового цвета, по обеим сторонам возвышались сундуки, поставленные один на другой и также покрытые шелковой материей; на левой стороне кровати, на сундуке, в маленькой раззолоченной кумирне, видна была человеческая фигура, сидящая на троне в золотой остроконечной шапке и парчовой одежде: то было изображение Будды или Шакья-Муни, верховного божества буддистов. Перед кумирней горели тибетские благовонные свечи и стояли серебряные чашки с цветами, яствами и питием, а вверху, над идолом, висел портрет Далай-ламы, первосвященника веры и властителя Тибета, расписанный яркими красками». ²³⁶ Продолжая описывать кибитку, автор акцентирует внимание на ключевой детали – очаге, который находился в центре жилища, и дым от него «клубился в отверстия, проделанные вверху кибиток». ²³⁷

Далее автор останавливает свой взгляд на стене, увешанной ружьями, кинжалами, шашками. Ган отмечает, что «у калмыков оружие переходит от деда к внуку, и всякий зубец на лезвии имеет свое предание, которое восходит иногда до времени самого Чингис-хана». ²³⁸

Далее Ган описывает обряд встречи гостей. Когда двое путешественников подъезжают к кибитке нойона, их встречают «у порога кибитки», приветствуя «Менды, менды!» («Здравствуйте, здравствуйте!»), приглашают внутрь и усаживают на самое почетное место – на ступени кровати, устланные коврами и бархатными подушками. По калмыцкому обычаю гостей всегда встречают свежеприготовленным чаем. Национальный калмыцкий чай, сваренный с маслом,

²³⁵З.Бакаева, Э. П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста, 2009. С.16

²³⁶ Там же. С. 183

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же. С.184

молоком и солью, подается в «искусно выточенных из древесного корня чашечках»²³⁹.

Кроме чая, путешественникам предлагают и трубки: «Началось угощение чаем, трубками».²⁴⁰ У калмыков строго соблюдались правила застольного этикета, согласно которым «гостей угощали свежесваренным молочным чаем и подносили раскуренные трубки».²⁴¹ Как отмечает литературовед Р. М. Ханинова, исследовавшая портрет калмычки с трубкой в аспекте имагологии на примере лирики поэта Михаила Хонинова, «это – трубка мира, знакомящая с одной из традиций калмыцкой культуры, когда женщине полагалось для гостя раскурить трубку и подать ему в знак уважения».²⁴²

В повести трубка во рту становится неотъемлемой частью образа жизни калмыков: «...мужья, вечно праздные, только охотились в поле или лежали на солнце с трубкой во рту»²⁴³; «...старые калмычки курили трубки».²⁴⁴ Русский этнограф Я.П. Дуброва, изучая быт калмыков Ставропольской губернии, обращает внимание на «сильно развитую привычку табакокурения, которому предаются положительно все калмыки от мала и до велика. Если нет табаку, то сосут чубук. Женщины курят гораздо более мужчин...».²⁴⁵

Между тем, писательница не может не заметить непривычность кочевого образа жизни для цивилизованного человека: в описании быта и устройства селений калмыков следует имагологической дихотомии «цивилизация-дикость». Её героиня внезапно оказалась «...посреди дикого народа, которого язык, обычаи и образ жизни сделались ей совершенно чуждыми; она принуждена жить в грязной и дымной войлочной кибитке, питаться яствами, которых один вид производит отвращение, сносить неопрятность, невообразимую для городских жителей...»; «....бедная Утбалла сидела по-прежнему у дымящего очага среди вооруженных

²³⁹ Там же С.185

²⁴⁰ Там же. С.186

²⁴¹ Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков XIX – начала XXI в. Элиста, 2011. С.86

²⁴² Ханинова Р. М. Портрет калмычки с трубкой в аспекте имагологии: лирика Михаила Хонинова // Вестник КИГИ РАН. 2008. №1. С.148

²⁴³ Сочинения Зенеиды Р-вой С.175

²⁴⁴ Там же С.182

²⁴⁵ Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста, 1998. С.59

дикарей и страшных уродов, которые выдают себя за колдунов, – красивый цветок в гнезде отвратительных гадин, – мечта утонченной образованности, брошенная в мир варварства и невежества!». ²⁴⁶

Такое изображение быта калмыков необходимо Ган, чтобы показать глубину трагедии Утбаллы, объяснить горестное состояние героини, вырванной из уже ставшей привычной среды. Позднее Утбалла свыкается с кочевой жизнью, ей даже нравится романтика перекочевки. В ней просыпается лихая наездница:

« ... она пристрастилась к верховой езде, единственному наслаждению в степях. Сколько раз, бросаясь на дикого скакуна, Утбалла носилась по необозримым равнинам и обгоняла вихрь пустынный или преследовала испуганного сайгака ». ²⁴⁷

Раскрывая быт инонационального этноса, Ган описывает праздник дня наступления лета (Урюс сар), который подчинен определенному регламенту. Она старается не упустить важного в деталях, выявить своеобразие и неповторимость национальных традиций. Очень подробно автор описывает главный хурул в день праздника: «Стены этой кибитки были покрыты дорогими материями и увешаны изображениями уродливых богов с синими, красными и золотыми лицами <...>, а под изображением Шакья-Муни <.....> стояла на столе, покрытом парчою, кумирня с вызолоченным истуканом Далай-ламы. Перед ним теплились благовонные свечи и были расставлены разные чудные игрушки из кусков лент и материй, серебряные и полевые цветы, чаши с пшеницей, оливковым маслом и водою». ²⁴⁸

Ган показывает гелюнгов в красных халатах с желтыми «перевязями» через плечо, головы которых были обриты, а руки обнажены до плеч. Они сидели на вышитых подушках, держали перед собой разные музыкальные инструменты (медные тарелки, колокольчики, флейты, бубны, медные трубы) и раскачивались из стороны в сторону, читая молитвы на тибетском языке и сопровождая чтение аккомпанементом, который становился с каждым разом все громче. «Наконец

²⁴⁶ Сочинения Зенеиды Р-вой С. 147, 151

²⁴⁷ Там же С.156-157

²⁴⁸ Там же. С.200

раздался гром барабанов, трубы заревели, зазвучали литавры и, сливаясь со звоном колокольчиков, разноголосым писком флейт <.....> Голоса и инструменты то утихали, то снова возвышались...».²⁴⁹

Подробно описывая ритуал буддийского богослужения, она отмечает торжественность происходящего. Иначе смотрят на праздник представители иной культуры – Борис и Зерков. Для них происходящее – «адская гармония звуков», «совершенное отсутствие гармонии».²⁵⁰

Ган в повести уделяет внимание и одежде калмыков. Когда Утбалла впервые увидела своего возлюбленного Бориса после долгих лет разлуки и упала в обморок, «голубой халат прикрывал стан ее, две длинные черные косы извивались, как змеи, на полу, а парчовая шапка лежала в стороне».²⁵¹ Действительно, «главным типом одежды являлся распашной халат, подпоясывавшийся либо мягким поясом, либо кожаным ремнем».²⁵²

Праздничная одежда нойона Джиргала отличалась особенным богатством: «сверх парчового архалука, застегнутого на жемчужные пуговицы, на нем был голубой шелковый халат с прорезными рукавами, закинутыми на плечи, вроде польских кунтушей. Верхняя и нижняя одежда была обшита золотыми позументами. Нойон все время держал в руке шапку из золотой парчи, опушенную соболем, которую сейчас, по выходе из хурула, он надел на голову».²⁵³

Русские путешественники стали свидетелями игр, которые продолжались «даже после заката солнца»: сначала «мужчины и даже мальчики ловили арканами диких лошадей из пригнанного табуна и, вцепившись в гриву, вскакивали на них, как птицы»²⁵⁴; затем подробно описывается калмыцкая борьба: два богатыря «долго рассматривали один другого, наконец, сошлись; атлетические мышцы их напряглись, глаза выпучились, они несколько раз разбегались, схватывались, перегибались, вывертывались, падали, барахтались на земле и вскакивали на ноги,

²⁴⁹ Там же С.201

²⁵⁰ Там же с. 158

²⁵¹ Там же С.187

²⁵² История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т.3. Элиста, 2009. С. 45

²⁵³ Там же С.202

²⁵⁴ Там же.С.204

после долгой борьбы один победил, повалил другого на землю и стал коленом на плечо его при радостных криках народа. Но никакие усилия не могли положить побежденного на спину, а это одно считается у них победою».²⁵⁵

Из других развлечений калмыков Ган упоминает стрельбу в цель, игру в карты и шахматы. И. А. Житецкий в своих этнографических наблюдениях о жизни и быте калмыков указывает на то, что «редкий хотон не имеет шахматы и мало калмыков неиграющих в них», а также отмечает игру в карты.²⁵⁶ Ган подчеркивает, насколько сильно у калмыков укоренилась страсть к игре : они могли проиграть скот, одежду, жилище и даже себя на условное число лет.²⁵⁷

Писательница отмечает такую особенность быта калмыцкой женщины, как «полная свобода»: «Женщины здесь пользуются полной свободой: противоположно обычаям кочевых сынов Магомета, супруги и дочери поклонников Будды, исполнив домашние обязанности, участвуют во всех играх».²⁵⁸

Использование автором без эквивалентной лексики (хурул, багша, эмч, хурул, худуг и т.п.), включение национальных имен, топонимов, локусов, пословиц и песен, наименований представителей фауны, описание обрядов (чайной церемонии, религиозных обрядов и т.д.), описание предметов быта (жилище, кибитка, одежда, еда) усиливают этнографизм повести.

Если рассматривать образ Утбаллы в имагологической парадигме «свой - чужой», то он занимает пограничное положение: по воспитанию и образованию, по образу мышления она европейка, а по вере – христианка. В то же время писательница отмечает ее безрассудность, граничащую с безумием, которая присуща натурам необузданным и диким, кочевникам. В частности, Ган говорит о бесстрашии Утбаллы: заведомо зная, какое наказание ее ждет (быть погребенной заживо), сознательно идет на смерть. Жертвенность Утбаллы – это «...быть истерзанной руками извергов, поруганной, оскверненной <...> слышать только

²⁵⁵ Там же.С.205

²⁵⁶ Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 гг. М., 1893. С. 38.

²⁵⁷ Сочинения Зенсиды Р-вой С. 205

²⁵⁸ Там же С.182

слова ярости, мести, проклятий, -вот на что, наверное, не решилась бы ни одна Европейка. И сама Утбалла поколебалась бы при мысли о такой смерти. Здесь нужна была вся энергия *монгольской* крови, чтобы поддержать ее у жертвенника, на который несчастная добровольно клала свою голову. Эта кровь текла в ее жилах».²⁵⁹

Душой, мыслями, чувствами Утбалла принадлежит светскому обществу, утонченность и чувственность которого чужды диким народам, а непоколебимостью, уверенностью в сделанном выборе, в силе и твердости духа, она принадлежит своему народу. Так своеобразно в образе героини повести преломляется антитеза «свой-чужой».

Конфликт личности и общества в повести двойственный: Утбаллу не принимают ни в светском обществе, ни в своем родном улусе. Везде она «чужая» и говорит об этом Борису. В светском обществе ее не принимают в силу «сомнительного происхождения», в калмыцком улусе – в силу ее приверженности светскому образу жизни, в неприятии устоев кочевого общества, его обычаев и традиций. Представляется, что такая двойственность образа Утбаллы необходима была Ган для выражения наднациональных и надрелигиозных идей.

Имаголог Дж. Леерссен отмечает, что периферические территории в литературном произведении характеризуются деформацией времени, являются местами, где можно встретить «ожившее прошлое». В «центре», по его мнению, присутствует «система моральных ценностей, социальный престиж, экономическая мощь, культурные нормы»²⁶⁰, на «периферии» все это отсутствует. Именно так чувствует героиня повести, которая транслирует мысли самой Ган. На национальной окраине «периферия» и географически и по субъективным ощущениям являет собой «ожившее прошлое», где человеческая цивилизация находится в своем первобытном состоянии.

²⁵⁹ Там же с.232

²⁶⁰ Leerssen J. Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey. Amsterdam, 2007. P.294

2.4.3. Инонациональные образы в этнографической прозе Н.А.Дуровой («Серный ключ»)²⁶¹

Надежда Андреевна Дурова (1783–1866) – одна из плеяды писателей-романтиков первой трети XIX века. Десять лет Дурова прослужила в армии, принимала участие в двух заграничных походах и Отечественной войне 1812 года. За совершенные подвиги, мужество и отвагу была награждена Георгиевским крестом. Однако в историю русской литературы она вошла не только как храбрый воин, защитник Отечества, но и как интересный писатель-беллетрист. Дурова автор известных «Записок кавалерист-девицы» (1836), которые вызвали восторженный отклик читательской публики. В.Г. Белинский высоко оценил литературный талант писательницы: «Боже мой, что за чудный, что за дивный феномен нравственного мира героиня этих записок... Что за слог у девицы-кавалериста!».²⁶²

Помимо «Записок», Н.А. Дурова является автором более десяти художественных произведений, которые она публиковала в течение пяти лет с 1836 по 1840 гг. Среди них рассказы «Елена, Т-ская красавица», «Граф Мавриций», повести «Павильон», «Серный ключ», «Клад», «Нурмека», «Угол», «Ярчук-собака-духовидец», новелла «Оборотень», роман «Гудишки». В 1839 году выходит ее полное собрание сочинений в 4-х томах. В этих произведениях писательницы немалую долю составляет изображение национальных мирообразов и национальных характеров различных народов, среди которых ей довелось жить: татар в «Нурмеке» и «Кладе», черемисов(марийцев) в «Серном ключе», евреев в «Кладе», поляков в «Павильоне», цыган в «Ярчуке».

Исследователи творчества Дуровой рассматривают социокультурный дискурс мемуарно-автобиографической прозы писательницы, нравственный мир ее героини, отражающий мысли, чувства, идеи и настроения автора.²⁶³

²⁶¹ См. об этом: Аристангалиева Н.Б. Жизнь и нравы марийцев в повести Н.А. Дуровой «Серный ключ» // Казанская наука. 2021. №12. С. 9-12.; Аристангалиева Н.Б. «Этнографический романтизм» в повестях Н.А. Дуровой и Е.И. Ган «Утбалла» // Russian Linguistic Bulletin. 2022. №5. DOI:10.18454/RULB.2022.33.13

²⁶² Белинский В.Г., М., 1952–1959. т. 3, с. 149

²⁶³ Е. Е. Приказчикова Е.Е. Женщина на фоне наполеоновской эпохи: Социокультурный дискурс мемуарно-автобиографической прозы Н. А . Дуровой. Екатеринбург, 2015. 256 с.

В кандидатской диссертации Е.И. Болюх предпринята попытка показать глубинную связь произведений писательницы с традициями русской и зарубежной литературы, в частности, с готической прозой эпохи предромантизма.²⁶⁴ Обращая внимание на фольклорно-историческую основу многих произведений Дуровой, Болюх отмечает оригинальное соединение в них традиций русского, марийского, польского, литовского, татарского фольклора, однако этнографическая составляющая ее произведений не становится специальным предметом изучения. Использование национального фольклора и этнографических зарисовок дает основание рассматривать отдельные произведения Н.А. Дуровой как этнографическую прозу инонациональной тематики.

Поселившись после отставки в городах Елабуга и Сарапул, Н.А. Дурова не оставила своей привычки совершать пешие и конные прогулки по окрестностям. Она записывает легенды и сказания проживающих там народов - татар, удмуртов, марийцев и других национальностей. На основе собранных материалов Н.А. Дурова создает повесть «Серный ключ». Эта повесть в 1839 году будет включена в книгу «Сто русских литераторов» известного издателя А.Ф. Смирдина.

Повесть построена по принципу «рассказа в рассказе». Героиня повести – исправница Лязовецкая – рассказывает собеседнику историю, которую ей поведали во время пребывания в деревне Курцем на целебном источнике – Серный ключ. Это короткий рассказ про одно событие из жизни марийцев, живущих в густых, непроходимых лесах. Но, помимо этого, в повести присутствуют небольшие заметки о жизни, нравах и быте этого народа.

Главной темой произведения выступает трагическая история любви двух героев: молодой черемиски Зеилы и пастуха Дукмора. Они одиноки, резко отличаются от окружающих. Зеила была всеобщей любимицей: «...Зеила осталась без отца и матери трехлетним ребенком, но столь восхитительно прекрасным, что все крестьяне взялись кормить ее, одевать»²⁶⁵, а Дукмор, наоборот, был бедным и

²⁶⁴ Болюх Е.И. Жанровое своеобразие художественной прозы Надежды Андреевны Дуровой: дисс. ... канд. фил. наук. Тверь, 2001. 160 с.

²⁶⁵ Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1983. С.374

никому ненужным: «Дукмор не был так счастлив..... его превосходство ... возбуждало зависть, заставляло ненавидеть и с нетерпением ожидать набора, чтобы отдать его в солдаты».²⁶⁶ Отношения любящих людей рушатся под давлением внешних обстоятельств: главного героя убивает огромный черный медведь. А Зеила тяжело переносит потерю любимого человека: сначала сходит с ума, а потом ее находят мертвой на могиле Дукмора: «У могилы Дукмора ... упала на нее, с восторгом обняла и так сильно прижалась к ней лицом, что когда подняли уже ее с могилы, мертвую».²⁶⁷

Мифологическая составляющая воплощается в образе марийского бога зла - Керемета. В повести он принимает облик черного медведя. Черемисское предание о грозном Керемете соединяет в повести две самостоятельные линии повествования. Во-первых, это этнографическое повествование о жизни марийцев, небольшого народа, обитающего в верховьях Волги к северу от Татарии и Чувашии. Во-вторых, воплощение религиозно-мифологических верований марийцев в духе литературных традиций романтизма. На этнографическую основу повествования накладывается романтический сюжет о бесстрашном пастухе Дукморе и прекрасной Зеиле, ставших жертвами злого духа Керемета.

Передать неповторимость духовной жизни и внешности черемисов помогают Дуровой описания их верований и обрядов, повседневного образа жизни, включая национальную одежду – белый холстинный шабур (верхняя одежда в виде кафтана). Писательница не только создает художественные образы представителей марийского народа, но и пытается проникнуть в психологию коллективного сознания этноса, выделить те черты, которые отличают ее представителей от людей других племен и народностей. Образ жизни и выбор места для проживания, по мнению Дуровой, сказываются на характере и психологии народа: «... образ жизни черемисов, их нравы, обычаи, язык, тайная привязанность к идолопоклонству, выбор места для жилищ всегда среди лесов отделяют их совершенно от других племен и осуждают на всегдашнее одиночество..... он (черемис-Н.А.) молчалив

²⁶⁶ Там же С. 375-376

²⁶⁷ Там же С. 389-390

даже в своей семье и дышит свободно тогда только, когда остается один. Он уходит в лес, в свое отечество, свою стихию, углубляется в чащу его и там без помехи предается вполне природной меланхолии. Там он чувствует себя как нельзя ближе к доброй матери своей, природе».²⁶⁸

Одной из самых привлекательных черт этого народа является его способность к поэтической импровизации, умение не только видеть и чувствовать, но и воспевать красоту окружающего мира природы: «... с восторгом поет красоты ее. Он воспеваает, хвалит все предметы, на какие только устремляется взор его. Смотря на красивую березу, могучий дуб, высокую сосну, он поет, что дерево приятно для глаз, что зелены и густы его листья, как снег, бела его кора, прохладна тень и гибки ветви, по которым скачет проворная белка. В дубе хвалит он другие преимущества, его крепость и даже назначение...».²⁶⁹

Фольклор писательница использует для поэтизации трагической, но вполне реальной истории любви, через фольклор реализует способы реалистического изображения людей, картин природы, тему и сюжет своего произведения. Именно поэтому она подробно описывает образ жизни, нравы и быт реального народа – черемисов(марийцев), а не изображает неведомых жителей дремучих лесов.

В повести Н.А. Дурова приводит балладу собственного сочинения, стилизованную под фольклорную, которую поет Зеила: «Бежит, гремит, кипит, клокочет//Волшебный ключ моей страны!//Злой Керемет в лесу хохочет//В часы полночной тишины.//Бежит, гремит, на камнях скачет//Волшебный ключ моей страны!//На берегу девица плачет//В часы полночной тишины//Бежит, гремит, кипит, сверкает//Волшебный ключ моей страны!//С кудрей девица кровь смывает//В часы полночной тишины"//.²⁷⁰«Для такой песни, какую сочинила Зеила, не нужно умения, а просто природная способность к поэзии, которую в высшей степени одарены все черемисы, – пишет Дурова – черемисы - поэты, и еще в высшей степени!».²⁷¹

²⁶⁸ Там же С.388

²⁶⁹ Там же С.388

²⁷⁰ Там же С. 386

²⁷¹ Там же С.389

В повести Дурова обращает внимание читателей и на религиозные верования марийского народа в потусторонние силы, главным представителем которых был Керемет. «Раза два думала она (Зеила-Н.А.), что слышит в страшном соседнем лесу зловеющий хохот Керемета. (По их вере, хохот его бывал всегда предвестием какого-нибудь ужасного бедствия, и всегда слышится только тому, с кем оно должно было случиться). К умножению грусти ее, Дукмор сказал, что также слышал по две ночи ужасный смех их злого духа».²⁷²

Дурова описывает древний марийский обычай: «Известно, что полудикие народы, всегдашние обитатели непроходимых лесов, нисколько не боятся единоборства с медведем; <...> из всех окружных молодых людей один кто-нибудь, род богатыря у них, решается <...> вступить в единоборство с ужасным зверем. В случае успеха смелый ратоборец покрывается неувядаемою славою и, сверх того, продает кожу побежденною зверя, что бывает иногда довольно ценно. В случае ж неудачи он платит своею жизнью, и о предприятии его узнают только по остаткам белого шабура и нескольким костям...».²⁷³ Именно следуя этому обычаю, герой повести решается на поединок с медведем: ведь победа обеспечила бы ему освобождение от рекрутского набора и воссоединение с любимой Зеилой.

Легенда о влюбленных сопровождается красочным описанием местности, где проживают черемисы: «...окрестности его очаровательны: зеленые луга, множество цветов, душистых трав, тенистые рощи, тьма соловьев и прекрасные виды вдаль делают это место раем...».²⁷⁴

В имагологическом аспекте образ «другого» в повести Дуровой отличается толерантностью, т.е. происходит включение «другого» в сферу своего миропонимания, совмещая в себе противоречивые и несовместимые характеристики. «Дикость» в дихотомии «цивилизация-дикость» является инаковостью в негативном плане, но у Дуровой этот маркер укладывается в теорию «естественного человека», говоря о черемисах как о «диком», «полудиком» народе,

²⁷² Там же. С. 378

²⁷³ Там же. С.378-379

²⁷⁴ Там же. С.371

рассматривает их как часть окружающего мира, как часть природы. Под «дикостью» здесь подразумевается первобытность и первозданность, особая ментальная связь с природой, существование в одном «энергетическом поле». Это подтверждает эпизод с серным ключом, когда окружной лекарь решает открыть лечебницу на роднике. Местные жители недовольны таким оборотом дел, их пугает все, что может изменить привычный ход жизни, и то, что родник может исчезнуть («злые духи покроют песком»).

Таким образом, обращение к мифологии, использование фольклорных мотивов в создании образов героев, этнографическое описание быта, нравов и обычаев черемисского народа создают, несмотря на приверженность романтическому направлению, всеобъемлющий образ этноса, с характерными чертами и психологией, со своеобразной культурой и обычаями.

Действительно, в повести «Серный ключ» фольклорно-этнографические элементы органично вплетаются в ткань повествования и придают художественному произведению особую эмоционально-выразительную окрашенность и логическую завершенность. В этом проявляется особый метод художественного восприятия действительности писательницей.

2.4.4. Оппозиция «свой-чужой» в повести В.А.Ушакова «Киргиз-кайсак»

Повесть Василия Аполлоновича Ушакова «Киргиз-кайсак» – одно из первых серьезных художественных произведений о казахском народе – появляется в начале 1830-х годов XIX столетия еще до публикации А. И. Левшиным своей знаменитой монографии «Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких, орд и степей». В это время в литературе утверждаются эстетические принципы правдивого изображения действительности, воплощение идей демократизма, гуманности. Появление первых русских повестей на казахские темы явилось откликом на возросший интерес к национальным окраинам Российской империи.

А.С. Пушкин в своих романтических поэмах от «Кавказского пленника» до «Цыган» описывал не только инонациональный этнос, но и ставил проблему

взаимоотношений России с национальными окраинами. Вслед за А.С. Пушкиным многие писатели отправляются «на поиски живописных тем и восточной экзотики в пределах европейской и азиатской России».²⁷⁵

Страны и народы, ранее не известные русскому читателю, вводились в контекст русской романтической литературы. Русская романтическая проза активно выполняла экстралитературные функции – становилась источником информации о национальных окраинах империи. Наравне с Кавказом казахская степь становится в романтическом жанре предметом художественного описания. Образ казаха-кочевника появляется в литературе: поэма «Киргизский пленник» Н. Муравьева, роман Ф. Булгарина «Иван Выжигин», поэма А. Крюкова «Каратай», повесть П.М. Кудряшева «Киргизский пленник», повесть В.А. Ушакова «Киргизкайсак», «Бикей и Мауляна» и «Майна» В.И. Даля.

В свете изучения мира инонационального этноса в художественных произведениях русских писателей рассмотрим повесть В.А. Ушакова «Киргизкайсак» более подробно.

Значение правдивых повестей о казахском народе 30-х годов XIX в. состоит в том, что они вводили читателей в незнакомый круг переживаний и представлений жителей степи, в своеобразную этнографическую обстановку их бытового уклада, утверждали уважение к ним. Писатели стремились показать отдельные типичные стороны народной казахской жизни.

Заслуга В.А. Ушакова в том, что он в меру своих сил и способностей стремился к правдивости и гуманности в описании казахской действительности. В повести Ушакова изображение национального своеобразия казахского народа сочеталось с утверждением их равноценности с представителями любого европейского народа.

Виктор Славин – главный герой повести Ушакова, – сын казашки, но воспитанный в русской национальной среде, европейски образованный. Киргизкайсак вырастает человеком высокой интеллектуальной культуры и сравнивается в

²⁷⁵ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 294.

повести в отдельных чертах даже с грибоедовским Чацким. Примечателен портрет Славина: «...лицо длинное и лоб высокий. Он смугловат и имеет черные волосы. Этим похож на азиатца. Впрочем, так статен и хорошо!»²⁷⁶ Товарищи шутливо называли Славина татаринном, «рыцарем татарского образа», подчеркивая национальные особенности в его облике и характере. Также на черту его национального характера указывает сестра Евгения: «Если бы твой необыкновенный ум не умерял порывов твоих страстей <.....> дикость, необузданность и мстительность кочующих народов отражались бы в тебе, как в зеркале. Сердце у тебя также добро и просто, как и у *них*».²⁷⁷

Описание инонационального этноса – казахов – в произведении вызвало интерес и за рубежом: в 1834 г. повесть была переведена на немецкий язык и издана в Лейпциге²⁷⁸.

Писатель и журналист Василий Аполлонович Ушаков (1789-1838) родился в дворянской семье. Он получил военное воспитание в Пажеском корпусе. Военная служба прапорщика Ушакова с 1811 г. протекала в лейб-гвардии Литовском полку. Он выделялся всесторонней образованностью, незаурядным умом, резко выраженными романтическими настроениями. Ушаков принимал участие в Отечественной войне 1812 года, сражался на Бородинском поле и был тяжело ранен. После выздоровления вновь вернулся в действующую армию, участвовал в заграничных походах, дошел вместе с русскими войсками до Парижа.

В 1819 г. Ушаков вышел в отставку и поселился в Москве. «Вышедши в отставку, он уединился от общества, накопил себе множество книг, читал, худо управлял своим имением и, кажется, к концу своей жизни, был скорее беден, чем богат».²⁷⁹

Печататься В.А. Ушаков начинает в середине 20-х годов. Предметом его критических выступлений будут вопросы театрального искусства. Рецензии, статьи, очерки и рассказы Ушакова публиковались почти во всех крупных

²⁷⁶ Ушаков В.А. «Киргиз-кайсака». Изд 2. М., 1835, С. 58

²⁷⁷ Там же. С.105

²⁷⁸ Der Kirgis-Kaissak. Erzählung von W.Uschakov. Aus dem Russ. Übers.v. E. Goldhammer. Leipzig, 1834.

²⁷⁹ Полевой К.А. Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого». СПб., 1888г. С. 137.

периодических изданиях 20–30-х годов: «Московском телеграфе», «Сыне отечества», «Библиотеке для чтения» и др.

Обращаясь к издателю журнала «Телескоп», Белинский писал в 1835 г.: «Вам, почтеннейший Николай Иванович, известен гибкий и универсальный талант г. Ушакова; вы, верно, еще не забыли, что он писал некогда предлинные, преисполненные славянского остроумия и прескучные статьи о театре; вы помните также, что он, г. Ушаков, писал презлые, хотя уж и чересчур холодные, сатирические аллегории, и в этом роде явился основателем и главой важной, хотя и безлюдной школы: я разумею «Кота Бурмасака»; потом знаете, что он написал очень порядочный роман «Киргиз-кайсака».²⁸⁰

В.Г. Белинский будет неоднократно упоминать имя Ушакова и его «очень порядочный роман «Киргиз-кайсака». Именно эта повесть принесла Ушакову шумную и продолжительную известность. За ним прочно укрепилось нарицательное имя автора «Киргиз-кайсака». В 1849 г. один из видных сотрудников «Отечественных записок», Н.Д. Мизко, отражая распространенное мнение, утверждал: «Киргиз-кайсака» Ушакова при появлении своем был по достоинству лучшим романом; впрочем, познание сердца человеческого и удачная характеристика общественных нравов, соединенная с поэтической идеей создания, состоящего в противоположности отношений героя и героини в общественном быту, делают этот роман достойным занять почетное место в нашей литературе»²⁸¹.

Ушаков в годы написания «Киргиз-кайсака» был близок к передовым деятелям пушкинской эпохи. Именно в 20-30-е годы он частично разделял литературные взгляды братьев Н. А. и К. А. Полевых, дружил с А. С. Грибоедовым и А. А. Жандром, встречался с великим польским поэтом Адамом Мицкевичем, был сотрудником «Московского телеграфа», в котором и была опубликована его повесть.

Повесть «Киргиз-кайсака» начинается с письма, случайно попавшего в руки героини – Софье Любской. В письме неизвестного ей автора переплетаются два

²⁸⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В. 13. Т.2. М., 1953. С. 22

²⁸¹ Мизко Н.Д. Столетие русской литературы. Одесса, 1849. С. 317-318.

мотива, создавая лирически-эмоциональное вступление к развитию повествования: исповедь героя повести и признание его в любви к той, кто с девичьим любопытством читает это послание.

В исповеди неизвестного героя присутствует описание пейзажей Европы и России, размышления об укладе общественной жизни. Так, «плодоносные и обработанные поля Германии», по мнению автора письма, указывают на «ничтожность рода человеческого», а тамошнее стремление к размежеванию, разделению земель делает из людей «голодных волков», которые делят добычу.²⁸² Западной упорядоченности автор противопоставляет простор «зеленеющих равнин», Москва предстает как воплощение бесконечной свободы. «Москва, находящиеся в центре России, есть решительно панорама нашего общемирового царства».²⁸³

Автор письма также размышляет о заслуге Петра I, заставившего «Россию сделать скачок от младенчества к зрелому возрасту».²⁸⁴ В письме чувствуется тоска по степным просторам, смутные воспоминания об иной жизни, чем та, которая окружала героя в Петербурге и Москве: «Не знаю почему, я чрезвычайно люблю степи, в которых никогда не бывал во дни нравственного моего бытия <....> Весьма часто в сновидениях моих я вижу какую-то необозримую степь, каких-то диких сынов природы, мчащихся на бодрых конях; я слышу их напевы, как будто мне знакомые, я люблюсь на бесчисленные стада, бродящие по сему зеленому травяному морю, и, поверишь ли?... когда в ясную летнюю ночь я в задумчивости гляжу на звездное небо, мне кажется, что это та самая мечтательная степь, усеянная беловолнистыми овцами; мне кажется, что это небо я видел в другом месте, где оно сливалось с неизмеримою земною равниною, подобно тому, как для морехода оно сливается с поверхностью океана».²⁸⁵ Это письмо создает необходимое настроение, подчеркивает особенные черты героя и намекает на его кровные связи с нерусской

²⁸² Ушаков В.А. Киргиз-кайсака. В. 2 ч. Ч.1. М. С. 10, 13-14.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же. С.16

²⁸⁵ Ушаков В.А. Киргиз-кайсака. В. 2 ч. Ч.1. С. 10, 13-14.

национальной средой. (О том, что Славин родился и провел детство в казахском ауле, он сам узнает позднее).

Степь будет появляться в повести в воспоминаниях героя, в снах, как образ родины, вольной жизни, как образ патриархальной старины: «Мне хотелось бы, как Бедуину, пожить на безопасном материке, в необозримой степи, вдали от городов <.....> от жалкого рассчитывания пространства и времени у просвещенных народов, между тем как дикие пользуются ими гуртом без деления»,²⁸⁶ «...недаром я люблю степи и свободную жизнь кочующих народов»,²⁸⁷ «Нет! Я должен непременно побывать в степи! Мне душно в столицах!...»,²⁸⁸ « ...опять степь! ... Степь была моей колыбелью, степь станет моей могилой». ²⁸⁹

Взаимная любовь Виктора и Софьи завершается обрядом обручения. Однако незадолго до свадьбы Славин получает завещание умершего отца и узнает, что он сын простой казашки, продавшей его в детстве его отцу - Ипполиту Славину, который, потеряв родного сына, усыновил и воспитал купленного казахского мальчика. (Происхождение Славина нельзя отнести к области романтической фантазии. В казахской степи в начале XIX в. существовала открытая работоторговля).

Виктор решает не скрывать свое происхождение, и сообщает об этом отцу невесты. Князь Любской, отец Софьи, возражает против брака дочери с киргиз-кайсаком, и Софья, не смея перечить отцу, отказывается от жениха. Потрясенный Славин уезжает в действующую армию, получает ранение, а затем умирает от воспаления мозга. Софья выходит замуж за другого, но в сердце продолжает хранить светлое воспоминание о любимом.

В интересной по замыслу повести Ушакова встречаются реалистические эпизоды и описания, но повествованию в целом придан «дух модных литературных веяний той поры, романтический характер. В рассказе о горькой доле сына

²⁸⁶ Там же. С.14-15

²⁸⁷ Там же. С.28

²⁸⁸ Там же. С.31

²⁸⁹ Там же. С.175

казахских степей проявились сентиментальные ноты с целью возбудить жалостливое отношение к нему», считает М.Фетисов.²⁹⁰

Ушаков не был близко знаком с жизнью казахов, не обладал конкретным знанием казахской жизни, каким отличался его современник Даль. Но, тем не менее, среди многих произведений того времени «Киргиз-кайсак» выделялся конкретно-исторической определенностью, стремлением к географической и этнографической точности.

Популярность повести Ушакова обеспечило то, что автору удалось показать своеобразные характеры, отметить отдельные социальные противоречия. Повесть отличается силой воздействия на читателей 1830-х годов, постановкой проблем, которые до этого не поднимались в русской литературе.

Умный и благородный Славин лишается возможности вступить в брак с любимой потому, что его мать – женщина кочевого казахского народа. Ушаков не мирится с этим и стремится доказать, что киргиз-кайсак, да еще получивший блестящее образование, такой же человек, как лучшие представители дворянского общества. Помимо резкой критики социального неравенства и сословных предрассудков, повесть ставит проблему включения инонационального этноса в культурное, политическое, экономическое и правовое поле Российской империи.

В имагологической оппозиции «свой-чужой» Славин и «свой» и в тоже время «чужой». Он «свой» по воспитанию и образованию, но «чужой» по происхождению. Ушаков на языке художественного произведения хотел показать, что несмотря на происхождение, представитель инонационального этноса при благоприятных условиях может стать одним из «своих» (тот же мотив отразится и в «Утбалле» Е.А. Ган).

Примечательно, что в вышеназванном письме Славин как бы недвусмысленно намекает на своих предков: « мое азиатское лицо, может быть, доказывает лучше всякой родословной, что я происхожу от одного из отважных спутников Батыя».²⁹¹

²⁹⁰Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана 30-50-е годы XIX века. М., 1956. С.79

²⁹¹ Ушаков В.А. «Киргиз-кайсак», ч.2., С.37

Инонациональные этносы, несмотря на различие в общественном развитии, в образе жизни, в религиозных верованиях становились частью общеимперского сообщества, и категория «чужого» в художественных произведениях трансформируется в категорию «иного», что предполагает изображение инонационального образа не как чуждого, негативного, а просто другого, не враждебного.

Ушаков на примере образа Славина доказывал, что люди европейски просвещенные, и люди, кочующие в казахских степях, не разнятся по своим человеческим качествам. Эта мысль подтверждается писателем и аналогией с природой: «Природа везде является чадолюбивой матерью <.....> Все эти цветы из родной почвы пересажены на чужую сторону; но и здесь они живут и являют свою красоту и даже силу жизни, свойственную их отечественному климату».²⁹²

Вместе с тем, Ушаков в романтизированной форме ставил и вопрос о благотворной роли русской культуры. В уста Ипполита Славина он вкладывает свои мысли о роли России в судьбе народов инонациональных окраин: «Ты, рожденный в степи, отыскал новое отечество в образованном Государстве».²⁹³

Таким образом, Ушаков в своей повести пропагандирует гуманное и человеколюбивое отношение к инонациональному этносу.

²⁹² Там же. С.29

²⁹³ Там же С. 91

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение национальных окраин России на современном этапе развития российского общества очень актуально.

Понятия «окраина», «периферия» как антонимы по отношению к «центру» издавна присутствуют в административной практике. В России эта ситуация осложнялась национальной пестротой и обширностью территорий тех окраин, которые постепенно в течение столетий входили в состав Империи — Казахские и Поволжские степи, Кавказ, Сибирь... Взаимоотношения между центром и окраинами в Российской империи, как и везде в мире, исходили из постулата о политическом первенстве центра и были подчинены задаче сохранения целостности страны. В то же время русские государственники стремились к учету национального своеобразия при выборе формы управления и степени свободы администрации каждой из национальных окраин. Они склонялись к просвещению вновь присоединенных народов и, одновременно, избегали полной ассимиляции. Сохранение особенностей быта и традиций этноса, стремление, чтобы в имагологической парадигме «свой-чужой» для жителей центра он становился ближе «своему», — все это предполагало тщательное изучение каждого из народов, населяющих Российскую империю.

Наряду с администраторами и учеными эту государственную адаптационную миссию по отношению к представителям иных этносов несли и русские писатели. В 1830-е гг., с развитием методов научно-аналитического изучения действительности, со становлением в литературе документальных жанров, интерес к исследованию народного быта разных национальностей достиг своего расцвета.

Используя историко-литературный и культурно-исторический методы, имагологический подход с акцентом на изучение оппозиции «свое-чужое», в диссертационном исследовании представлена попытка выявить преемственность в

описании русской литературой 1830-х гг. жанрами малой прозы иноязычных этносов России.

В диссертации показана выдающаяся роль В. И. Даля как истинного родоначальника этнографического направления в русской литературе. Как беллетрист-этнограф, он одним из первых обратился к изучению национальных окраин России. В. Г. Белинский отмечал широту этнографических интересов писателя: Даль сообщал о нравах, быте казахов, башкир, молдаван, цыган, болгар. На основе документальных изысканий и собственных наблюдений, изложенных в научных статьях, писатель создал ряд оригинальных художественных произведений: «Замечания о башкирцах», «Нечто о кумысе», «Скачки в Уральске», «Скачки в Уральске и Оренбурге», «Башкирская русалка», «Охота на волков», «Бикей и Мауляна», «Майна» и др.

Писатель активно использовал национальные фольклорные жанры, легенды, предания и образы каждого народа. Можно утверждать, что В.И.Даль также является и родоначальником инонационального этнографического направления в русской литературе. Писатель-этнограф в своих рассказах и очерках акцентировал внимание на коллективных вкусах (кумыс) и развлечениях (скачки, охота) инонационального этноса, которые могли дать читателям представление обо всем народе, а не только об отдельных его представителях. Он сосредотачивался не на экзотических деталях быта, а на воссоздании психологии и системы нравственных ценностей каждого этноса, с неизменным уважением к ним, но в то же время с позиции отыскания универсальных моральных ценностей. Заслуга В. И. Даля как будущего представителя «натуральной школы» заключается также в постановке социальных вопросов: угнетения национальной бедноты представителями собственных правящих кругов.

Подвигнутый интересом к трудам В. И. Даля, А. И. Левшин в 1832 году опубликовал первое всестороннее исследование казахского этноса «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей». Строго документальный этнографический материал представлен в «Описании » в форме художественного повествования, отмечен присутствием авторского мнения,

расширяющего научную монографию до философских размышлений и выводов. Таким образом, даже в трудах писателя-этнографа второго ряда закрепляются принципы той передачи документального материала в художественной форме, которые Н. А. Добролюбов назвал «художественной этнографией».

Представители русского романтизма В. Ушаков (повесть «Киргиз-кайсак») и Е. Ган (повесть «Утбалла») первыми обратились к изучению быта и нравов степных кочевых племен. В своих произведениях они подробно останавливаются на описании экзотической одежды и предметов домашнего быта, народных праздников, фольклорных и мифологических преданий. Другой их заслугой следует считать любовный сюжет, в котором акцент сделан на просветительской идее о равенстве права на счастье людей просвещенных и представителей народов, считавшихся дикими.

Показательно, что центральный герой этих повестей существует на стыке понятий «своего-чужого». Калмычка по рождению, Утбалла из одноименной повести выросла и получила образование в светском обществе России. Та же предыстория характеризует героя повести «Киргиз-кайсак» Виктора Славина, чьей матерью была казашка. С одной стороны, унаследованная с кровью «дикость» становится мотивацией бурных страстей, необдуманных самоубийственных поступков героев. С другой, можно выявить элементы скрытой иронии, звучащей в авторском комментарии при описании «диких», устаревших обычаев, губящих влюбленную пару. Трагедия героя, который, в силу усвоенных обычаев и культуры, повсюду чувствует себя «чужим», была подхвачена и развита «натуральной школой», но в социальном аспекте.

В этих повестях, как и в романтической литературе в целом, авторы мастерски стилизуют песни и поэтические предания, которые создают и пропевают центральные герои. Такие поэтические сцены стимулируют интерес публики к фольклорному богатству «диких» народов. Но, одновременно, они выявляют вкус и оригинальность центральных персонажей, которые в силу разных причин становятся ближе «своему», нежели «чужому», национальному.

Имаголог Дж.Леерсен отмечает, что периферические территории в художественном произведении характеризуются деформацией времени, являются местами, где можно встретить «отжившее прошлое». Изучение авторских отступлений указанных повестей подтверждает это наблюдение. Если в центре присутствует система давящих индивидуальность моральных норм, «неволя душных городов», здесь она еще отсутствует. И, таким образом изображаемая свобода диких народов у романтиков сближает их с цивилизованными читателями как некое общее прошлое, как возвращение к «своему» для всех народов.

Романтические повести А. А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур» и «Серный ключ» Н. А. Дуровой углубляют свободолюбивые идеи при описании традиционно романтизированного вольного Кавказа и Калмыкии. Своеобразие поэтики Марлинского заключается в том, что он пробовал себя и как «документалист» Кавказа, и как художник. В основу сюжета своих повестей романтики кладут трагическую любовную историю возвышенных персонажей, гонимых «толпой». Не случайно во многих эпизодах бестужевской повести мы наблюдаем скрытые цитаты и аллюзии к романтической прозе А. С. Пушкина.

Оценочная шкала Бестужева усложняется. Искренне восхищаясь древними традициями, песнями и праздниками седого Дербента, он фиксирует со скрытой иронией и отжившие обычаи, приносящие прибыль представителям власти и духовенства, но ослепляющие простых горожан, как, например, обычай вызова дождя.

Характерно для запросов своего времени, что Бестужев-Марлинский главную свою заслугу видел в утверждении востребованного этнографического направления в русской литературе. Показательно, что глава критики Белинский отказал писателю-романтику в этой заслуге, подчеркнув романтическую «стандартность» его образов и сюжетных ходов: «Всего страннее в г. Марлинском, что он с удивительною скромностью <...> сознался в <...> грехе, в котором он не виноват ни душою, ни телом: в том, что будто бы он своими повестями отворил двери для народности в русскую литературу: вот что уж неправда! Его Аммалатбек, его полковник В**, его герой “Страшного гаданья”, его капитан Правин – все

они родные братцы <...>. Только разве первый из них немного отличается от прочих своим азиатским колоритом» («Литературные мечтания»).

Но критик высоко ставил в повести Бестужева-Марлинского те черты, которые отличают представителей этнографического направления: «Впрочем, в его повестях встречаются иногда места истинно прекрасные <...>, таково описание <...> простонародного Мефистофеля <...>, таковы многие картины, снятые с природы <...>. Он смеется над своим стихотворством; но мне перевод его песен горцев в “Аммалат-беке” кажется лучше всей повести: в них так много чувства, так много оригинальности, что и Пушкин не постыдился бы назвать их своими».

Хотя Н. А. Дурова как автор второго ряда во многом подражает Бестужеву в создании романтического сюжета, оригинальность и ценность ее произведения, как и повести Е. Ган, состоит в педалировании темы свободы женщины, борьбы героини за свое счастье. Эта тема становится еще одной связующей «своих» и «чужих». Актуальность осознания подчиненного положения женщины усиливается, начиная с 1830-х гг.; «женский вопрос» станет одной из центральных тем «натуральной школы» сороковых годов.

Итак, непрерывно развивающиеся характерные черты этнографической прозы, выделенные современными исследователями (А. Фокеев, В. Соколова, Л. Сарбаш), можно встретить во всех рассмотренных произведениях 1830-х гг.: этнография и фольклор как элементы культуры и быта, элементы народознания как отражение национального мирозерцания, бытовая живопись: быт и среда, образцы народной поэзии, повседневные условия и социальные реалии, колорит местности.

Перспективы дальнейшей работы над темой связаны с обращением к русской этнографической прозе 1840-1900-х гг. Заданные литературой 1830-х гг. художественные тенденции получают развитие в очерках П. И. Мельникова-Печерского («Очерки Мордвы»), Д. Н. Мамина-Сибиряка («Баймаган», «Лебедь Хантыгая», «Слезы царицы»), Ф. Д. Нефедова («Зигда», «Ушкуль»), Н. Д. Телешова («Живой камень»), Н. Г. Гарина-Михайловского («Зора»), А. М. Федорова («Степь сказалась»), М. Горького («Немой») и других.

Список использованной литературы

1. Алексеев, М.П. Этюды о Марлинском / М.П. Алексеев. - Иркутск: Ирк. ун-т, 1928 (тип. изд. "Власть труда"). – 64 с.
2. Алексеев, П.В. Русский романтический ориентализм: принципы и проблемы исследования / П.В. Алексеев // Филология и человек. – 2013. – №4. – с.18.
3. Анненков П. В. Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году // Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки. СПб.: [б.и.], 1879. 283 с.
4. Багалеи, Д.И., Сумцов, Н.Ф., Бузескул, В.П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования / Д.И. Багалеи, Н.Ф. Сумцов, В.П. Бузескул. – Харьков: Типография Адольфа Карре, 1906. – 329 с.
5. Базанов, В. Г. Русские революционные демократы и народознание/ В.Г. Базанов. – Ленинград : Сов.писатель: Ленингр. отд-ние, 1974. – 558 с.
6. Базанов, В.Г. От фольклора к народной книге / В. Г. Базанов. - 2-е изд. - Ленинград : Худож. лит.: Ленингр. отд-ние, 1983. - 342 с.
7. Бакаева, Э. П. Сакральные коды культуры калмыков / Э.П. Бакаева – Элиста: «ИКИАТ», 2009. –159 с.
8. Бахтикиреева, У.М. Упуская время, жил счастливо...: Памяти Георгия Дмитриевича Гачева // Deutsche Allgemeine Zeitung. 2008. 4 апреля: [Электронный ресурс].URL:<https://daz.asia/ru/upuskaya-vremya-zhil-chastlivo/> (дата обращения 10.08.2022).
9. Бахтикиреева, У.М. Феномен Георгия Дмитриевича Гачева / У.М. Бахтикиреева // Национальные образы мира в художественной культуре: материалы Междунар. науч. конф. – Нальчик: изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. – 728 с.
10. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979 – 423 с.

11. Белинский, В. Г. Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине. 1843-1846 // Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 7 / В. Г. Белинский. М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 97 – 582.
12. Белинский, В. Г. Вступление к «Физиологии Петербурга», составленной из трудов русских литераторов, под ред. Н. Некрасова / В. Г. Белинский // Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 8 / В. Г. Белинский. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 375 – 384.
13. Белинский, В.Г. Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе) / Белинский В. Г. //Собр. соч. В 9 т. Т. 2. / Белинский В.Г. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 119 – 148.
14. Бессараб, М.Я. Владимир Иванович Даль / М.Я. Бессараб. – М.: Московский рабочий, 1968. – 264 с.
15. Бестужев-Марлинский, А. А. Письмо к доктору Эрману /Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: в 2 т. — М., 1958.Т. 1. — С. 234-251.
16. Бестужев-Марлинский, А.А. О романтизме. / Бестужев-Марлинский А.А. // Собр. соч. В 2 т. Т. 2. / Бестужев-Марлинский А.А. – М.: Художественная литература, 1981, – С. 465 – 470.
17. Бестужев-Марлинский, А.А. «Клятва при гробе господнем. Русская быль XV века». Сочинения Н. Полевого. М. 1833. / Бестужев-Марлинский А.А. // Собр. соч. В 2 т. Т. 2. Бестужев-Марлинский А.А. – М.: Художественная литература, 1981, – С. 412 – 464.
18. Бестужев-Марлинский, А.А. Мулла-Нур / Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. Спб: Наука, 1995. – С. 185-288.
19. Берг Л. С. РГО за сто лет. М. – Л.: Изд-во Академии наук, 1945. 263 с.
20. Борисова, Е.Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология-лингвистика-перевод : дисс. ... д-ра фил. наук: 10.02.04 / Борисова Елена Борисовна. – Самара, 2010. – 383 с.
21. Болюх, Е.И. Жанровое своеобразие художественной прозы Надежды Андреевны Дуровой: дисс. канд. фил. наук: 10.01.01. / Болюх Екатерина Ивановна. – Тверь, 2001. – 160 с.

22. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.3. Время мира / Фернан Бродель; пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Прогресс. – 1992. – 681 с.
23. Валиханов, Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. / Ч.Ч. Валиханов. – Алма-Ата, 1985. – 2 т.
24. Вестник Европы, – Москва: Университетская типография, – 1820. Ч.114.
25. Вяткина, Е.А. Калмыцкое предание о любви в повести Елены Ган «Утбалла» // «Давид Кугультинов – поэт, философ, гражданин». Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию Д. Н. Кугультинова 10-14 апреля 2012 г. / – Элиста: КГУ, 2012. – С. 87 – 89.
26. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира: Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский / Г. Д. Гачев. – М.: Советский писатель, 1988. – 445 с.
27. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия) / Г.Д. Гачев. – М.: Издательский сервис, 2002. – 780 с.
28. Гачев, Г.Д. Ментальности народов мира / Г.Д. Гачев. – М.: Эксмо, 2008. – 365 с.
29. Гасанова З.И. Кавказский горский менталитет в изображении русской литературы XIX века: автореф. дисс. ... канд. фил. наук:10.01.01. / Гасанова Залина Ибрагимовна. – Махачкала, – 2009. – 23 с.
30. Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений в 14 томах. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937—1952. /Гоголь Н.В. Т. 6. 992 с.
31. Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.] / Н. В. Гоголь. — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937—1952.
32. Горький, А.М. История русской литературы / А. М. Горький. – М.: 1939. – 352 с.
33. Головнёв, А.В. Феномен колонизации / А.В. Головнев. – Екатеринбург: УрО РАН. – 2015. – 592 с.
34. Горелов, А. А. Введение // Русская литература и фольклор (конец XIXв.) – Л.:Наука, Ленинградское отделение, – 1987. – 367 с.

35. Горюшкин, Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.) / Горюшкин Л.М.; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии; отв. ред. Ковальченко И.Д. – Новосибирск: Наука, – 1976. – 342 с.
36. Гречаная Е. П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797-1825) / Е. П. Гречаная ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред. А. Д. Михайлов. - М. : ИМЛИ, 2002. – 317 с.
37. Григорьев, А. Литературная критика / А. Григорьев. – М.: Худож. лит., – 1967. – 646 с.
38. Гундова, О.Е. Образ казахского народа и казахской степи в «Описании киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» А.И. Левшина / О.Е. Гундова // Известия Алтайского государственного университета. –2020. – №2(112). – С. 29.
39. Гусев, В. Судьба А. Бестужева / В. Гусев // Память и стиль. М.: Советский писатель, 1981. – 352с.
40. Гуляев, Н. А. Литературные направления и методы в русской и зарубежной литературе XVII - XIX веков: книга для учителя / Н. А. Гуляев. – М.,: Просвещение, 1983. – 142 с.
41. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Иностранных и национальных словарей, 1955 - 1956 г. – 2716 с.
42. Даль, В. И. Полн. собр. соч.: в 10 т. / В. И. Даль. – СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, – 1897-1898.
43. Даль В.И. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т.5. / В. И. Даль.– СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, – 1897-1898.
44. Даль В.И. Бикей и Мауляна. / В.И. Даль. Полн. собр. соч. в 10 т. Т.7. – СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, – 1897-1898. С. 233-237.
45. Даль, В.И. Повести, рассказы, очерки, сказки. / В. И. Даль (Казак Луганский); сост. Л. П. Козлова и В. П. Петушков. – М.; Л.: Гослитиздат: Ленингр. отд-ние, 1961. – 463 с.

46. Даль В. И.: Оренбургский край в художественных произведениях писателя/ сост. А. Г. Прокофьева, Г. П. Матвиевская и др. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2001. 416 с. С. 105
47. Даль, В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. / В.И. Даль. – М.: изд-во «Аргументы недели». – 2017. – 164 с.
48. Дамешек, Л.М., Дамешек И.Л. Нормативные акты как источник изучения окраинной политики самодержавия в России в начале XIX – XX в / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек И.Л. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2013. – № 2(5) – С.6-16.
49. Дамешек, М.И., И.Л. Дамешек. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX веков: учеб. пособие / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, – 2015. –223 с.
50. Дамешек, Л.М. Окраинная политика империи и методы инкорпорации коренного населения сопредельных территорий России XVIII – начала XX в / Л.М. Дамешек // Изв. Иркут. ун-та. Сер. История. – 2016. – Т.17. С.35-47.
51. Дамешек, Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.) / Л.М. Дамешек. – Иркутск: изд-во «Оттиск», 2018 – 456 с.
52. Добролюбов, Н.А. Полн. собр. соч. в 6 т. Т.5 / Н.А. Добролюбов. – [М.,-Л.]: Спб: товарищество Просвещение, 1911. – 453с.
53. Дуброва, Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии / Я.П. Дуброва. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1998. – 263 с.
54. Дурова, Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы / Н.А. Дурова. – М.: Моск. рабочий, 1983. – 374 с.
55. Евстратов, А.Н. Путевые очерки В.Г. Короленко в литературном процессе конца XIX века / А.Н. Евстратов.– Уральск: изд. Центр ЗКГУ им. М. Утемисова, 2012. – 127 с.
56. Жирмунский, В. М. Байрон и Пушкин / В.М. Жирмунский. – Л.: «Наука», 1978. – 425 с.
57. Жирмунский, В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Ленинград: «Наука», 1979. – 497 с.

58. Житецкий, И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884—1886 гг. / Известия Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Т. LXXVII, вып. 1; Труды Этнографического Отдела. Т. XIII, вып. 1. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1893. II. 73 с.
59. Замятин, Д. Н. Географические образы путешествий // Гуманитарная география. Альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин и др. Вып. 1. М.: Инс. Наследия, 2004. – 431 с.
60. Земсков, В.Б. Образ России «на переломе» времен / В.Б. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. 25 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/article> (дата обращения).
61. Иванов, Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 7: Из истории науки. Кн. 1 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т теории и истории мировой культуры. – Москва: Знак, 2010 – 720 с.
62. История русской литературы. Т. 6. Литература 1820-1830-х годов. / Под ред. Д.Д. Благой, Б.П. Городецкий, Б.С. Мейлах // М.: Изд. Акад. Наук СССР, 1953. – 612 с.
63. История русской литературы XIX века. 40-60-е годы: учебное пособие для вузов / Под ред. В.Н. Аношкиной, О.Д. Громовой. – 3-е изд., испр. – М.: Изд. Оникс, 2006. – 512 с.
64. История русской литературы: В 3 т./ИМЛИ; ИРЛИ; Гл. ред. Д.Д. Благой. – М.;Л.: АН СССР. Наука, 1958–1964. Т. 2. Литература первой половины XIX века / Ред. кол.: А.М. Лаврецкий и др. – М.; Л., 1963. – 918 с.
65. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. – Элиста: ГУ «Издат. дом «Герел», 2009. – Т. 3. – 752 с.
66. Казин, А.Л. Событие искусства: классика, модерн, постмодерн в пространстве русской культуры / А.Л. Казин. — СПб.: Российский институт истории искусств; Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. — 244 с.

67. Канкава, М.В. О влиянии В. Даля на стиль писателей этнографической школы / М.В. Канкава // Поэтика и стилистика русской литературы. – Л., 1971. – С. 174-180.
68. Киреевский, И. В. Литературно-критические статьи, художественные произведения и собрание русских народных духовных стихов / Полн. собр. соч. В 4 т. Т. 2. / Сост. и комм. А. Ф. Малышковского. 2020, ISBN: 978-5-532-05237-6
69. Кореневский А. В., Сень Д. В. Запад и Восток: власть (не)знания и право "говорить за чужого" // НП/НР. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapad-i-vostok-vlast-ne-znaniya-i-pravo-govorit-za-chuzhogo> (дата обращения: 23.04.2022).
70. Кулешов, В.И. Александр Бестужев-Марлинский / В.И. Кулешов. Вступ. статья // А.А. Бестужев-Марлинский. Соч.: в 2 т.-М.: Худ. лит-ра, 1981. –Т1, 5-36.
71. Леруа-Болье, А. Колонизация у новейших народов / А. Леруа-Болье. – СПб.: изд-во журн. Всем. путешественник., 1877. – 512 с.
72. Левшин, А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / А.И. Левшин. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
73. Литературная газета, 1831г., №2, 3
74. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред А.Н. Николюкина. Институт науч. Информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
75. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М.Кожевникова, П. Николаева. - М.: Советская энциклопедия, 1987. – 750 С.
76. Лихачев, Д.С. О национальном характере русских / Д.С. Лихачев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. С. 3-6.
77. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. Об Искусстве. – СПб.: Искусство, 1998. – 285 с.
78. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре / Ю.М. Лотман. – СПб.: Изд. «Искусство», 1994. – 399 с.

79. Луков, Вл.А. Эволюция драматургического метода Эдмона Ростана: автореф. дисс. ...канд. фил: 10.01.05 /Владимир Андреевич Луков — Москва, 1975. – 58с.
80. Максимов, С.В. Литературные экспедиции / С.В. Максимов. – М.: Современник, 1986. – 423 с.
81. Манн, Ю.В. Поэтика русского романтизма / Ю.В. Манн. – М.: Наука, 1976. – 375 с.
82. Маймин, Е.А. О русском романтизме / Е.А. Маймин. – М.: Просвещение, 1975. – 237 С.
83. Мельников, П.И. В.И. Даль. Критико-биографический очерк / В.И. Даль // Полн. собр. соч. В 10 т. Т.1 / В.И. Даль. – СПб.; М.: Изд. Тов. М.О. Вольф, 1897. – С. I-XC.
84. Мизко, Н.Д. Столетие русской литературы / Н.Д. Мизко. – Одесса: Типография Л. Нитче, 1849, С. 317-318.
85. Михальская, Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв / Н.П. Михальская. – М.: МПГУ, -1995. -150 с.
86. Мустафина, Р.М. Русская литература на Кавказскую тему в критике В.Г.Белинского: автореф. дис...канд. филол. наук: 10.01.01 / Р.М. Мустафина. – Баку, 1991. – 24 с.
87. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. // Ответственные редакторы [С.Г. Агаджанов], В.В. Трепавлов. – М.: Славянский диалог, 1998. – 416 с.
88. Национальное государство: теория, история, политическая практика // Полис. – 1992. – №5/6. – С.31-36.
89. Нелидов, Ф.А. А.Н. Островский в кружке «молодого Москвитянина» / Ф.А. Нелидов // Русская мысль. –1901. –№3. – С. 229-264.
90. Николюкин, А.Н. Типология романтической повести / А.Н. Николюкин // О русской литературе. Теория и история. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – С. 143.
91. Нурбагандова, Л.А. Кавказская публицистика А.А.Бестужева-Марлинского: автореф. дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.01 / Л.А. Нурбагандова. – Махачкала, 2008. – 25 с.

92. Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты / Е.В. Дзюба С.А. Еремина, В.Ю. Миков, И.С. Пирожкова, А.И. Суетина, О.В. Томберг. / Под ред. Е. В. Дзюбы – Екатеринбург: Урал. гос. пед.ун-т., 2019. – 209 с.
93. Орехов, В.В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге) / В.В. Орехов. – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
94. Основы теории литературы: учебное пособие для студентов педагогических институтов / Л.И. Тимофеев. – М.: Просвещение, 1976. – 447 с.
95. Ощепков, А. Р. Имагология / А.Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение, 2010. – № 1. – С. 251—253.
96. Ощепков, А. Р. Образ России во французской литературе XIX в.: дисс. д-ра фил. наук: 10.01.01/ А.Р. Ощепков. – М., 2011. – 410 с.
97. Папилова, Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина/ Е. В. Папилова // Rhema. Рема. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-gumanitarnaya-distiplina> (дата обращения: 23.04.2022).
98. Переписка В. И. Даля и М. П. Погодина. Часть I / публ.А.А. Ильина-Томица // Лица: Биографический альманах. 2. – М.; СПб.: Феникс : Atheneum, 1993. С. 287 – 388.
99. Письмо И. И. Срезневского к А. И. Левшину. Харьков, 2 сентября 1833 г. / ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2649, л. 1 (об.).
100. Письмо А. И. Левшина к А. Г. Тройницкому. Деревня Пятая Гора, 10 октября 1838 г. «Русский архив», 1894, Т. I, стр. 584.
101. Полевой, К.А. Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого / К.А. Полевой. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1888. – стр. 137.
102. Поляков, О.Ю., Полякова, О.А. Имагология: теоретико-методологические основы / О.Ю. Поляков, О.А. Полякова. – Киров: Радуга-Пресс, 2013. – 162 с.
103. Пospelов, Г. Может ли быть романтизм без романтики? / Г. Пospelов // Вопросы литературы, 1964. – № 9 – С.111-118.

104. Проблемы современного сравнительного литературоведения / Под ред. Н. А. Вишневской, А. Д. Михайлова. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 96 с.
105. Приказчикова, Е.Е. Женщина на фоне наполеоновской эпохи: Социокультурный дискурс мемуарно-автобиографической прозы Н.А. Дуровой / Е.Е. Приказчикова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 256 с.
106. Пыпин, А. Н. История русской этнографии. В 4 т. Т. 1. Общий обзор изучения народности и этнография великорусская. / А. Н. Пыпин. - СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. – 424 с.
107. Пыпин, А.Н. История русской этнографии. В 4 т. Т.2. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская / А.Н. Пыпин. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. – 428с.
108. Пыпин, А.Н. Новейший этнографический стиль / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1877. №3. – С. 320
109. Пыпин, А.Н. О задачах русской этнографии / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1885. – С.784.
110. Рахманов, Б.Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века. Душанбе – 2020., 276 с.
111. Рахманов, Б.Р. Художественное своеобразие «восточной» повести в русской литературе первой трети XIX века (образы, тематика, первоисточники и проблемы перевода). Душанбе: РТСУ, 2016. – 314 с.
112. Репина, Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» / Л.П. Репина // Диалог со временем. – 2012. вып.39. – 9 -19 с.
113. Реслан, Г. Проблема восточного колорита в прозе А.А. Бестужева-Марлинского: автореф. дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.01/ Г. Реслан. – М., 2001. – 28 с.
114. Россия в литературе Запада: Коллективная монография / Отв. ред. В. П. Трыков. – Москва: МПГУ, 2017. – 252 с.
115. Русские писатели о Грузии: (О. Форш, Ю. Тынянов, В. Гольцев) / сост. М.С. Клдиашвили. –Тбилиси:Мицниереба, 1980. – 103 с.
116. Русские повести и рассказы. Полн. собр. соч. В 8 ч. Ч. 8. СПб.: тип К Винберга, 1838. 256 с.

117. Русская романтическая повесть /Сост. В.И. Сахарова // Москва: Сов. Россия, 1980. – 672с.
118. Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра / Под ред. Б.С. Мейлаха. – Л.: Наука, 1973. – 565 с.
119. Русская литература и фольклор (Первая половина XIX века) / Под.ред. А.А. Горелова, А.Д. Соймова. – Л.: Наука, 1976. – 456 с.
120. Рычков, П. И. Топография Оренбургская, то есть Обстоятельное описание Оренбургской губернии / П. И. Рычков. - СПб: Императ. акад. наук, 1762. - Ч. 1-2.
121. Рычков, П.И. «История оренбургская», «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» / СПб 1759.; Доношения И. К. Кирилова из Оренбургской экспедиции. 1734–1735 гг.
122. Саитова, З.Р. Проблема национального характера в прозе Н.С. Лескова: дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.01 / Саитова. – Бирск, 2007. - 177 с.
123. Сарбаш, Л.Н. Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX века: Проблематика и поэтика: дисс. д-ра фил. наук: 10.01.01 / Л.Н. Сарбаш. – Чебоксары, - 2013. - 516 с.
124. Сарбаш, Л.Н. Изображение жизни и верований народов Поволжья в русской литературе и публицистике XIX в. / Л.Н. Сарбаш. – Чебокасары: Изд. Чуваш. ун-та, 2012 – 402 с.
125. Северный архив. 1823.ч. VI №12 с.381-339; ч. VII. № 13. С.1-14; №14. С.101-120; №15. С. 163-188.
126. Северный архив. 1824. Ч.9. № 4.С.179-190.
127. Серова, М.И., Трехбратов, Б.А. Декабристы в кубанской ссылке / М.И. Серова, Б.А. Трехбратов. – Краснодар: Изд. «Традиция», 2008. – 256 с.
128. Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.): сборник научных статей / отв. ред. Л. Р. Павлинская. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. — 299 с.
129. Сизова, М.А. Жанр «светской повести» в русской литературе 1830-х годов: творчество Е.А.Ган : автореф. дисс. канд. фил. наук:10.01.01/ М.А. Сизова – Москва, 2007. – 23 с.

130. Словарь литературоведческих терминов / сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
131. Созина, Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века/ Е.К. Созина // Уральский вестник. – 2016, №1 – С.7-10.
132. Соколова, В.Ф. Народознание и русская литература XIX века / В.Ф. Соколова. – Могилев: Изд-во Мгу им. А.А. Кулешова, 2004. – 368 с.
133. Сочинения Зенеиды Р-вой. т.1., СПб.: тип. К. Жернакова, 1843г. – С. 87-255 с.
134. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культур 2-изд., испр. и доп. / Ю.С. Степанов. – Москва: Акад. проект, 2001. – 989 с.
135. Сухих, О.Е. Образ казах-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII- первой половине XIX века: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / О.Е. Сухих. – Омск, 2007. – 258 с.
136. Токарев, С.А. История русской этнографии / С.А. Токарев. - М.: Наука, 1966. – 453 с.
137. Токарев, С.А. Истоки этнографической науки /С.А, Токарев. – М.: Наука, 1978. – 167 с.
138. Трыков, В.П. Французский литературный портрет XIX века: автореф. дисс. ... д-ра фил. наук. – Москва, 1999. – 58с.
139. Тургенев, И.С. Повести, сказки и рассказы Казака Луганского / И.С. Тургенев // Отечественные записки. – 1847. – № 1. – С. 72-78.
140. Умарова, Г.С. В.И. Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах. –Уральск: Редакционный центр ЗКГУ им. М. Утемисова, 2012, – 305 с.
141. Ушаков, В.А. Киргиз-кайсак в 2-х ч. / Ушаков В.А. Изд 2. М.: тип. Н. Степанова, 1835. – 1 ч -234с.; 2 ч. - 239 с.
142. Фесенко, Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция / Ю. П. Фесенко. – Луганск; СПб.: Альма-матер, 1999. – 262 с.
143. Фетисов, М.И. Литературные связи России и Казахстана 30-50-е годы XIX века / М.И. Фетисов. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. – 383 с.

144. Филатов, А.В. Ссылка и каторга в Российском имперском законодательстве XVI – начала XX века (Обзор). Вестник НГУ. 2008. Т.7. вып.1: История. С.123. Новосибирск.
145. Фокеев, А.Л. Литературная школа писателей – этнографов / А.Л. Фокеев. – Саратов, 1994. – 72 с.
146. Фольклор и историческая этнография / Сб. ст. – М.: Наука, 1983. – 261 с.
147. Фокеев, А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: Истоки, тип творчества, история развития: дис. д-ра. фил. наук: 10.01.01 / А.Л. Фокеев. – Москва, 2004. – 516 с.
148. Хабибуллина, Л.Ф. Миф о России в современной английской литературе /Л.Ф. Хабибуллина. – Казань: Казанский ун-т, 2010. – 206 с. С.123.
149. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2002, – 438 с.
150. Ханинова, Р.М. Портрет калмычки с трубкой в аспекте имагологии: лирика Михаила Хонинова / Р.М. Ханинова // Вестник КИГИ РАН. – 2008. – №1. – 144-148 с.
151. Ханинова, Р. М. Что значит «Утбалла»? О символике цветов в повести Елены Ган / Р.М. Ханинова // Изв. Калмыкии. – 2011. – 20 авг. – 3-7 с.
152. Хорев, В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки / В.А. Хорев.– М.: Изд-во Индрик, 2005. – 231 с.
153. Хорев, В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями: (Очерки) / В.А. Хорев. – М.: Издательство «Индрик», 2012. – 240 с.
154. ЦГИАЛ. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73. Л. 36 – 36 об.
155. Цейтлин, А.Г. Становление реализма в русской литературе / А.Г. Цейтлин. – М.: Наука, 1965. – 322 с.
156. Черноземова, Е.Н. Система жанров английской драматургии 80-90-х годов XVI века: автореф. дисс. ... д-ра фил. наук:10.01.01/ Е.Н. Черноземова. – Москва, 1995. – 58 с.
157. Чистов, К.В. Фольклор и этнография / К.В. Чистов. – Л.: Наука, 1970. – 322 с.
158. Шараева, Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – нач. XX в.)

- / Т.И. Шараева. – Элиста: НПП «Джангар», 2011. – 223 с.
159. Шейман, Л.А. Пушкин и киргизы. / Л.А. Шейман. – Фрунзе: Изд-во Киргизучпедгиз, 1963. – 143с.
160. Шорэ. Э. Елена Ган – русская Жорж Санд? // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э Шорэ, К. Хайдер, Г. Зверевой. – М.: РГГУ, 2009. – С. 498-521
161. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона – СПб: Том XXV (49).
162. Эмирова, Л.А. Кавказская проза А.А. Бестужева-Марлинского проблемы русского менталитета в евразийском диалоге культур: автореф. дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.01 / Л.А. Эмирова. – Махачкала, 2002. – 25 с.
163. Юган, Н.Л. В.И. Даль и русская литература 30-60-х гг. XIX в. / Н.Л. Юган. – Луганск: ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», – 2011. – 400 с.
164. Юган, Н.Л. Инонациональная этнография в творчестве В.И. Даля как этап развития русской литературно-этнографической школы / Н.Л. Юган //Науч. Вестн. Междун. гум. ун-та. Сер. Филология. – 2015. №19, С.76-80.
165. Elisabeth Cheaure: Elena Can — die russische George Sand? In: Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. Hrsg. von Ingeborg Ohnheiser. Innsbruck. 1996, P. 307-318.
166. CLAY C. Russian ethnographers in the Service of Empire, 1856-1862 // Slavic review. – Chicago, 1995/-Vol.54, no.1, P. 46-61.
167. Guyard M.-K La litterature comparee. – Paris, 1951. – P. 119 .
168. Leerssen J. Imagology: On using ethnicity to make sense of the world // Iberic@l, Revue d'études ibériques et ibéro-américaines. — 2016. — № 10. — P. 13–31.
169. Leerssen J. Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey. Amsterdam, 2007. 294 p.
170. Der Kirgis-Kaissak. Erzählung von W.Uschakov. Aus dem Russ. Übers.v. E. Goldhammer. Leipzig, 1834.

ВТОРНИКЪ. **ТОМЪ III, № 2.** ЯНВАРЯ 6го.
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
 чрезъ
 каждыя шесть дней.

1831 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
 состоящему изъ 72-хъ
 №, въ С. П. б. 35 руб.
 съ пересылкой и разно-
 ской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвертокъ), — 6-го (въ Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ), и 31-го (въ Субботу).

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

о Киргизъ-Кайсацкихъ или Киргизъ-
 Козачьихъ Ордахъ.

(Выписки изъ большаго сочиненія (*).

ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.

Образъ жизни Киргизовъ есть живая картина вре-
 менъ патриархальныхъ. Видъ цѣлаго народа пасущаго
 стада и живущаго почти только для своихъ стадъ,
 селеній или ауловъ, мгновенно исчезающихъ и на другихъ
 мѣстахъ опять вновъ являющихся; простота и бли-
 зость сего состоянія къ природѣ, имѣющъ много зами-
 рательнаго и пріятнаго для глазъ Романиста и

Поэта. Люди съ воображеніемъ пылкимъ могутъ, гля-
 дя на Киргизовъ, представлять себѣ безпечныхъ па-
 стуховъ счастливой Аркадіи, или спокойныхъ совре-
 менниковъ Авраамовыхъ; могутъ мечтать о минномъ
 блаженствѣ людей, незнакомыхъ съ пороками, царствующи-
 ми въ большихъ городахъ; могутъ искать у нихъ
 предметовъ для эллога и идиллій. Но хладнокровный
 Путешественникъ видитъ въ нихъ только полудикихъ
 и сравниваетъ ихъ съ Геродотовыми Скивами, Чинги-
 совыми Монголо-Татарами, нынешними Бедунами,
 Курдами, жителями береговъ Енисея, Готтентотами,
 и другими подобно имъ грубыми племенами Азии и Аф-
 рики.

И дѣйствительно, Киргизскія Орды много сходству-
 ютъ съ ними нравами и образомъ кочевой жизни, не-
 обходимымъ для прокормленія многочисленныхъ стадъ,
 за конми онѣ слѣдуютъ съ подвижными домами своими
 изъ одного мѣста въ другое.

Жилище Киргиза есть *кибитка* или *юрта*, то есть
 со всѣхъ сторонъ округленная палатка, состоящая
 изъ деревянныхъ рѣшетокъ, покрытыхъ войлоками, и
 имѣющая сверху надъ самою серединою большое круглое
 отверстіе, по произволу открываемое и закрываемое:
 въ него проникаетъ свѣтъ и выходитъ дымъ, когда
 разводять въ кибиткѣ огонь. Вышина такихъ *юртъ*,
 совершенно сходныхъ съ Калмыцкими, простирается
 отъ 4 до 8 аршинъ; діаметръ отъ 8 до 15 и болѣе.
 Рѣшетчатые стѣны онѣхъ привязываются волосяны-
 ми веревками ко вбитымъ въ землю кольямъ; двери
 бываютъ деревянныя рѣзныя, съ разными украшеніями
 и вставленными въ нихъ разноцвѣтными косячками;

(*) Сія статья, равно какъ и та, которая будетъ помѣще-
 на въ слѣдующемъ № Литературной Газеты, почерпнуты изъ
 большаго сочиненія о Киргизъ-Кайсакахъ. Почтенный Ав-
 торъ (А. И. Левинъ) долго путешествовалъ по Киргизской
 степи, и собралъ всѣ возможные свѣдѣнія о народѣ, кочующемъ
 по ней. Любопытное свое сочиненіе раздѣлитъ онъ на три
 части: первую дѣлъ посвященъ топографическому обзорно
 мѣстъ, обитаемыхъ кочевыми Киргизъ-Кайсаками, и истори-
 ческимъ разсказамъ о семъ народѣ; вторую заключаетъ въ
 себя этнографическія свѣдѣнія о его нравахъ, обычаяхъ, вѣрѣ, и
 пр. и пр. Лестное доверіе Автора позволило намъ описать
 съ его сочиненіемъ: рукопись его была у насъ въ рукахъ нѣ-
 сколько времени, и мы смѣло скажемъ, что у насъ рѣдко по-
 являлся книжъ, столь богатыя ученными изысканіями, столь за-

юсть непроницаемость юрты отъ пыли и сора. Кибитки проспыхъ Киргизовъ обыкновенно дѣлаются изъ войлоковъ *спрыхъ*; знатные и богатые употребляютъ для сего бѣлые войлоки; а у нѣкоторыхъ сильныхъ Султановъ, Средней и Большой Орды, юрты бывають обиты краснымъ сукномъ и подобны шелковыми тканями. Въ противоположность послѣднимъ, самые бѣдные вмѣсто войлоковъ покрываютъ жилища свои рогожами, дерномъ и камышемъ.

Часы кибитки, противоположную дверямъ, обыкновенно занимають сундуки, покрытые коврами; на нихъ кладутся халаты, шубы и другія одежды; по сторонамъ развѣшиваются сабли, ружья, луки со стрѣлами, съда, конская збруя, порошницы и разные снаряды; также утиральники или полотенца, чайники, кубинны, шуретки, (кожаные мѣшки), иногда конченны лошадины ноги и мясо. На полу (разумѣется земляномъ), устланномъ коврами, или войлоками, стоятъ большія чаши, котлы, деревянные изголовья, на которыхъ кладутъ подушки, и особаго рода ящики, съ разными украшениями, въ коихъ держатъ мѣшки, наполненные *кумызомъ*.

Снимая и вновь разбивая шакую кибитку въ полчаса времени, Киргизъ перевозитъ ее лѣтомъ на верблюдовъ, гдѣ находятъ для скота своего достаточный кормъ и воду. Слѣдовательно, отъ зависить отъ спадъ и шабуновъ своихъ болѣе, нежели отъ чего нибудь. Частное и подробное описаніе ихъ скотоводства предложимъ мы послѣ; между тѣмъ должны впередъ сказать, что на семь записей основаны почти все обязанности и общественыя отношенія его, такъ что съ какой стороны ни взглянемъ на него, вездѣ увидимъ въ немъ вооруженнаго пастуха, и найдемъ источникъ болѣе частны какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ его дѣйствій въ охотѣ и привычкѣ къ скотоводству.

Безпрерывные переходы или перекочевки Киргизъ-Козаковъ съ мѣста на мѣсто, нисколько не кажутся имъ тяжкими; напротивъ они находятъ въ оныхъ одно изъ первыхъ удовольствій, и начинаютъ себя считать счастливыми, что не привязаны къ землѣ.

Лѣтомъ кочевая жизнь дѣйствительно имѣетъ много пріятностей; но зимою она ужасна. Тогда занесенные со всехъ сторонъ сѣвными сугробами и дрожаще отъ восточнаго холода, жители степей Киргизскихъ почти не выходятъ изъ кибитокъ своихъ, и, сидя безпрестанно у огня (*), съ одной стороны страдаютъ

всѣмъ въ немъ укрывающимися. Между тѣмъ нагнѣвши выходяють изъ-подъ войлоковъ, или овчинъ, копорыми они обыкновенно бывають нагрѣты, и садясь въ горячую золу, обжигаютъ себя руки или ноги, и вопли ихъ раздрають слухъ.

Въ зиму отъ всехъ бѣдствій и непріятностей зимы, Киргизы стараются проводить зиму въ лѣсахъ, въ камышахъ, между буграми, или въ пескахъ южной части степи.

Сказавъ выше, что какъ *зимыя*, такъ и *лѣтнія* кочевья ихъ не могутъ быть ни точно опредѣлены, ни всегда сохраняемы одними жилищами, мы прибавимъ, однако жъ, что они довольно постоянно возвращаются на первыя. Это потому, что не всегда можно найти необходимыя для зимняго кочевья выгоды, и что въ среднѣ зимы глубокіе снѣга не позволяютъ перемѣнять мѣстъ.

Принимъ, нѣкоторые Киргизы, особенно изъ кочующихъ при границѣ нашей, осенью заготовляютъ сѣно, дѣлають для скота землянки, и городятъ, гдѣ можно, плетни для защиты отъ вѣтра, особенно Сѣвернаго.

Теря много отъ морозовъ и бурановъ, Киргизъ-Козаки всегда съ восхищеніемъ встрѣчаютъ весну. Большую часть лѣтнихъ дней просыпають, или пьютъ кумызъ, почти не употребляя мяса; а по почамъ собираются вмѣстѣ, пируютъ и разсказываютъ другъ другу сказки, или слушаютъ музыкантовъ, играющихъ на чибызѣ, кобызѣ, или балабайкѣ.

Самымъ лучшимъ временемъ года считается у нихъ осень. Тутъ совершаютъ они отдаленнѣйшія путешествія (*); тутъ бывають празднества; тутъ же по большей части производятся и баранья, коимъ тогда опосредствуетъ темнота ночей и достаточная тучность лошадей для выдержанія быстрыхъ и болѣе нѣжныхъ перегоновъ.

Киргизы рѣдко кочуютъ большимъ числомъ въ одномъ мѣстѣ, ибо спадая ихъ тогда бываетъ тѣсно; но составляютъ общества изъ нѣсколькихъ семействъ, связанныхъ родствомъ или взаимными выгодами, и переходя вмѣстѣ съ одного кочевья на другое, не различающіе безъ особенныхъ причинъ. Таковое подвижное селеніе называютъ они *аулъ*; количество кибитокъ въ ономъ зависить отъ случая.

Нѣкоторые живутъ въ Хивѣ, Бухарѣ, Китайскихъ владѣніяхъ, Ташкентѣ, Кокандѣ, и имѣють тамъ свои дома, земли, сады (**); но число ихъ очень невелико.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

ТОМЪ III, № 3.

ЯНВАРЯ 11го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходить
черезъ
каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№, въ С. П. б. 55 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвертокъ), — 6-го (во Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ), и 31-го (въ Субботу).

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

о Киргизъ-Кайсацкихъ или Киргизъ-Козачьихъ Ордахъ.

(Вторая выписка изъ соч. А. И. Левшина.)

ВѢРА И СУЕВѢРІЯ.

Какой вы веры? Спросилъ я однажды двухъ Киргизъ-Козаковъ. «Не знаемъ», отвѣчали они. Опытивъ сей услышаніе отъ большей части ихъ соотечественниковъ. И въ самомъ дѣлѣ трудно рѣшить, что такое Киргизы: Магомешане, Манихейяне (*), или язычники!

Всѣ они вообще имѣютъ понятіе о Высочайшемъ Существомъ, сотворившемъ міръ; но одни поклоняются Оному по законамъ Корана; другіе смѣшиваютъ ученіе Исламизма съ остатками древняго идолопоклонства; третьи думаютъ, что кромѣ Божества благого, пекущагося о счастьи людей, и называемаго ими *Кудай*, есть злой духъ, или *Шайтанъ*, источникъ зла (**). Сверхъ того Киргизы признаютъ существованіе многихъ другихъ духовъ; вѣра въ колдуновъ, ворожеевъ. Однако же изъ всѣхъ частей сего смѣшенія различныхъ исповѣданій, преимущественно предъ прочими обнаруживается Магомешанское (***) ; и хотя свое совѣтъ

не производить въ Козачьихъ Ордахъ того фанатизма, которымъ одушевлены прочіе Мусульмане; но они увѣрены, что люди, не чтущіе ихъ пророка, суть невірныя (*кафиры*), которыхъ можно мучить и противъ которыхъ должно употреблять оружіе. Киргизы такого мнѣнія не только о Христіанахъ, Ламаицахъ, или народахъ всякаго другаго исповѣданія, но даже о Магомешанхъ *Шитскаго толка*: ибо сами себя причисляютъ къ *Суннитамъ*, или лучше сказать, не понимая сего различія, знаютъ только, что Турки, Татаре, Бухарцы, Хивинцы и другіе сосѣди, одинакаго съ ними вѣроисповѣданія; а Персіанъ и прочихъ учениковъ Али почитаютъ раскольниками. По сей-то причинѣ ни одинъ Суннитъ не можетъ быть рабомъ въ Киргизскихъ Ордахъ; а Шиты, Христіанитъ и Калмыкъ, взяты въ плѣнъ, продаются и содержатся одинаково.

Одно изъ главнѣйшихъ правилъ Корана, соблюдаемыхъ Киргизами, есть многоженство. Они весьма усердно слѣдуютъ оному, когда достаютъ позволеніе имъ плащитъ за женъ установленный народными обычаями *Калымъ*.

Постовъ и омовеній, весьма благоразумнаго поспашовленія Магомешова, Киргизы не соблюдаютъ; молившись по пяти разъ на день, находятъ они для себя труднымъ; мечетей и избранныхъ изъ среди себя Муллъ не имѣютъ. Иногда молитвы читаются стариками въ присутствіи многихъ, стоящихъ около нихъ на колыняхъ; но по большей части всякой молился, когда и гдѣ хочеть. Нѣкоторые же совѣтъ никакихъ обрядовъ религіи не исполняютъ. Число усердныхъ *Мусульманъ* такъ рѣдко въ семь народѣ, что *Исламизмъ* совѣтъ бы въ немъ угаснулъ, если бы не поддерживали оного духовные, часто прѣзжающіе изъ Бухаріи, Хивы, Туркестана, и Муалы, опредѣляемые Россійскимъ Правительствомъ къ Ханамъ и родона-

(*) *Мансѣ*, основатель Манихейзма, признавалъ, что міръ управляется двумя равнотѣльными началами: *добрымъ* и *злымъ*.

(**) *Шайтанъ*, *Сатанъ* (у Евреевъ), *Аристанъ* (у Маговъ) и *Элисъ* (у Магомешанъ), есть одно и то же.

(***) Незавѣстно, когда сдѣлалась Магомешанская религія общено у Киргизовъ; но знаемъ, что Кучукъ, послѣдній Ханъ Сибирскій, принесть въ Сибирь изъ Козачьей орды и утвердившись на престолѣ, поощрялъ началъ обращать новыхъ подданныхъ своихъ въ вѣру Магомешанскую, которую самъ исповѣдывалъ, и для разпространенія которой онекъ его *Муртаза* прислалъ

чальникамъ, для исправленія при нихъ должности писемоводителей. Сильные Султаны сами навиваютъ пакки секретарей, и они, будучи единственными толкователями Корана, заключающаго въ себѣ и гражданскіе законы, дѣлаются судьями и совѣтниками правителей народныхъ. *Хаджи*, т. е. посѣтившіе Мекку и подобные имъ святоши, объѣзжал Орды Киргизскія, обогащаясь въ нихъ совершеніемъ богослуженій, гаданіемъ по Алкорану, предсказаніями и продажей талисмановъ, или писанныхъ молитвъ, которыхъ, какъ сказали мы выше, пришиваются въ сумочкахъ къ плащю и по суевѣрному мнѣнію Киргизъ-Козаковъ, дѣлають ихъ непобѣдимыми, сохраняють отъ ранъ и нападений, удерживають на предпріятіи нуты, не позволяють сбиваться съ оного, и избавляють отъ всякихъ золъ.

Едва ли кто нибудь изъ Киргизъ-Козаковъ былъ въ Меккѣ; но они почищаютъ Туркестанъ святымъ мѣстомъ, и многіе изъ нихъ, особливо изъ кочующихъ близъ сего города, ѣздятъ въ оный для поклоненія гробу Святаго Кара-Ахмента Ходжи, чрезвычайно ими уважаемаго. Кромѣ сего, по ихъ мнѣнію, многія могилы, въ степяхъ существующія, скрываютъ въ себѣ останки святыхъ (ава). Они ѣздятъ нмъ поклоняться, читають надъ ними молитвы, призываютъ ихъ, приносятъ имъ въ жертву скотъ, который нутъ же сами съѣдаютъ, и привязываютъ къ шрафъ, кушарникамъ, или вбитымъ въ землю колыямъ лоскуты, волосы и лепты^{*)}, полагая, что души святыхъ обитають надъ своими тѣлами въ листьяхъ счастливыхъ, и что онѣ нисходятъ на гробы свои при воззваніи къ нимъ. Равнымъ образомъ думаютъ, что и души всѣхъ прочихъ покойниковъ во время поминанія сходятъ на землю со звѣздъ, гдѣ пребываютъ онѣ, и гдѣ, смотря по роду жизни своей, онѣ находились у духовъ добрыхъ, или злыхъ; что, Киргизы полагають, также каждый день зависеть отъ особой звѣзды, счастливой или несчастливой; и отъ того они раздѣляютъ дни на благополучные и несчастные.

Для умалосниженія злаго духа читають молитвы, приносятъ ему жертвы, разкидываютъ оныя на всѣ стороны и потомъ, протягивая руки къ верху, заклипають его быть снисходительнымъ.

Усобишему, для полученія мѣсна въ Киргизскихъ Священныхъ, иногда бываетъ довольно того, чтобы надъ прахомъ его выросло какое нибудь большое дерево.

Между Киргизами являються и полусвятыя, или юродивыя, которые, не имѣя пропитанія, одѣваются въ изорванные рубища, ходятъ изъ одного аула въ другой, поютъ пронзительнымъ голосомъ молитвы, пред-

ставляють изъ себя вдохновенныхъ, дѣлають предсказанія и достигаютъ своей цѣли, то есть, поправляютъ свое состояніе, или по крайней мѣрѣ получаютъ нужное содержаніе. Нѣкоторые еще далѣе проспирають свои желанія, и, являясь подъ названіемъ пророковъ, собирають многочисленныя толпы послѣдователей. Такого рода люди показывались неразъ, и послѣдній изъ нихъ проповѣдывалъ въ Средней Ордѣ въ 1821 году; но недолго. Ни одинъ изъ сихъ проповѣдниковъ не выдалъ однако жъ новаго ученія, и не оспавилъ собой учениковъ.

Дабы имѣть самое убѣдительное доказательство суевѣрія почти всѣхъ Киргизовъ вообще и плутовства немногихъ, пользующихся онымъ, опишемъ ихъ колдуновъ и гадателей, которыхъ приписываютъ они силу не только узнавать прошедшее, настоящее и будущее, но производить холодъ, жаръ, бури, громъ, вѣтры, дождь, снѣгъ; излечивать всякаго рода больныхъ; отвращать грозящія бѣдствия; и все чрезъ знакомство съ духами.

Колдуны и гадатели раздѣляются на нѣсколько родовъ.

Многочислѣннѣйшіе называются *Джасурунги* или *Яурунги*; они гадаетъ по бараньимъ костямъ, которыхъ сначала очищаютъ отъ мяса, потомъ кладутъ въ огонь и жгутъ до тѣхъ поръ, пока онѣ обгорятъ и изпрекнутся. Въ пренціяхъ, такимъ образомъ произведенныхъ, видятъ они все на свѣтѣ; по нимъ разсказываютъ прошедшее и предвѣщаютъ будущее. Каппанъ Рычковъ, о которомъ говорено въ этомъ сочиненіи, описываетъ любопытное гаданіе одного Яурунги, произходившее при немъ у Хана Нурана, когда сей послѣдній пожелалъ знати: гдѣ находились Калмыки, бѣжавшіе изъ Россіи, и догонитъ ли ихъ посланное за ними войско нани? Вотъ его слова:

«По мнѣнію сего гадателя, все предбудущее изображалось нѣкими чертами на сожженной лонашкѣ; а потому разсмотрѣвъ ее съ задумчивостію и вниманіемъ, повѣдалъ сполна вокругъ него нижеслѣдующее: что въ полудни прошедшаго дня соединился съ Калмыками нѣкій невидимый духъ, именуемый *Авряхъ*. Онъ только возжегъ въ народъ великую робость и смущеніе пришествіемъ Россійскихъ войскъ: по въ полудни сего дня достигъ до нихъ другой *Авряхъ*, который произвелъ въ нихъ еще болѣе страху нѣкими ужасными предзнаменованіями, пріемлемыми ими за знаки предсудбы имъ гибели. Наконецъ вся судьбина ихъ должна зависѣть отъ пріятеля *Авряга*, который, если придетъ къ нимъ на другой день послѣ

«Хана, почитали истинным пророчеством. Легко предвидеть можно, что онъ самъ предсказаніемъ такимъ, имѣющимъ двойное толкованіе, всегда соблюдалъ народное почитаніе и вѣру: ибо если бы подлинно случилось съ Казмыками какое-либо несчастіе, слова перваго предсказанія показали сіе событіе: но когда случилось бы тому совсѣмъ противоположное, то онъ напомнилъ бы своимъ сусѣдамъ, что они спасены отъ напасти пришествіемъ пророка Авраама.»

Если Дельфійскій Оракулъ могъ давать подобныя отвѣты Грекамъ: то мудро ли, что и Джауручи пользующіе довѣріемъ Киргизовъ? Нѣсколько Сумпановъ клялись мнѣ, что таковыя прорицанія, бывшія у Хана Меньшой Орды Джаниюрта, предъ смертію его, говорилъ ему, глядя на горящую кость баранью, что убійцы его идутъ; назначалъ разстояніе, въ которомъ они находились; определялъ часть, въ которой лишится онъ жизни; и что будто бы все сіе исполнилось по словамъ симъ съ величайшею точностію. Ханъ сѣлся надъ предсказаніемъ; но въ минути смерти разкался, и пѣлъ еще болѣе утвердилъ свидѣтелей сего происшествія въ синаромъ ихъ предразсудкѣ (*).

Рали, составляющіе второй классъ прорицателей, гадаютъ по цвѣту пламени, которымъ горитъ баранье сало, бросаемое ими въ огонь; при семъ читаютъ они молитвы и призываютъ духовъ.

Алудузи суть Астрологи, предсказывающіе и гадающіе по звездамъ, въ которыхъ живутъ знакомые имъ духи (**).

Всѣхъ забавитъ и въѣсть страшитъ *Баксы* или *Бакхи*, очень похожіе на Сибирскихъ Шамановъ. Одѣяніе ихъ бываетъ иногда обыкновенное длинное, иногда же короткое, или изорванное рубище, одною наружностію своею уже дѣйствующее на зрителей ихъ трагическихъ представлений. Образъ прорицанія ихъ то же не всегда одинаковъ. *Баксы*, котораго мнѣ случилось видѣть, вошелъ въ кибитку самымъ тихимъ шагомъ, съ потупленными глазами, съ важнымъ лицомъ, и въ рубищѣ. Взявъ въ руки *кобызъ*, составляющій подобіе гудка, сѣлъ онъ на коверъ, заигралъ, запѣлъ и началъ тихо качаться, а потомъ дѣлать разныя тѣлодвиженія. Съ возвышеніемъ голоса, ускорились и спланировались труднѣе его кривлянья. Онъ бился, вертѣлся, вытягивался и сгибался, какъ неустойчивый; потъ лилъ съ него градомъ, пѣна клубилась изо рта. Бросивъ *кобызъ*, вско-

чилъ онъ, вспрыгнувъ, запрявъ голову, спалъ кричаши пронзительнымъ голосомъ и созывалъ духовъ, что мнилъ ихъ къ себѣ руками, что обнималъ онъ себя тѣхъ, которые были ему неужны. Наконецъ, выбившись изъ силъ, съ лицомъ блѣднымъ, съ глазами налившимися кровью, бросился онъ на коверъ, измученный дикимъ крикомъ, и умолкъ, какъ мертвый. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, привставъ, озирался онъ на всѣ стороны, какъ будто не зная, гдѣ онъ, прочелъ молитву, и началъ предсказывать, основываясь, какъ говорилъ, на бывшемъ ему иногда видѣніи.

Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ 1820 года (книжка 6) помѣщено любопытное описаніе Киргизскаго чародѣя другого рода. Выпишемъ оное.

«Онъ былъ Ташкентецъ степенаго вида, имѣлъ на головѣ чалму, подобно Ходжѣ или Муллѣ; а на себѣ бѣлое пологасное длинное платье, подолсанное бѣлымъ же кушакомъ; въ рукахъ держалъ онъ высокой костью, опрѣянный мѣдью, украшенный разноцвѣтными камнями и обвитый проволокою, съ привязанными къ нему тремя длинными и широкими значками, однимъ изъ бѣлой ткани и двумя изъ шелковой. Онъ сѣлъ на скамью по срединѣ юрты, читалъ молитвы и призывалъ по имениамъ почитаемыхъ Магометами угодинокъ, назначая каждому изъ нихъ занятіе, которые будто бы къ нему и предсказали; при чемъ чувствовалъ онъ великое восхищеніе и вмѣстѣ досаду, что одинъ злой духъ препятствовалъ ему слышать ихъ откровеніе. Для прогнанія сего, принужденъ онъ былъ соскочить съ своего мѣста, бѣгалъ съ костью по юртѣ, даже высоко прыгалъ изъ оной вошь, сѣлъ на осыдавшую лошадь и указывалъ въ поле болѣе четверти версты; но возвращаясь же опшуда повертывался, сѣлъ на лошадь, нѣсколько разъ на всѣ стороны, размахивалъ костью и вошелъ въ юрту съ спокойнымъ духомъ, радуясь, что прогналъ своего неприятеля. Тамъ сѣлъ по прежнему на скамью и съ особеннымъ благоговѣніемъ призывалъ своихъ угодинокъ; а спустя нѣсколько времени, впавъ въ нѣкоторое безпамятство, повалился на землю и производилъ столь сильныя движенія, что четыре человека едва могли его держать. Наконецъ чрезъ 10 минутъ успокоился, пришелъ въ совершенное чувство и на вопросы присутствующихъ, пересказывалъ сдѣланныя ему откровенія. Онъ говорилъ мнѣ, что текущій годъ окончится благополучно безъ войны и всякихъ другихъ несчастій для народа; словомъ, все обещалъ, что только могла ихъ утѣшать, или питать припнуною надеждою.»

(*) Точно также гадалъ на бараньихъ костяхъ Мангу-Ханъ, султанъ Чингиса, когда былъ у него Рубриксъ. Смолр. Описаніе

Въ Большой Орлѣ. Баксы наряжающіеся въ бѣлые са-

кон приписываютъ себѣ искусство обворожать плен-
ныхъ такъ, что они въ побѣгѣ непременно должны
сблизиться съ дороги. Для сего вырываютъ у нихъ воло-
сы, сыплютъ имъ на языкъ золу, велаятъ отступать
на три шага назадъ и проч.

Есть кромѣ того у Киргизовъ другіе способы воро-
жить и колдовать, которые однако жъ мало различа-
ются отъ вышеописанныхъ. Не входя въ подробности, ска-
жемъ вообще, что многіе изъ занимающихся симъ ре-
месломъ дѣйствуютъ не одними кривляньями, но имѣ-
ютъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ Ботаникѣ и Химіи. Искус-
нейшіе изъ нихъ, какъ говорятъ, безвредно ходятъ го-
лыми ногами по раскаленному желѣзу, сползая на
оспрыхъ сабляхъ и горящихъ угольяхъ, плюсаютъ
ножи, плети и выпускаютъ въ горло сабли.

Колдовство и обманъ составляютъ не только часть
религіи Киргизъ-Козаковъ, но и главнѣйшую часть Ме-
дицины ихъ: ибо они прибѣгаютъ къ онымъ въ самыхъ
опасныхъ болѣзняхъ.

Баксъ лечитъ слѣдующимъ образомъ:

Сначала садится онъ противъ больного, играетъ
на кобызѣ, поетъ, кричитъ дикимъ гологомъ, бѣснуетъ
и дѣлаетъ разныя вышеописанныя кривлянья; потомъ
вскакиваетъ съ мѣста, читаетъ безсмысленныя рѣчи,
беретъ плетъ и бьетъ оною спраждающаго, въ надеж-
дѣ изгнать изъ него всѣхъ нечистыхъ духовъ, произво-
дящихъ болѣзнь; наконецъ, лижетъ его языкомъ, ку-
саетъ до крови зубами, плюетъ ему въ глаза, и схва-
тывая пожатъ, бросается на него, будио съ намѣреніемъ
зарѣзать.

Такое лечение иногда сопровождается разными дру-
гими, столь же смѣшными обрядами, и продолжается
9 дней. Нѣкоторые Медики утверждаютъ, что оно, не
взирая на всю его странныость, можетъ быть полезно
въ болѣзняхъ, онъ раздраженія производящихъ.

Другаго рода Киргизскіе обманники, называющіе се-
бя лекарями, имѣютъ еще нѣыл средства для легко-
верныхъ. Они разводять огонь, раскаляютъ въ ономъ
желѣзо, и топаятъ баранье сало; потомъ, соединяясь
съ предстолцами зрительями, и давъ каждому изъ нихъ
по зажженной свѣчѣ въ руку, дѣлаютъ торжественныя
ходы, и посяютъ около больного или три чашы съ горя-
щими свѣчами, наполненныя всякою всячиною, или раз-
стланутыхъ козъ и овецъ, конми толкаютъ больного
9 разъ, и которыхъ кожи предоставляются въ пользу
врача.

Иногда вмѣстѣ Баксовъ лечатъ Муллы. Сія послед-

занимая мѣсто искусства, дѣлаетъ и сей претій спо-
собъ леченія иногда дѣйствительнымъ. Подобные при-
емы встрѣчаемъ у многихъ просвѣщенныхъ народовъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, больные Киргизы призыва-
ютъ съ собою на помощь въ одно время и Муллу и Бак-
совъ, и разныхъ другихъ обманниковъ. Первые не иѣ-
шаютъ выпорымъ, послѣдніе живутъ въ согласіи съ тѣ-
ми и другими. Всѣ дѣйствующіе въ шаковыхъ собрані-
яхъ имѣютъ одну цѣль: получить плату за труды; а
потому всякой ошправляетъ свое ремесло безъ разо-
ровъ.

Невѣжество, суевѣріе и обманъ всегда подають другъ
другу помощь и вездѣ, хотя въ разныхъ видахъ, но со-
единенными силами угнепають родъ человѣчскій.

З И М А.

Поля покрылись пушистыми снѣгами,
И солнце, скрытое туманными зыбями,
Какъ будио крадешся невидимой снѣзей
Онъ ушла позднито до ранней тѣмны почвой.
Прощайте, осени разгульныя забавы!
Прощай, призывный рогъ въ безмолвіи дубравы,
И легкій скокъ коня по доламъ и горамъ
И звучная гоньба по ушреннимъ зарямъ!
Когда пройдеиъ зима? когда увидимъ снова
Веселый цвѣтъ луговъ и поля озимовъ,
Лѣса, согрѣтые дыханіемъ весны,
И синеву небесъ надъ зеркаломъ волнъ?
Вошше, исполненный невольнаго помяненья,
Чтобъ разогнать тоску и скуку замоченья,
Гляжу въ замерзшее и шуклое окно:
Вокругъ все холодно и мертво и тѣмно!
Вдали шумитъ мяпель и на землѣ печальной
Разкинутъ бѣлый снѣгъ, какъ саванъ погребальный;
Вокругъ все холодно; но что жъ? Въ груди моей
Теплѣ кровь бѣжитъ и взоръ души свѣтитъ.
Меаша проснулася: и чудныя видѣнья
Рисуешь предо мной игра воображенья.
Мнѣ помнится крадъ, гдѣ, пушистикъ молодой,
Я съ мирнымъ посохомъ и пылкою душой
Бродилъ среди карликовъ и прелестей природы.
Скалы Швейцаріи, и пастыри народы,
И роскошь Франціи, и пы, страна чудесъ
И пламенныхъ искусствъ и радужныхъ небесъ.